

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International
Relations

• 17(4) • 2024

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах: Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, директор по научным коммуникациям МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Вайц Р. – старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризона (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член-корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, независимый исследователь (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН, заведующий кафедрой международной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий Лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (Russia).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Doctor of Political Science, independent researcher (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, independent researcher.

Kokoshin A.A. – Head of International Security Department, Lomonosov Moscow State University Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia). (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa R. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Doctor of Sciences (Politics), Professor of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Захарова Е.А., Гожина А.В.,
Кузнецов Д.А., Уруева М.С., Учаев Е.И., корректор – Кубышкина Е.В.,
вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 16,94 усл. п.л. Заказ № 1099.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and
Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-
69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@inno.mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 17(4) • 2024

Тематический номер
«Посредничество в международных отношениях и дипломатия»
при поддержке программы “Приоритет 2030”.
Приглашённые редакторы М.М. Лебедева, Е.С. Зиновьева

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Теоретические вопросы

посредничества и дипломатии

- 7 Лебедева М. М. – Эволюция посредничества в международных конфликтах
- 27 Зиновьева Е.С. – Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции
- 48 Базлуцкая М.М., Сытник А.Н., Цветкова Н.А. – Вовлечённость аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии
- 83 Аронов И.З., Максимова О.В. – Динамика достижения консенсуса в международных переговорах

Дипломатия второго трека

- 101 Аликберов А.К., Наумкин В.В. – Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН

- 121 Колыхалов М.И. – Особенности и развитие международных переговоров городов

История дипломатии

- 136 Morozov V.M., Shebalina E.O., Melnikova S. V. – The Promise and Failure of Israeli-Palestinian Peace Process in 1990s: A Literature Review
- 155 Кудрявцев О.Ф. – Неудавшееся миротворчество: миссия Франческо да Колло и Антонио де Конти в Москву (1518–1519)

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 183 Баранов А.В. – Испания в условиях нестабильности

Table of Contents • 17(4) • 2024

Special issue

“Mediation in International Relations and Diplomacy”.

Guest editors Marina Lebedeva, Elena Zinovieva

RESEARCH ARTICLES

Theoretical issues of mediation and diplomacy

- 7 Lebedeva M.M. – The Evolution of Mediation in International Conflicts from 1940s to 2020s
- 27 Zinovieva E.S. – Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers
- 48 Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N, Tsvetkova N.A. – Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness
- 83 Aronov I. Z., Maksimova O.V. – Time to Consensus in International Negotiations

Second Track Diplomacy

- 101 Alikberov A.K., Naumkin V.V. – Track-II Diplomacy in the Format of Situational Analysis: The Experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

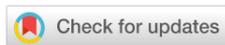
- 121 Kolykhalov M.I. – Characteristics and Emerging Trends in International City Negotiations

History of Diplomacy

- 136 Morozov V.M., Shebalina E.O., Melnikova S. V. – The Promise and Failure of Israeli-Palestinian Peace Process in 1990s: A Literature Review
- 155 Kudriavtsev O.F. – Unsuccessful Peacemaking: the Mission of Francesco da Collo and Antonio de Conti to Moscow (1518–1519)

BOOK REVIEWS

- 183 Baranov A.V. – Spain in a State of Uncertainty

Эволюция посредничества в международных конфликтах

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье анализируется эволюция международного посредничества с середины XX в. до сегодняшнего дня. Как происходящие в мире изменения влияют на феномен международного посредничества и его изучение? Гипотеза исследования состоит в том, что трансформация мирового порядка и политической организации мира в целом, а также процессы глобализации/де-глобализации и изменение характера конфликтов определяют специфику международного посредничества и, как следствие, отражаются в исследованиях по данной теме. Развитие международного посредничества в рассматриваемый период можно разделить на три этапа. Первый этап связан с эпохой Холодной войны: международные конфликты носили в значительной степени межгосударственный характер и урегулировались государствами и международными организациями. Активизация негосударственных акторов нашла отражение в посредничестве в виде формирования «дипломатии второго трека». В это время формируются и исследования международного посредничества как отдельная область знаний. На втором этапе, с конца 1980-х гг. до начала XXI в., происходит разблокирование урегулирования региональных конфликтов с помощью посреднических усилий СССР и США. Полноценные политологические исследования международного посредничества начинают развиваться и в России, где до 1990-х они носили единичный характер и были связаны с международно-правовой наукой. На третьем этапе, в XXI в., усиливаются процессы, которые наметились в конце предыдущего столетия. Политическая организация мира на уровне Вестфальской системы, системы межгосударственных отношений и политических систем отдельных государств продолжает подвергаться эрозии, что усиливает конфликтный потенциал в мире. Новые конфликты характеризуются многоаспектностью и многоакторностью, а их урегулирование предполагает вовлечение в посредничество различных государственных и негосударственных акторов. В ответ на эти вызовы происходят изменения в практике посредничества: активизация развивающихся стран, вовлечение в посредничество гражданского персонала миротворческих операций, использование цифровых технологий для осуществления посреднических функций. Вместе с тем в результате эрозии политической организации мира начинают преобладать конфликты идентичности, основанные на ценностных разногласиях. Стороны таких конфликтов реже готовы к поиску компромиссов на основе анализа интересов, что снижает вероятность успешного посредничества в новых условиях.

УДК 327.56

Поступила в редакцию: 02.10.2023

Принята к публикации: 15.02.2024

Ключевые слова: международное посредничество, урегулирование конфликтов, негосударственные акторы, цифровизация в посредничестве, политическая организация мира, глобализация/де-глобализация, международные конфликты, технология посредничества, ценности

Процедуры посредничества применялись людьми с далёкой древности: ещё в первобытно-общинном обществе старейшины выступали в качестве посредников при урегулировании конфликтов (Ury 1990). В дальнейшем посредничество стало развиваться и дифференцироваться, в результате чего за всю свою историю человечество накопило огромный опыт использования посреднических технологий.

Посредничество в международных конфликтах начинает интенсивно развиваться после окончания Второй мировой войны, когда особенно остро встала проблема предотвращения новых мировых войн. Посредничество как средство урегулирования и предотвращения конфликтов было зафиксировано в Уставе ООН, где в статье 33 главы 6 говорится: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путём переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»¹.

После окончания Второй мировой войны прошло почти 80 лет. Мир в значительной степени изменился. Поэтому исследовательский вопрос заключается в следующем: отражаются ли изменения, происходящие в мире, на феномене международного посредничества и его изучении? Гипотеза исследования состоит в том, что трансформация мирового порядка и политической организации мира в целом, а также процессы глобализации/де-глобализации и изменение характера конфликтов определяют специфику международного посредничества и, как следствие, отражаются в исследованиях по данной теме.

Исследования посредничества представляют собой динамично развивающееся направление в науке о международных отношениях. После выхода обобщающих трудов 1980-х и 1990-х гг. (Bercovitch 1986; Bercovitch, Houston 1996) данная область исследований закономерно начала специализироваться, и современная научная литература в основном сосредоточена на отдельных аспектах посредничества. Например, ряд работ посвящён исключительно анализу стратегий посредничества (Qi 2007) или исследованию предвзятости посредников (Chen 2019); другие исследования фокусируются на проверке отдельных

¹ Устав ООН (полный текст). *Организация Объединённых Наций*. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 14.08.2024).

причинно-следственных связей, изучая, как на эффективность посредничества влияют, например, плотность косвенных связей между сторонами конфликта (Böhmeit 2009), участие в конфликте негосударственных акторов (Duursma 2023) или сочетание посредничества и миротворческих усилий (Clayton, Dorussen 2022). В отличие от этих подходов, настоящая статья рассматривает эволюцию посредничества в более широком контексте мировой политики. С этой целью проводится историческая периодизация развития посредничества, в рамках которой выделяемые периоды определяются моментами масштабных трансформаций политической организации мира.

Под международным посредничеством в настоящей статье понимается не только посредничество в «классических» межгосударственных конфликтах, но и посредничество внешних акторов в конфликтах внутригосударственных (которые при таком посредничестве автоматически интернационализируются).

Практика посредничества государств и негосударственных акторов в период Холодной войны и в конце XX в.

Почти вся вторая половина XX в. характеризуется блоковым противостоянием. Тем не менее, для разрешения международных конфликтов во время Холодной войны конфликтующие стороны активно прибегали к посредничеству. Так, по данным Дж. Берковича, в большинстве – 44 из 72 – межгосударственных вооружённых конфликтов в период 1945–1984 гг. участники соглашались на посредничество (Vercovitch 1986: 159). При этом посредничество осуществлялось примерно в двух третях конфликтов в Африке и в Латинской Америке и в 80% конфликтов на Ближнем Востоке (Susskind, Babbitt 1992). Международные конфликты этого периода, в которых применялось посредничество, были, главным образом, межгосударственными, а в качестве посредников в большинстве случаев выступали государства или международные организации.

Обе сверхдержавы – СССР и США – имели опыт посредничества в урегулировании конфликтов. Считалось, что залогом успеха посредничества является существенное манипулирование переговорной средой третьими сторонами, располагающими значительными экономическими и военными ресурсами, поэтому региональные (в частности, африканские) посредники, как правило, считались менее эффективными из-за более низкого экономического и военного потенциала (Duursma 2020).

США активно занимались посредничеством в годы Холодной войны в различных регионах мира. Большое внимание они уделяли Ближнему Востоку (Хрусталёв 2006), выступали посредниками между Турцией и Кипром, с тем или иным успехом участвуя в урегулировании кризисов на Кипре в 1963, 1967 и 1974 гг. (Güney 2004), а также в целом ряде других конфликтов. СССР в меньшей степени, чем США, включался в посредническую деятельность на международной арене. Тем не менее СССР, например, довольно успешно содействовал

урегулированию очередного этапа конфликта между Индией и Пакистаном относительно Кашмира, результатом чего стала Ташкентская декларация, подписанная в январе 1966 г. президентом Пакистана и премьер-министром Индии при посредничестве председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина.

Наряду с посредничеством сверхдержав в этот период развивается и посредничество малых и средних государств. Основная причина выбора в качестве посредника таких государств заключалась в их относительно нейтральном статусе в рамках биполярного противостояния двух систем. Средние и малые государства не могли, в отличие от сверхдержав, использовать финансовые и иные рычаги воздействия, связанные с жёсткой силой, однако были способны влиять на конфликт дипломатическими методами (Eriksson 2015). Примером такого рода посредничества может служить деятельность Алжира при урегулировании конфликта между США и Ираном в 1979–1981 гг., связанного с захватом заложников в американском посольстве в Тегеране. Выбор посредника в этом случае оказался сложным: Иран не соглашался на посредничество ООН из-за подозрений в сильном американском влиянии на организацию, а США возражали против посредничества Сирии и Ливии ввиду их близких отношений с Ираном. Важным аспектом посреднической деятельности Алжира стал фокус на организации *процесса* нахождения решения, а не на предложении конкретных путей выхода из конфликта (Slim 1992).

Международные организации также вовлекались в посредничество в период Холодной войны. В частности, Генеральный секретарь ООН выступал в качестве посредника во время Суэцкого кризиса. Снижению напряжённости, а, следовательно, и появлению возможностей дальнейшего урегулирования во многих случаях способствовала миротворческая деятельность ООН, начало которой было положено в 1948 г. (Iji 2017).

При анализе по десятилетним периодам (начиная с 1945 г.), пик частоты посреднических услуг во второй половине XX в. приходится на 1976–1985 г., а на втором месте оказывается период 1986–1995 (Bercovitch, Houston 1996). При анализе данных по десятилетним периодам, начиная с 1945 г., наибольшая частота использования посреднических услуг во второй половине XX в. наблюдается в 1976–1985 гг., а на втором месте стоит период 1986–1995 гг. (Bercovitch, Houston 1996). Первый из этих периодов совпадает с эпохой разрядки международной напряжённости. Вторым периодом характеризуется усилением международной напряжённости, однако активность международного посредничества не ослабла. Этот феномен можно объяснить тем, что, несмотря на блоковое противостояние, усилия международного сообщества были направлены на предотвращение того, чтобы локальные конфликты стали триггером новой мировой войны.

Начиная со второй половины XX столетия, как показали Р. Кохейн и Дж. Най, на международную арену в качественно новых масштабах вышли негосударственные акторы (Keohane, Nye 1971). Это стало первым толчком

к кардинальному изменению государственно-центристской политической организации мира.

Активизация негосударственных акторов сказалась и на посредничестве. Во второй половине XX в. наряду с посредничеством государств в международных конфликтах всё чаще стали использовать так называемую «дипломатию второго трека», представляющую собой посредничество негосударственных акторов. В одних случаях этот «второй трек» шёл независимо от официальной дипломатии, в других – представители официальной и неофициальной дипломатии активно сотрудничали. У каждого трека были свои преимущества. Так, у негосударственных акторов часто формировались хорошие отношения с населением, им нередко больше доверяли, чем официальным лицам. Кроме того, негосударственным акторам оказывалась доступной информация с мест, которую сложнее получить официальным посредникам. В свою очередь, официальные лица способствовали заключению официальных соглашений, а также принятию релевантных решений в международных организациях.

В посредничестве негосударственных акторов («дипломатии второго трека») наметилось два направления: посредничество неправительственных организаций и посредничество, организованное академическими структурами.

Неправительственные структуры, безусловно, и ранее подключались к урегулированию конфликтов, примерами чему служили и гуманитарная деятельность Международного Комитета Красного Креста, и посредническая деятельность Святого Престола по урегулированию ряда конфликтов в начале XX столетия в Латинской Америке (Зонова 2000). Однако во второй половине XX в. деятельность неправительственных организаций по урегулированию конфликтных ситуаций стала более разнообразной и приобрела целый ряд функций: реабилитационную, превентивную, мониторинговую (по соблюдению прав человека), а также функцию по разрешению конфликта и примирению конфликтующих сторон (Aall 1996). К этим функциям с полным правом можно добавить информационно-аналитическую, заключающуюся в сборе информации непосредственно с мест и её предварительной обработке, а также коммуникативную, которая предполагает налаживание диалога как с посредником, так и между конфликтующими сторонами.

Вместе с тем иногда вовлечение различных негосударственных акторов приводило к обострению конфликтной ситуации, что могло быть вызвано как несогласованностью действий различных негосударственных акторов, так и недостатком профессионализма из-за отсутствия соответствующего образования. Так, во время конфликта в Руанде в середине 1990-х гг., где действовали около 100 неправительственных организаций, в двух соседних деревнях распространялась гуманитарная помощь различными неправительственными организациями. В одной деревне она предоставлялась всем без каких-либо условий, в другой – только тем, кто стал участником проекта по снижению конфликтного

потенциала. В результате такой деятельности между этими деревнями возник конфликт (Natsios 1997).

Примерами второго направления посредничества негосударственных акторов стали академические семинары (*workshops*), организованные представителями различных университетов по урегулированию конфликтов на Кипре (Burton 1969), на Ближнем Востоке (Cohen et al. 1977), в районе Африканского Рога (Doob, Foltz, Stevens 1969). Целью таких мероприятий было содействие политическим изменениям через изменения в индивидуальном восприятии и отношениях между представителями экспертных сообществ (Kelman, Cohen 1979). Подобные семинары, помимо прочего, заложили основу для формирования одного из направлений академической дипломатии (Торкунов 2019).

В последние пятнадцать лет XX в. политическая организация мира претерпевает новые изменения. Этот период представляет собой самостоятельный этап в развитии международного посредничества – с той оговоркой, что периодизацию в международных отношениях и мировой политике вряд ли следует чётко проводить по годам, поскольку инерция предыдущих трендов какое-то время продолжает действовать. Тем не менее с конца 1980-х примерно по 1994 г. количество конфликтов, которые пытались урегулировать с помощью посредничества, значительно увеличилось (Lundgren, Svensson 2020). По всей видимости, это было связано, в первую очередь, с окончанием Холодной войны. В конце 1980-х гг. урегулируется ряд региональных конфликтов: в частности, при содействии СССР и США (страны формально являлись наблюдателями) были достигнуты договорённости по разрешению конфликта на Юге Африки.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. к постепенной эрозии Вестфальской политической системы мира вследствие продолжающейся активности негосударственных акторов добавилось исчезновение биполярного порядка, вызванное распадом СССР. Как следствие, увеличилось число конфликтов на этнической и религиозной почве, получивших обобщенное название «конфликтов идентичности» (Volkan 2006). Такие конфликты вспыхнули и на постсоветском пространстве, а в ряде из них посредником в урегулировании выступила Россия (Майоров 2007).

Конфликты идентичности особенно сложно поддаются урегулированию с помощью посредничества, о чём свидетельствует, например, конфликт на Кипре. Официальное посредничество, в первую очередь ООН, не приводило к восстановлению отношений между общинами греков-киприотов и турок-киприотов. Вместе с тем посредничество в рамках «дипломатии второго трека» было сосредоточено на низовом уровне и вовлекло многих влиятельных людей в межобщинные взаимодействия. Несмотря на, казалось бы, периодические успехи посредничества, стороны продолжали находиться в более конфликтных отношениях (Fisher 2001).

По данным М. Лундгрена и И. Свенссона, с середины 1990-х наблюдается спад посредничества в мире. Авторы объясняют это распространением вооружённых конфликтов с участием исламистских акторов, которые не разрешаются переговорами и, следовательно, не предполагают посредничества (Lundgren, Svensson 2020). Однако в 1990-е гг. также активно развиваются гражданские войны и конфликты идентичности: Приднестровье, Южная Осетия, Сомали, Хорватия, Босния, Таджикистан, а также конфликты в ряде других регионов. В урегулирование новых конфликтов и продолжающихся конфликтов, возникших ранее, вовлекаются государства, международные организации, негосударственные структуры. Например, в 1990-е гг. посредничеством в конфликте между Организацией Освобождения Палестины и Израилем занималась Норвегия. В урегулировании конфликта в Таджикистане приняла участие ООН, кроме того, подготовительная работа по межтаджикскому урегулированию проводилась негосударственными акторами в рамках Дартмутской конференции (Шарафиева 2013).

Сложность урегулирования конфликтов в 1990-е гг. привела к тому, что одной из характеристик этого периода стало переключение усилий с полноценного прекращения конфликтов на поддержание насилия ниже уровня, при котором оно могло бы угрожать прямым вооружённым столкновением (Richmond 2018).

Исследования международного посредничества во второй половине XX в.

Развитие практики посредничества во второй половине XX столетия стимулировало проведение научных исследований, которые в целом можно разделить на два больших направления: 1) изучение конкретных случаев как официального, так и неофициального посредничества; 2) обобщающие теоретические работы.

Важным результатом первого направления исследований стало выявление технологий посредничества. Примером здесь может служить такая технология, как «работа по единому тексту», которая использовалась, в частности, Алжиром в урегулировании конфликта между США и Ираном в 1979–1981 гг.: алжирские посредники предлагали по отдельности США и Ирану текст по урегулированию ситуации просьбой с указать, с чем они не согласны (Slim 1992). Другие технологии посредничества включают: «остановку часов», когда посредник не позволяет прекратить переговоры сторон до тех пор, пока не будет найдено решение; «вынесение за скобки», то есть, исключение из обсуждения наиболее спорных вопросов. Последний приём использовался, в частности, в четырёх из числа наиболее значимых конфликтов, которые урегулировались с помощью посредников: Кэмп-Дэвидских соглашениях 1978 г., «соглашениях Осло» 1993 г., Дейтонском соглашении 1995 г. и соглашении по Намибии 1988 г. (Vukovic 2020).

Особенность большинства самих посреднических технологий как инструментов заключается в том, что они мало зависят от ситуации в мире и, по всей видимости, мало меняются с течением времени. Это даёт основания говорить о возможности создания банка посреднических технологий (Лебедева и др. 2024). Более того, технологии относительно легко могут быть перенесены из одной сферы в другую, в частности, из международной сферы в менеджмент и наоборот. В этом смысле посреднические технологии обладают определённой универсальностью. Данный тезис основан на том, что, несмотря на политический характер международных конфликтов, с точки зрения технологий урегулирования в международных конфликтах и бизнес-конфликтах много общего, как показали исследования Г. Райффа, Р. Фишера и У. Юри (Raiffa 1982; Fisher, Ury 1981).

Второе направление – теоретические исследования посредничества, которые во второй половине XX в. начинают активно развиваться благодаря интенсификации практики посредничества. Спектр таких исследований оказался довольно широким. Прежде всего, была выявлена многозначность самого понятия «международное посредничество». Его смысл зависит как от объективной конфликтной ситуации, так и от субъективной ориентации посредника. М. Клейбоер описал две модели посредничества в зависимости от ориентации посредника: 1) посредничество, направленное на разрешение конфликтной ситуации; 2) посредничество, ориентированное на реструктурирование отношений участников конфликта (Kleiboer 1998). В принципе, эти две модели соответствуют основным функциям посредничества.

Подходы к анализу посредничества в XX в. варьировались также в зависимости от методов исследования. Здесь выделяется три подхода. Первый состоит в анализе конкретных ситуаций посредничества (case study). Выявление деталей и специфики посреднических усилий является сильной стороной данного подхода, однако его ограничением оказывается отсутствие генерализации, то есть невозможность выявить общие закономерности. Второй подход заключается в проведении имитационных игр, в которых к конфликтной ситуации подключается посредник. В этом случае исследователь способен контролировать влияние различных переменных. Однако, поскольку в таких имитациях обычно участвуют непрофессионалы, перенос их результатов на реальные конфликты, в которых участвуют профессиональные политики и дипломаты, обладает ограниченной валидностью. Третий подход к изучению посредничества предполагает длительное систематическое описание и объяснение реальных посреднических усилий с использованием ясных критериев и определений, с привлечением большого количества данных, а также методов социальных наук. Это позволяет понять ключевые отношения, связи и паттерны, которые влияют на результат посредничества. Правда, здесь также возникают проблемы, обусловленные использованием архивных материалов, опросов и других методов, которые не всегда точно отражают реальность (Bercovitch 1996).

Во второй половине XX столетия с содержательной точки зрения разрабатываются такие вопросы, как: структура конфликта, которая требует посредника; требования, предъявляемые к посреднику; эффективность посреднических усилий; влияние культурных особенностей на посредничество; и многие другие. Проблема влияния культурной специфики на процесс посредничества становится особенно актуальной в конце XX в. в связи с развитием конфликтов идентичности. Так, Дж. Беркович и А. Хьюстон приходят к выводу, что условия среды, в которой осуществляется посредничество, а также специфика идентичностей сторон конфликта являются наиболее существенными факторами, влияющими на выбор стратегии посредничества (Bercovitch, Houston 2000).

Основные исследования международного посредничества проводились в США, что обусловлено целым рядом причин: активностью США в международном посредничестве, большим количеством исследовательских центров по международным отношениям, объёмами финансирования.

Иная ситуация складывалась в СССР. Международные исследования основывались, главным образом, на исторической науке. Тем не менее в случае международного посредничества, которое не попадало в фокус внимания специалистов в области международных отношений, пионерами оказались юристы. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляются статьи по мирному урегулированию международных споров, затрагивающие проблематику посредничества (Богданов 1957; Ладыженский, Блищенко 1963). В 1970-х гг. Э.А. Пушмин публикует книги по посредничеству и оказанию добрых услуг (Пушмин 1970; Пушмин 1974). Примечательно, что эти исследования Э.А. Пушмина были выполнены на базе Ярославского государственного университета, в отличие от абсолютного большинства публикаций по международным отношениям, авторами которых были представители московских научных центров. Историки же рассматривали отдельные кейсы международного посредничества в тот или иной исторический период. Так, вопросы посредничества затрагивались в исследованиях российской внешней политики при Петре Первом (Молчанов 1984). При этом отсутствие политологических подходов в международных исследованиях не позволяло проводить теоретическое обобщение отдельных случаев.

Почему именно правовая наука стала первопроходцем в изучении международного посредничества? По всей видимости, выход СССР на мировую арену в качестве сверхдержавы, его место постоянного члена в Совете Безопасности ООН потребовали проработки правовых норм, в том числе и по вопросам урегулирования конфликтов.

В 1990-е гг. в российских исследованиях по проблемам посредничества произошли изменения. Во-первых, посредничество – особенно посреднические усилия на постсоветском пространстве – оказалось в фокусе внимания российских международных исследований. Во-вторых, появляются теоретические исследования по вопросам международного посредничества (Лебедева 1997). Российские исследования посредничества включаются в общемировую науку.

Практика и теория международного посредничества в XXI в.

В XXI в. во многом продолжают и усиливаются процессы, которые наметились в мировой политике в конце предыдущего столетия. Политическая организация мира на уровне Вестфальской системы, системы межгосударственных отношений и политических систем отдельных государств продолжает подвергаться эрозии (Лебедева 2016), что усилило конфликтный потенциал в мире. На этом фоне развиваются конфликты в различных регионах мира, а также вооружённые восстания и столкновения, примером чего стала «арабская весна». Никуда не исчезли и межгосударственные конфликты.

Наряду с трансформацией политической организации мира, в результате развития информационно-коммуникационных технологий усилилась прозрачность национальных границ. Новые технологии стимулировали дальнейшую глобализацию. Всё это привело к бóльшей интернационализации конфликтов, и, как следствие, к усилению интернационализации посредничества. Однако вскоре наступила реакция на слишком быструю глобализацию, которая в сочетании с воздействием пандемии COVID-19 привела к преобладанию сегодня тренда де-глобализации, а также возрастанию турбулентности. Это породило конфликты, в отдельных случаях напоминающие средневековые, для урегулирования которых не существует ни специальных механизмов, ни институционализированных структур посредничества (da Rocha 2019).

Тем не менее вопрос о международном посредничестве не ушёл с повестки дня. Так, 22 июня 2011 г. Генеральная Ассамблея ООН впервые приняла резолюцию «Укрепление роли посредничества в мирном урегулировании споров, предотвращении и разрешении конфликтов»².

В XXI в. в посредничестве возникают новые вызовы, обусловленные активизацией различных акторов на мировой арене, как среди конфликтующих сторон, так и среди посредников. Стороны конфликта во многих случаях оказываются всё более неоднородными, изменчивыми по форме и структуре, что представляет собой огромную проблему для посредников (da Rocha 2019). Сложная динамика конфликта мешает традиционным миротворческим структурам – государствам и международным организациям – удовлетворять требования различных участников конфликта и эффективно взаимодействовать с ними. «Гибридные» конфликты создают потребность в неофициальных акторах и в сочетании различных методов посредничества³. В частности, высказываются предположения,

² ГА ООН. 2011. A/RES/65/283. Укрепление роли посредничества в мирном урегулировании споров, предотвращении и разрешении конфликтов. *Генеральная Ассамблея ООН*. 22.06.2011. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n10/529/54/pdf/n1052954.pdf?token=dLVUDQbyESF14GazHN&fe=true> (дата обращения: 14.08.2024).

³ Kakoma I., Marques E. 2020. The Future of Mediation in the Post-COVID World. *Geneva Center for Security Policy*. Issue 12. URL: <https://dam.gcsp.ch/files/images/the-future-of-mediation-in-the-post-covid-world> (accessed 14.08.2024).

что в современных условиях ключом к благоприятному политическому посредничеству может стать совместное участие международных, региональных и местных властей. При этом, если в XX столетии негосударственные акторы старались повлиять прежде всего на лиц, принимающих решения относительно конфликта, то в XXI в. объектом их деятельности становится также население (da Rocha 2019).

Вместе с тем в посредничестве появились и новые возможности. Так, если в эпоху Холодной войны посредничество в большинстве случаев предполагало наличие у посредника значительного военного и экономического потенциала, в XXI в. оказалось, что представители африканских государств могут эффективно выступать посредниками в гражданских войнах в Африке из-за высокой степени их легитимности (Duursma 2020). Более того, летом 2023 г. африканские страны предлагали свои посреднические услуги для разрешения украинского конфликта⁴.

В XXI в. также происходит расширение функций миротворцев. Посредническую помощь во внутригосударственных конфликтах в случае ввода миротворческих сил, начинает оказывать гражданский миротворческий персонал. Эта помощь заключается в поиске решений конфликтных вопросов, взаимодействии с государственными должностными лицами для содействия миру (Duursma 2023).

В 2000-е гг. получают дальнейшее развитие посреднические технологии, в том числе на постсоветском пространстве. Так, в Приднестровском конфликте в рамках переговоров в формате «5+2» (Молдова и Приднестровье + Россия, Украина, ОБСЕ, ЕС, США) использовалась тактика малых шагов, которая представляла собой решение неполитизированных вопросов с тем, чтобы поддерживать диалог и, тем самым, не дать заморозить процесс урегулирования (Шевчук, Сачик 2021).

Следует заметить, что посреднические технологии широко используются в современном бизнесе, при этом происходит диверсификация посреднических методов и процедур, они становятся всё более разнообразными, а также формируются международные профессиональные организации посредников, развивается сочетание посредничества и арбитража (Alexander 2019). Появившиеся тенденции в этой сфере могут быть полезны и для урегулирования международных конфликтов: учитывая, что негосударственные акторы всё больше включаются в посредничество на политическом уровне, а также относительную универсальность посреднических технологий, можно предположить востребованность таких профессиональных бизнес-посредников для урегулирования международных конфликтов.

⁴ Лакстыгал И. 2023. Африка начала свою посредническую миссию в украинском конфликте. *Ведомости*. 17.06.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/06/17/980937-afrika-nachala-posrednicheskuyu-missiyyu> (дата обращения 14.08.2024).

В XXI столетии все сферы человеческой деятельности подверглись цифровизации. Исключением не стала и сфера мировой политики и международных отношений. Цифровые технологии активно используются при ведении и изучении международных переговоров (Лебедева, Зиновьева 2023). Однако в посредничестве цифровизация проявляется на сегодняшний день не столь очевидно. Отчасти это связано с тем, что современное посредничество часто осуществляется на многосторонней и многоуровневой основе, и согласовать поддержку посреднической деятельности на основе цифровых технологий оказывается сложно. Тем не менее первый опыт обращения к цифровым технологиям в международном посредничестве уже имеется. Так, в случае конфликта в Йемене использование цифровых технологий позволило посредникам, во-первых, проводить анализ больших объёмов неструктурированных данных, во-вторых, предоставило им новые аналитические инструменты, которые дают возможность формирования новых взглядов на сценарии конфликта (Arapa-Catania, Van Lier, Procter 2021).

Кроме того, с помощью цифровых технологий посредники могут получать дополнительную информацию о конфликте через социальные сети. Однако задача посредников одновременно и усложняется, поскольку конфликтующие стороны могут фабриковать поддельные новости, быстро распространяющиеся в цифровом пространстве, а также осуществлять конфликтные действия онлайн (Khairunnisa 2021). Обсуждается и вопрос об использовании искусственного интеллекта в посредничестве. На данный момент использованию инструментов искусственного интеллекта препятствуют сложности в получении больших объёмов релевантной информации для обучения систем искусственного интеллекта, а также важность трудно измеримых субъективных факторов для успеха посредничества. Впрочем, эти проблемы могут быть преодолены с помощью гибридных систем «человек–машина» (Hirblinger 2022).

Развитие международного посредничества в новых условиях XXI в. повлекло за собой и новые исследования проблемы. Важным направлением стало изучение условий, при которых в конфликт вовлекаются посредники, а также степени успешности их деятельности. Так, показано, что наличие косвенных связей, объединяющих два конфликтующих государства друг с другом через одну сторону или более, повышают вероятность посредничества. Эти связи создают социальные сети, которые вовлекают внешние стороны в процесс разрешения споров и увеличивают обмен информацией между конфликтующими сторонами и потенциальными посредниками, а также шансы на то, что третьи стороны будут жизненно заинтересованы в посредничестве (Böhmeit 2009).

В условиях многоуровневого и многостороннего посредничества возникает вопрос о том, в каких отношениях находятся между собой сами посредники. Выделяются различные типы такого взаимодействия: посредники могут действовать совместно либо независимо друг от друга. Далее, в обоих случаях

они могут быть нейтральными либо в большей степени поддерживать разные стороны конфликта (Spitka 2018).

При этом российские исследователи продолжают сосредотачивать внимание на постсоветском пространстве и Европе. Так, анализируется подключение ЕС к урегулированию Приднестровского конфликта (Шевчук 2021); изучается посредничество в конфликте в Косово (Сёмкина 2008).

Одной из центральных становится проблема успешности посредничества, что обусловлено усложнением современных конфликтов. Появился целый пласт исследований, ориентированных на выявление того, какие факторы ведут к успешности посредничества (см., например, Clayton, Dorussen 2022). Один из подходов к ответу на вопрос об успешности посредничества заключается в статистическом анализе большого количества кейсов, что можно сделать только ретроспективно. Так, анализ 593 случаев посредничества в международных конфликтах с 1945 по 1990 гг. показал, что в 55% случаев посредничество не было успешным. Только 7,8% попыток посредничества завершились полным разрешением конфликта, тогда как в 20,4% случаев конфликты были частично разрешены, и в 16,8% удалось достичь прекращения огня (Bercovitch, Houston 1996: 19–20). Низкий процент успешных результатов посредничества иногда может быть обусловлен использованием слишком строгих критериев успешности. В любом случае проблема недостаточной успешности международного посредничества сохраняется. Можно предположить, что посреднические усилия в XXI в. в силу указанных процессов трансформации политической организации мира (Лебедева 2016) и глобализации/де-глобализации в дальнейшем могут быть ещё менее успешными. Так, в условиях распада ранее сформированных социальных структур на первый план выходят ценности как наиболее устойчивые интеграторы. Конфликты трансформируются в экзистенциальные, а их участники оказываются не склонны к компромиссам, не готовы к переводу конфликта с ценностного уровня на обсуждение интересов, как это было в период Холодной войны. Посредничество в такой ситуации рискует оказаться заведомо неэффективным.

Заключение

Со второй половины XX столетия по настоящее время практика и исследования международного посредничества претерпели значительные изменения. В развитии международного посредничества в этот период выделяется три этапа. Первый этап соответствует эпохе Холодной войны. Посредниками в большинстве случаев оказывались государства, прежде всего, сверхдержавы. В это же время вследствие активизации негосударственных акторов складывается «дипломатия второго трека», которая распадается на две ветви: посредничество международных неправительственных организаций и научную (академическую) дипломатию.

Развитие практики международного посредничества в период Холодной войны повлекло за собой формирование соответствующей области исследований, в которой можно выделить два широких направления. Первое подразумевает изучение конкретных ситуаций посредничества и продолжило традиции исторической науки. Второе направление, которое создаётся именно в этот период, заключается в теоретическом осмыслении посреднических усилий.

Международная разрядка конца 1980-х гг. и последовавший за ней распад биполярной системы привели к новому этапу в развитии практики посредничества. Сначала разблокирование урегулирования региональных конфликтов привело к всплеску международного посредничества, что продемонстрировало возможности успешного взаимодействия СССР и США в качестве посредников. В дальнейшем получили развитие конфликты идентичности, и число посреднических усилий в мире снизилось. Если в период Холодной войны в СССР проводились лишь единичные исследования по международному посредничеству, преимущественно в рамках науки международного права, то на новом этапе под влиянием изменений в мире и запроса со стороны практиков в отечественной науке начинает формироваться полноценное самостоятельное направление исследований международного посредничества.

В начале XXI в. усиливаются тенденции к хаотизации международных процессов. С одной стороны, посредничество приобретает всё более многоаспектный и многосторонний характер. Появляются новые возможности для посредничества, связанные с использованием персонала миротворческих сил, вовлечением африканских стран в посредничество, началом использования цифровых технологий. Эти аспекты находят отражения в исследованиях, где одной из важнейших тем становится вопрос об эффективности посредничества. С другой стороны, превалирование ценностного компонента в конфликтах вследствие эрозии политической организации мира ведёт к тому, что их участники не переходят к прагматическому поиску компромиссов на основе анализа интересов. В этих условиях посредники мало чем могут помочь в урегулировании конфликта.

Таким образом, развитие международного посредничества за последние 80 лет прошло через три этапа, специфика которых была обусловлена существенными изменениями в мировой политике. Особенности посредничества на каждом этапе находили отражение в исследованиях.

Об авторе:

Марина Михайловна Лебедева – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского 76. E-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет 2030».

UDC 327.56

Received: October 02, 2023

Accepted: February 15, 2024

The Evolution of Mediation in International Conflicts from 1940s to 2020s

 Marina M. Lebedeva[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-7-26](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-7-26)

MGIMO University

Abstract: The article analyzes the evolution of international mediation from the middle of the 20th century to the present day. How do changes in international environment influence mediation and research on it? The paper's hypothesis is that the transformation of international order and political organization of the world, the dynamics of (de)globalization and changes in the nature of international conflict determine the specifics of international mediation and shape the relevant research. Over the last 80 years international mediation evolved through three stages. During the first stage, shaped by the cold war, conflicts were mostly of interstate nature and were settled by states and international organizations. Meanwhile, the growing activity of non-state actors led to the emergence of mediation via "track II diplomacy". At this stage, the study of international mediation becomes an established research area. The second stage, since the end of 1980s to the beginning of the 21st century, witnessed a rapid progress in the settlement of many protracted regional conflicts, aided by the mediation efforts of the USSR and the United States. In Russia, research on international mediation, previously fragmentary and legalistic, developed into a separate subfield of international studies. During the third stage, in the 21st century, the political organization of the world has been undergoing a turbulent transformation at all the three levels: Westphalian system, the system of interstate relations, and political systems of individual states. The all-encompassing nature of this change increases conflict potential and changes the nature of international conflicts, which become multidimensional and involve a variety of actors. Responding to the demand for managing complex conflicts, new trends in mediation emerge, such as the growth in mediation attempts by developing nations, engagement of peacekeeping missions in mediation, the use of digital technologies for mediation purposes. At the same time, the erosion of the old political organization of the world triggers the rise in identity-based conflicts that involve disagreement over values. As parties to such conflicts are less likely to seek interest-based compromises, the likelihood of successful mediation decreases.

Keywords: international mediation, conflict management, non-state actors, digitalization in mediation, political organization of the world, globalization/de-globalization, international conflicts, mediation technology, values

About the authors:

Marina M. Lebedeva – Doctor of Political Science, Cand.Sci (Psychology), Professor, Head of World Politics Department, MGIMO University. 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0003-4162-0807 E-mail: m.lebedeva@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The publication was supported by the MGIMO University Priority 2030 program.

References:

Aall P. 1996. Nongovernmental Organizations and Peacemaking. *Managing Global Chaos: Sources of and Responses to International Conflict*. Ed. by Ch.A. Crocker, F.O. Hampson with P. Aall. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press. P. 433–444.

Alexander N. 2019. Ten Trends in International Mediation. *Singapore Academy of Law Journal*. Vol. 31. P. 405–447.

Arana-Catania M., van Lier F. A., Procter R. 2021. Machine Learning for Mediation in Armed Conflicts. *arXiv preprint*, arXiv:2108.11942. DOI: 10.48550/arXiv.2108.11942

Bercovitch J. 1986. International Mediation: A Study of the Incidence, Strategies and Conditions of Successful Outcomes. *Cooperation and Conflict*. 21(3). P. 155–68. DOI: 10.1177/001083678602100302

Bercovitch J. 1996. Thinking about Mediation. *Resolving International Conflicts: The theory and Practice of Mediation*. Ed. by J. Bercovitch. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers. P. 1-9.

Bercovitch J., Houston A. 1996. The Study of International Mediation: Theoretical Issues and Empirical Evidence. *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation*. Ed. by J. Bercovitch. Boulder, London: Lynne Rienner Publishers. P. 11–35.

Bercovitch J., Houston A. 2000. Why Do They Do It Like This? An Analysis of the Factors Influencing Mediation Behavior in International Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. 44(2). P. 170–202.

Böhmelt T. 2009. International Mediation and Social Networks: The Importance of Indirect Ties. *International Interactions*. 35(3). P. 298–319. DOI: 10.1080/03050620903084786

Burton J. 1969. *Conflict and Communication: The Use of Controlled Communication in International Relations*. New York: The Free Press. 246 p.

Chen F.R. 2019. Disentangling Bias: National Capabilities, Regime Type, and International Conflict Mediation. *Conflict Management and Peace Science*. 36(2). P. 149–168. DOI: 10.1177/0738894216689560

Clayton G., Dorussen H. 2022. The Effectiveness of Mediation and Peacekeeping for Ending Conflict. *Journal of Peace Research*. 59(2). P. 150–165. DOI: 10.1177/0022343321990076

Cohen S., Kelman H., Miller F., Smith B. 1977. Evolving Inter-Group Techniques for Conflict Resolution: An Israeli-Palestinian Pilot Workshop. *Journal of Social Issues*. 33(1). P. 165–189. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1977.tb01874.x

Da Rocha J. P. 2019. The Changing Nature of International Mediation. *Global Policy*. 10(S2). P. 101–107. DOI: 10.1111/1758-5899.12683

Doob L.W., Foltz W.J., Stevens R.B. 1969. The Fermeda Workshop: A Different Approach to Border Conflicts in Eastern Africa. *The Journal of Psychology*. 73(2). P. 249–266. DOI: 10.1080/0023980.1969.10544975

- Duursma A. 2020. African Solutions to African Challenges: The Role of Legitimacy in Mediating Civil Wars in Africa. *International Organization*. 74(2). P. 295–330. DOI: 10.1017/S0020818320000041
- Duursma A. 2023. Peacekeeping, Mediation, and the Conclusion of Local Ceasefires in Non-State Conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. 67(7-8). P. 1405–1429. DOI: 10.1177/00220027221148132
- Eriksson J. 2015. *Small-State Mediation in International Conflicts: Diplomacy and Negotiation in Israel-Palestine*. London, New York: I.B. Tauris. 288 p.
- Fisher R., Ury W. 1981. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Boston: Houghton Mifflin. 215 p.
- Fisher R. J. 2001. Cyprus: The Failure of Mediation and the Escalation of an Identity-Based Conflict to an Adversarial Impasse. *Journal of Peace Research*. 38(3). P. 307–326. DOI: 10.1177/0022343301038003003
- Güney A. 2004. The USA's Role in Mediating the Cyprus Conflict: A Story of Success or Failure? *Security Dialogue*. 35(1). P. 27–42. DOI: 10.1177/0967010604042534
- Hirblinger A.T. 2022. When Mediators Need Machines (and Vice Versa): Towards a Research Agenda on Hybrid Peacemaking Intelligence. *International Negotiation*. 28(1). P. 94–125. DOI: 10.1163/15718069-bja10050
- Jji T. 2017. The UN as an International Mediator: From the Post-Cold War Era to the Twenty-First Century. *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 23(1). P. 83–100. DOI: 10.1163/19426720-02301008
- Kelman H., Cohen S. 1979. Reduction of International Conflict: An Interaction Approach. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Ed. by W.G. Austin, S. Worchel. Monterey, California: Brooks/Cole Publishing. P. 288–303.
- Keohane R.O., Nye J.S. 1971. Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. 25(3). P. 329–349. DOI: 10.1017/S0020818300026187
- Khairunnisa B. W. 2021. The Role and Challenges of A Mediator To Resolve The International Conflict in The Digital Era (Case Study: The Role of OANA). *Journal of Social Science*. 2(5). P. 558–566. DOI: 10.46799/jss.v2i5.199
- Kleiboer M. 1998. *The Multiple Realities of International Mediation*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers. 249 p.
- Lundgren M., Svensson I. 2020. The Surprising Decline of International Mediation in Armed Conflicts. *Research & Politics*. 7(2). DOI: 10.1177/2053168020917243
- Natsios A.S. 1997. An NGO Perspective. *Peacemaking in International Conflict: Methods and Techniques*. Ed. by I.W. Zartman, J.L. Rasmussen. Washington DC: United States Institute of Peace Press. P. 337–361.
- Qi H. 2007. A Comparison of the Effectiveness of International Conflict Mediation Strategies. *The Chinese Journal of International Politics*. 1(4). P. 589–62. DOI: 10.1093/cjip/pom011
- Raiffa H. 1982. *The Art and Science of Negotiation*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 368 p.
- Richmond O.P. 2018. A Genealogy of Mediation in International Relations: From 'Analogue' to 'Digital' Forms of Global Justice or Managed War? *Cooperation and Conflict*. 53(3). P. 301–319. DOI: 10.1177/0010836717750198
- Slim R.M. 1992. Small-State Mediation in International Relations: The Algerian Mediation of the Iranian Hostage Crisis. *Mediation in International Relations: Multiple Approaches to Conflict Management*. Ed. by J. Bercovitch, J. Rubin. London: The Macmillan Press Ltd. P. 206–231.
- Spitka T. 2018. Mediating Among Mediators: Building a Consensus in Multilateral Interventions. *International Negotiation*. 23(1). P. 125–154. DOI: 10.1163/15718069-23011132

Susskind L., Babbitt E. 1992. Overcoming the Obstacles to Effective Mediation of International Disputes. *Mediation in International Relations: Multiple Approaches to Conflict Management*. Ed. by J. Bercovitch, J. Rubin. London: The Macmillan Press Ltd. P. 30–51.

Ury W.L. 1990. Dispute Resolution Notes from the Kalahari. *Negotiation Journal*. 6(3). P. 229–238. DOI: 10.1111/j.1571-9979.1990.tb00576.x

Volkan V. 2006. *Killing in the Name of Identity: A Study of Bloody Conflicts*. Durham: Pitchstone Publishing. 307 p.

Vukovic S. 2020. Debunking the Myths of International Mediation: Conceptualizing Bias, Power and Success. *The Changing Global Order: Challenges and Prospects*. Ed. by Hosli, M.O., Sellslaghs, J. Springer, Cham. P. 429–451. DOI: 10.1007/978-3-030-21603-0_21

Bogdanov O.V. 1957. Peregovory – osnovnoye sredstvo uregulirovaniya mezhdunarodnykh raznoglasiy [Negotiations are the Main Means of Settling International Disputes]. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*. №7. P. 75–80. (In Russian).

Khrustalev M.A. 2006. Blizhnnevostochnyy konflikt: dinamika i perspektivy [Middle East Conflict: Dynamics and Prospects]. *Mezhdunarodnyye protsessy*. 4(2). P. 4–18. (In Russian).

Ladyzhenskiy A.M., Blishchenko I.P. 1963. *Mirnyye sredstva razresheniya sporov mezhdunarodnykh gosudarstvami* [Peaceful Means of Settling Disputes between States]. Moscow: Gosyurizdat. 173 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 1997. *Politicheskoye uregulirovaniye konfliktov* [Political Management of Conflicts]. Moscow: Aspekt Press. 271 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2016. Sistema politicheskoy organizatsii mira: «Ideal'nyy shtorm» [System of Political Organization of the World: 'Perfect Storm']. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144 (In Russian).

Lebedeva M.M., Morozov V.M., Raynkhardt R.O., Shebalina Ye.O. 2024. *Tekhnologii mezhdunarodnogo posrednichestva* [Technologies of International Mediation]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: MGIMO University Press. 27 p. (In Russian).

Lebedeva M.M., Zinov'yeva E.S. 2023. Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [International Negotiations in the Digital Age]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 23(1). P. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156 (In Russian).

Mayorov M.V. 2007. *Mirotvortsy. Iz opyta rossiyskoy diplomatii v posrednichestve* [Peacekeepers. From the Experience of Russian Diplomacy in Mediation]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 158 p. (In Russian).

Molchanov N.N. 1984. *Diplomatiya Petra Pervogo* [Diplomacy of Peter the Great]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 403 p. (In Russian).

Pushmin E.A. 1970. *Posrednichestvo v mezhdunarodnom prave* [Mediation in International Law]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 170 p. (In Russian).

Pushmin E.A. 1974. *Mirnoye razresheniye mezhdunarodnykh sporov (mezhdunarodno-pravovyye voprosy)* [Peaceful Resolution of International Disputes (International Legal Issues)]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 175 p. (In Russian).

Sharafiyeva O.Kh. 2013. Mezhtadzhikskiye peregovory kak primer uregulirovaniya vnutrennego konflikta [Inter-Tajik Negotiations as an Example of Resolving an Internal Conflict]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 367. P. 84–91. (In Russian).

Shevchuk N.V., Sachik A.A. 2021. Posrednichestvo ES: Evolyutsiya podkhodov v kontekste uregulirovaniya sovremennykh konfliktov [EU Mediation: Evolution of Approaches in the Context of Modern Conflict Resolution]. *Postsovetskiye issledovaniya*. 4(6). P. 479–487. DOI: 10.24412/2618-7426-2021-6-479-487 (In Russian).

Shevchuk N.V. 2021. Osobennosti podklyucheniya ES k peregovornomu protsessu po pridnestrovskomu uregulirovaniyu (1994–2005) [Features of the EU Involvement in the Negotiation Process on the Transnistrian Settlement (1994–2005)]. *Sovremennaya Yevropa*. №3. P. 106–116. DOI: 10.15211/soveurope32021106116 (In Russian).

Syomkina Yu.N. 2008. Mezhdunarodnoye posrednichestvo v uregulirovanii konflikta v Kosovo [International Mediation in the Settlement of the Conflict in Kosovo]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskiye nauki*. №4. P. 71–81. (In Russian).

Torkunov A.V. 2019. Diplomatiya akademicheskogo soobshchestva: proshloye i nastoyashcheye [Academic Community Diplomacy: Past and Present]. *World Economy and International Relations*. 63(9). P. 22–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28 (In Russian).

Zonova T.V. 2000. *Diplomatiya Vatikana v kontekste evolyutsii yevropeyskoy politicheskoy sistemy* [Diplomacy of the Vatican in the Context of the Evolution of the European Political System]. Moscow: ROSSPEN. 2000. 197 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Богданов О.В. 1957. Переговоры – основное средство урегулирования международных разногласий. *Советское государство и право*. №7. С. 75–80.

Зонова Т.В. 2000. *Дипломатия Ватикана в контексте эволюции европейской политической системы*. Москва: РОССПЭН. 197 с.

Ладыженский А.М., Блищенко И.П. 1963. *Мирные средства разрешения споров между государствами*. Москва: Госюриздат. 173 с.

Лебедева М.М. 1997. *Политическое урегулирование конфликтов*. Москва: Аспект Пресс. 271 с.

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО Университета*. 2(47). С. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144

Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. 2023. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 23(1). С. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156

Лебедева М.М., Морозов В.М., Райнхардт Р.О., Шебалина Е.О. 2024. *Технологии международного посредничества: аналитический доклад*. Под ред. М.М. Лебедевой. Москва: МГИМО-Университет. 27 с.

Майоров М.В. 2007. *Миротворцы. Из опыта российской дипломатии в посредничестве*. Москва: Международные отношения. 158 с.

Молчанов Н.Н. 1984. *Дипломатия Петра Первого*. Москва: Международные отношения. 403 с.

Пушмин Э.А. 1970. *Посредничество в международном праве*. Москва: Международные отношения. 170 с.

Пушмин Э.А. 1974. *Мирное разрешение международных споров (международно-правовые вопросы)*. Москва: Международные отношения. 175 с.

Сёмкина Ю.Н. 2008. Международное посредничество в урегулировании конфликта в Косово. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. №4. С. 71–81.

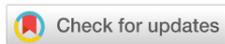
Торкунов А.В. 2019. Дипломатия академического сообщества: прошлое и настоящее. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(9). С. 22–28. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-22-28

Хрусталёв М.А. 2006. Ближневосточный конфликт: динамика и перспективы. *Международные процессы*. 4(2). С. 4–18.

Шарафиева О.Х. 2013. Межтаджикские переговоры как пример урегулирования внутреннего конфликта. *Вестник Томского государственного университета*. №367. С. 84–91.

Шевчук Н.В., Сачик А.А. 2021. Посредничество ЕС: эволюция подходов в контексте урегулирования современных конфликтов. *Постсоветские исследования*. 4(6). С. 479–487. DOI: 10.24412/2618-7426-2021-6-479-487

Шевчук Н.В. 2021. Особенности подключения ЕС к переговорному процессу по приднестровскому урегулированию (1994–2005). *Современная Европа*. №3. С. 106–116. DOI: 10.15211/soveurope32021106116

Кибердипломатия в условиях обострения великодержавной конкуренции

Е.С. Зиновьева^{1,2}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Фрагментация интернета, пришедшая на смену информационной глобализации, становится новой реальностью. Цифровые технологии и интернет превращается в поле новых геополитических противоречий и борьбы за лидерство между великими державами. Кибердипломатия, которая включает в себя спектр вопросов использования ИКТ для достижения внешнеполитических целей государства, а также новые проблемные и предметные области международных отношений, возникающие в связи с цифровизацией, является важнейшим инструментом межгосударственной конкуренции и конфликтов, а также средством ведения информационных войн.

На международном уровне отсутствуют международно признанные нормы, регламентирующие развитие и использование цифровых инструментов в рамках внешней политики, межгосударственной конкуренции или противоборства. Становится особенно важной выработка правил ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве.

Методологически статья построена на теории жизненного цикла норм. Согласно данному подходу, нормы представляют собой социальные стандарты, регулирующие поведение государств в определённой области международных отношений. Была исследована эволюция дискурса о нормах, регулирующих цифровую дипломатию и глобальное цифровое пространство. В настоящее время произошёл отказ от продвигаемых США норм глобального интернета, свободного от государственных границ. Сформировался набор норм в области ответственного поведения государств в ИКТ-среде, закреплённых в документах ООН, региональных организаций и иных международных форумов. Однако направления их развития и практического применения остаются предметом межгосударственной дискуссии, ввиду высокой значимости данной проблемы и различий в интересах и подходах государств.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, кибердипломатия, фрагментация интернета, правила ответственного поведения, Россия, США

УДК: 327.8

Поступила в редакцию: 07.10.2022 г.

Принята к публикации: 02.12.2022 г.

Цифровые технологии широко использовались в дипломатической практике начиная с середины 2000-х гг. (Цветкова 2013). Первоначально, акцент в прикладном использовании и осмыслении цифровизации дипломатической практики был сделан на использование социальных сетей в публичной дипломатии (Цветкова 2013; Зиновьева 2013). Особое внимание к цифровой дипломатии было привлечено после событий «арабской весны» (Подберезкин 2016).

Однако по мере развития цифровых технологий менялось и их значение в международной политике и дипломатической практике. На сегодняшний день наметилась возрастающая значимость цифровых технологий и глобального информационного пространства, которые становятся важнейшим ресурсом влияния в современных международных отношениях и полем острейших геополитических противоречий, характеризующихся новым витком борьбы за глобальное лидерство в XXI в. между технологически развитыми державами (Danilin 2020; Allison 2021). Цифровые инструменты и социальные сети становятся каналом для формирования внешнеполитических нарративов и полем информационного противоборства (Nye 2021). В условиях, когда цифровое пространство милитаризируется, и использование цифровых инструментов становится важнейшим элементом межгосударственного противоборства, для дипломатов и дипломатических ведомств становится важным не столько использовать социальные сети для донесения информации до широкой международной аудитории, сколько формировать правила, управляющие цифровым пространством как таковым.

Фокус в исследованиях влияния цифровизации на дипломатию смещается с вопросов использования цифровых инструментов в публичной дипломатии на более широкий круг проблем управления глобальным цифровым пространством, выработки норм ответственного поведения государств в ИКТ-среде (Riordan 2019; Attatfa, Renaud, De Paoli 2020). Прежде всего, выработка норм осуществляется для обеспечения безопасного развития цифровой сферы и снижения напряженности в межгосударственных отношениях в данной области (Крутских 2022).

В настоящей статье кибердипломатия исследована с позиций теории жизненного цикла норм (Finnemore, Sikkink 2019). Проблематика применимости норм к управлению цифровым пространством и обеспечению его безопасности привлекает внимание российских и зарубежных исследователей уже достаточно давно (Finnemore, Hollis 2016; Rusinova 2022; Streltsov, Krutskikh 2020), однако – преимущественно с позиций применимости международного права к информационной сфере. Настоящая статья рассматривает нормы как социальные конструкты, которые могут изменяться по мере развития объекта управления и при этом отражают совпадающие ожидания акторов относительно объекта регулирования и одобряемых стандартов поведения. Цифровое пространство не отличается существенным образом от других объектов регулирования

с точки зрения этапов жизненного цикла норм и проблематики их практической имплементации (Finnemore, Hollis 2016).

В рамках данной статьи использован конструктивистский взгляд на международные нормы, которые представляют собой нематериальные факторы, влияющие на поведение субъектов международных отношений и международную структуру (Бакалова 2015). Согласно теории жизненного цикла норм, нормы проходят три этапа: зарождение норм, каскадное распространение норм, интернализация норм (Finnemore, Sikkink 1998: 895). На первом этапе нормы выдвигаются для обсуждения «нормативными антрепренёрами»; в случае если они нашли поддержку, нормы институционализируются на втором этапе каскадного распространения норм. На третьем этапе интернализации они воспринимаются как должное всеми членами международного сообщества. Как представляется, в настоящее время нормы в отношении цифрового пространства и цифровой дипломатии находятся на этапе обсуждения и зарождения. При этом, как отмечают исследователи (Rusinova 2022), выбор может быть сделан как в пользу правовой неопределённости, так и в пользу движения в сторону нормативного регулирования в данной области. Важным шагом на пути каскадного распространения норм в данной области видится принятие международного документа в рамках ООН, который мог бы придать данным нормам обязательную юридическую силу.

Фрагментация информационного пространства интернета как актуальная тенденция цифровых международных отношений

Протекционизм, пандемия, санкционные войны и нарастающая международная конфликтность способствуют сворачиванию процессов глобализации, как она формировалась и осмысливалась начиная с 1980-х гг.¹. Схожая динамика наблюдается и в информационном пространстве. Видение глобального интернета, в котором нет государственных границ, характерное для 1990-х – 2000-х гг., не оправдало себя. Государства и региональные организации проводят практику «огораживания» и выделения национальных и региональных сегментов глобальной сети. Особенно заметным является пример Китая, где с 1996 г. ведётся политика по укреплению цифрового суверенитета, символом и прикладным воплощением которой является Великий китайский файрвол. На уровне ЕС в последние годы также активизируются инициативы, направленные на формирование технологического и цифрового суверенитета на уровне региона².

¹ Толстухина А. Технологический суверенитет ЕС и его границы. *Валдайские записки*. №119. 07.10.2022. (дата обращения: 18.08.2024).

² Там же.

В России стоит задача обеспечения цифрового суверенитета и укрепления технологической независимости страны³.

Фрагментация интернета, однако, не носит абсолютного характера (Зинovieва 2022). Более того, многие государства заявляют о том, что суверенизация не означает закрытости. Как отмечает директор ДВП МИД России А.Ю. Дробинин, суверенизация возможна «при открытости к самому широкому взаимобогащающему равноправному международному сотрудничеству» (Дробинин 2022). Схожие подходы представлены и на уровне ЕС. Еврокомиссар по внутреннему рынку Т. Бретон отмечает, что стратегическая автономия и цифровой суверенитет ЕС «не предполагает протекционизма ... и самоизоляции»⁴.

Многие цепочки поставок на глобальном уровне сохраняют свою связность и играют важную роль в формировании не только глобальной инфраструктуры интернета, но и программного обеспечения и контента. Возрастают и объёмы трансгранично передаваемых данных. Таким образом, в современном цифровом пространстве сочетаются взаимозависимость на инфраструктурном и технологическом уровне с нарастающей фрагментацией и конфликтностью (Зинovieва 2022). Однако взаимозависимость становится и фактором конфронтации: цифровые технологии и, прежде всего, данные становятся новым полем для геополитических противоречий.

Растущая значимость цифровых технологий в сфере международной политики и конфликтов объясняется, прежде всего, их значимостью с точки зрения охвата по количеству пользователей, масштабам использования и степени проникновения во все сферы жизни общества и государства. Охват цифровых технологий беспрецедентен. На конец 2021 г. доступ к интернету имело порядка 66% населения планеты⁵. Существенно возросла популярность социальных сетей: 53,6% населения Земли или 4,2 млрд чел. имеют аккаунты в одной или нескольких социальных сетях, что больше показателей за 2020 г. на 13%. К концу 2021 г., в среднем люди проводили онлайн порядка семи часов в день на различных платформах и сервисах⁶. Социальные сети стали одним из важнейших источников новостей и информации. Их использование определяет то, как люди общаются, работают и совершают покупки и получают услуги. В среднем по миру люди проводят больше времени, просматривая новости в социальных сетях, чем передачи по телевидению⁷.

³ Цифровой суверенитет. Восточный экономический форум. *Росконгресс*. 2021. URL: <https://roscongress.org/sessions/eef-2021-tsifrovoy-suverenitet/translation/#> (дата обращения: 18.08.2024).

⁴ EU strategic autonomy 2013–2023: From concept to capacity. *European Parliament*. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2022\)733589](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2022)733589) (accessed 18.08.2024).

⁵ Internet usage and population statistics. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats.htm>

⁶ Digital 2021: главная статистика по России и всему миру. *ExLibris*. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru/> (дата обращения: 18.08.2024).

⁷ Digital 2021: global overview report. *Datareportal*. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (accessed 18.08.2024).

Однако цифровизация не ограничивается сферой общения и новых медиа. Цифровые технологии широко используются во всех сферах жизни общества и государства, в государственном управлении, финансовых институтах, в промышленности и др. Послы при ООН используют мессенджеры для координации голосования по различным вопросам на повестке дня организации, а пресс-атташе государств при международных организациях публикуют информацию о международных договорённостях на своих страницах в социальных сетях и используют их для общения с журналистами (Manor 2019). Цифровая дипломатия применялась во время переговоров по ядерной сделке с Ираном в 2013–2015 гг. (Duncombe 2018), после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. (Vjola Pamment 2018), а затем во время пандемии COVID-19 (Bramsen, Nagemann 2021). Весной 2020 г. был проведён ряд виртуальных встреч на высшем уровне с использованием средств видео-конференц-связи лидеров «Группы двадцати», ООН, БРИКС.

В силу того, что цифровые технологии столь популярны и широко распространены, они всё чаще используются в противоправных целях, актуализируются угрозы информационной безопасности как на уровне государств, так и на международном уровне. Важнейшим вызовом цифровой сферы стал фактор фейковых новостей, под которым понимается широкое распространение недостоверной информации. В 2020 году ВОЗ даже предложила специальный термин «инфодемия», поскольку в социальных сетях распространяется очень много недостоверной информации о происхождении и лечении вируса. Среди пользователей социальных сетей утрачивается доверие к информации и размывается граница между правдой и ложью. Данный феномен получил название «постправды». Следствием становится феномен усталости от социальных сетей, когда пользователи сокращают время их использования и объём размещаемого контента⁸. В этих условиях снижается также и эффективность цифровой дипломатии, дипломаты вынуждены искать новые возможности и направления деятельности в данной сфере.

Нарастающая международная конфликтность способствует тому, что цифровые технологии становятся инструментом межгосударственного противоборства, а также широко используются транснациональными преступными и террористическими организациями. Интернет и социальные сети рассматриваются не как пространство сотрудничества, а как поле для международной конфликтности и конкуренции, важный стратегический ресурс и инструмент воздействия на противников и оппонентов. Данные тенденции находят отражение в официальных документах ведущих государств и научных работах.

⁸ Public diplomacy 3.0: mapping the next stages of tech disruption. 2022. *USC Center on Public Diplomacy*. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/event/public-diplomacy-30-mapping-next-stages-tech-disruption> (accessed 18.08.2024).

США⁹ и страны НАТО рассматривают ИКТ среду как новое поле боя, наряду с сушей, морским и воздушным пространствами и космосом¹⁰. В 2010 г. США объявили о создании кибервойск. Наметилась милитаризация ИКТ-среды, и такого рода инструменты создаются в структурах вооружённых сил многих государств. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2021 г. отмечается, что «информационное пространство активно осваивается как новая сфера ведения военных действий», при этом Россия ставит своей задачей мирное развитие глобальной ИКТ-среды.

Согласно докладу Совета по международным делам США от 2022 г., «американское видение интернета как открытой, надёжной и безопасной глобальной сети не реализовано и вряд ли когда-либо будет реализовано. Сегодня интернет менее свободен, более фрагментирован и менее безопасен» (Segal, Goldstein 2022: 8). «Балканизация интернета», «фрагментация интернета», «расколотый интернет» – такие термины используются в прессе и в академической литературе для обозначения нового качества международного информационного пространства.

Дипломатия адаптируется к изменяющейся геополитической реальности и к новому качеству информационного пространства, которое характеризуется фрагментацией и возросшей конфликтностью. Управление цифровой неопределённостью, выработка правил, регулирующих современную цифровую сферу становятся важнейшими задачами кибердипломатии Российской Федерации и всех современных государств, а также международных организаций. Кроме того, важнейшим направлением кибердипломатии остаётся использование социальных сетей для решения других внешнеполитических задач, в том числе в рамках цифровой публичной дипломатии и воздействия на глобальную информационную повестку.

От цифровой дипломатии к кибердипломатии: эволюция внешнеполитической практики и академического дискурса

Как правило, зарождение практики цифровой дипломатии связывают с опытом США. В 2006 г. в Государственном департаменте была создана специализированная структура Digital Outreach Team, которая занималась продвижением позитивного образа США в блогосфере и социальных сетях. Впоследствии аналогичные структуры стали создаваться во внешнеполитических ведомствах ряда государств. Россия существенно активизировала свои усилия на данном

⁹ US Department of Defense Cyber Strategy. 2018. *US Department of Defense*. URL: https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF (accessed 18.08.2024).

¹⁰ Warsaw Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016. *NATO*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed 18.08.2024).

направлении в 2012 г., и сегодня по ряду показателей входит в число государств-лидеров (Зиновьева 2013).

Первоначальная популярность цифровых инструментов в дипломатической работе была обусловлена их диалоговым характером, что позволяло создавать и поддерживать долгосрочные интерактивные отношения с зарубежной аудиторией, получать обратную связь и корректировать внешнеполитические нарративы, отталкиваясь от предпочтений и особенностей целевой аудитории. Участники коммуникации не просто получали информацию, они её комментировали, редактировали и распространяли среди своих подписчиков, что существенно меняло традиционную практику дипломатии (Bjola, Zaiotti 2020).

В академической литературе начало исследований в области цифровой дипломатии приходится на начало 2010-х гг. В научных работах цифровая дипломатия понималась как использования социальных сетей для взаимодействия с зарубежной массовой аудиторией. Яркий пример успешной цифровой дипломатии, ориентированной на формирование диалога, работа российского посольства в Великобритании в конце 2010-х гг., которое активно использовало юмор, иронию и затрагивало вопросы, волнующие британское общество в своих аккаунтах в социальных сетях, что позволило получить широкую популярность и отклики среди аудитории в Великобритании и ЕС. В начале 2010-х гг. США на внешнеполитическом уровне активно продвигали дискурс о свободном интернете¹¹, выступая в роли нормативного антрепренёра в данной области.

По мере развития цифровой дипломатии подходы к исследованию данной проблематики эволюционировали. Первоначально исследовательское внимание было сфокусировано на особенностях адаптации МИДов к цифровым технологиям и социальным медиа (Manor 2015), а также к особенностям взаимодействия дипломатов и политических лидеров с широкой международной аудиторией посредством социальных сетей (Tsvetkova 2013). К. Бйола выделил два этапа цифровизации дипломатии: первый ориентирован на проблемы, а второй на нарративы (Bjola 2020). На первом этапе дипломаты открывали аккаунты в социальных сетях, а также освещали различные темы международной повестки в социальных медиа. На втором этапе дипломаты стремились выстроить долгосрочную стратегию использования социальных сетей не вокруг какой-то отдельной проблемы, но в целях долгосрочного цифрового влияния и формирования определённых нарративов (в США данный подход получил название «стратегической коммуникации»).

Научная мысль концентрировалась на том, как сформировать нужную информационную повестку в социальных медиа и вовлечь в неё целевую аудиторию

¹¹ См. напр.: International Strategy for CyberSpace US Department of State. *The White House. President Barack Obama*. May, 2011. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf (accessed 18.08.2024).

(Цветкова 2015). Так, например, Илон Манор выделяет две стратегии цифровой публичной дипломатии (Manor 2015):

1. Взаимодействие с лидерами мнений и иными заметными фигурами в глобальном цифровом пространстве.
2. Взаимодействие с «цифровыми привратниками» – крупными цифровыми информационными платформами.

В 2010-х также сложился ряд теоретических концепций, объясняющих тенденции и концептуализирующих опыт цифровизации дипломатии, в частности, отмечалась значимость цифровой дипломатии как инструмента «мягкой силы» (Манор, Захарна, Мелиссен 2015). При этом в российской академической литературе концептуализация цифровой дипломатии как «мягкой силы» никогда не пользовалась существенной популярностью (Цветкова 2013). Сама категория «мягкой силы» ориентирована на расширение аналитического поля реализма, что позволяет говорить о традиционных сферах сотрудничества в цифровой среде в терминах силы, свойственных анализу конфронтации. Именно через призму национальных интересов трактовалась роль цифровой дипломатии в «цветных революциях» и «арабская весна» 2011 г., использование США инструментов «мягкой силы» в социальных медиа в рамках информационного противоборства (Зиновьева 2013). Однако в западной академической литературе, в отличие от российской, видение интернета как открытого и свободного пространства практически не оспаривалось.

Во второй половине 2010-х гг. под влиянием событий «арабской весны» изменяется практика цифровой дипломатии и, как следствие, исследовательская повестка. Появилось значительное количество публикаций, которые осмысливали цифровую дипломатию в терминах информационной войны и межгосударственного противоборства (Подберёзкин 2016). При этом также отмечалось растущее вовлечение негосударственных акторов, в том числе международных организаций, в практику цифровой дипломатии (Duncombe 2019). Исследователи фиксировали растущую конфликтность дискурса в социальных сетях (Tsvetkova 2020). Это предоставляется серьёзным вызовом национальной и международной безопасности в силу того, что цифровизация международных переговоров привела к тому, что общественное мнение стало оказывать большее влияние на ход международных переговоров. Для расширения аудитории дипломаты также вынуждены активно делиться информацией и раскрывать как можно больше подробностей о результатах и ходе международных переговоров. Так, например, Женевская конференция 2014 г. в режиме онлайн освещалась дипломатами, сидевшими за столом переговоров.

Растущую открытость переговорной практики оценивали неоднозначно, дискурс об открытости дипломатии не способствовал продвижению нормы об открытом интернете, свободном от государственных границ, поддерживаемой США. Рост внимания общественности к международным переговорам зачастую оказывает давление на дипломатов и не способствует выработке

взаимоприемлемых решений. Кроме того, публичность способствует конкуренции за внимание и, как следствие, может способствовать выбору весьма рискованных переговорных стратегий. Так, в 2018 г. Президент США Д. Трамп и глава Северной Кореи Ким Чен Ын в преддверии двусторонних переговоров о денуклеаризации Корейского полуострова публично обменялись угрозами и оскорблениями в своих аккаунтах в сети Twitter. Фактически оба президента заявили о возможности применения ядерного оружия. Угрозы не были приведены в действие, но эта ситуация создала опасный прецедент эскалации конфликта между ядерными державами вследствие неосторожных и резких высказываний в социальных сетях.

Визуальное представление и эмоциональное повествование, несомненно, занимают центральное место в возможностях, предоставляемых цифровизацией публичной дипломатии (Bramsen, Hagemann 2021). Важным фактором коммуникации становится характерная для современной цифровой культуры эмоциональная коммодификация – то есть преднамеренное усиление эмоционального содержания в онлайн-дискурсе. Специфика коммуникации в социальных сетях способствует поляризации и радикализации мнений, что в свою очередь сужает пространство для манёвра в ходе международных переговоров и не способствует поиску компромиссов. Цифровая поляризация (термин был предложен Д. Санстейном в 2000 г.) – это результат политики платформ по выявлению предпочтений пользователей с тем, чтобы в их аккаунтах в социальных сетях для них была видна та информация, которая поддерживает их предпочтения или убеждения, а не противоречит им. Подобная политика получила название «пузыря фильтров» и в результате формируются т. н. «эхо-камеры» (Manor 2019).

Таким образом, практика цифровой дипломатии способствует трансформации традиционной дипломатической культуры, которая сочетает традиционные элементы, такие как приверженность протоколу и этикету, церемониальность (в частности, чётко регламентированные процедуры представительства и коммуникации) с новыми цифровыми элементами, для которых характерна существенно большая открытость и динамизм. При этом в контексте международной политики и дипломатии трансформация переговорной культуры без выработки должных правил регулирования чревата снижением эффективности дипломатических усилий. Вкупе с нарастающей конфликтностью цифровой сферы данные тенденции ставили под вопрос продвигаемые во внешней политике США и западном академическом дискурсе идеи о необходимости поддержания открытости и доступности интернета, свободного от государственных границ.

Современными авторами цифровая дипломатия воспринимается не только как инструмент сотрудничества и вовлечения, но и как инструмент давления на оппонентов. Это находит отражение в теориях, в частности, в концепции «острой власти» (Nye 2021) и в работах о диалоговой пропаганде (Цветкова 2020). Важным водоразделом в практике и исследованиях в области цифровой дипломатии стала коронавирусная инфекция. Масштабная цифровизация

вкпе с вынужденной самоизоляцией способствовала ускоренному вовлечению цифровых инструментов в дипломатическую работу и усилила значимость цифровой среды как фактора международной политики. Так, например, в 2020 г. появляется новый термин «зум-дипломатия» для обозначения использования технологий видеосвязи для проведения дипломатических переговоров – программы, которые имитируют реальное общение с пользователем. Они стали востребованы в 2020 г., когда большинство учреждений были перегружены, в том числе международных организаций, а люди нуждались в точной и своевременной информации о характере вируса и ответных мерах.

Однако наиболее значимым фактором стало широкое распространение дипломатии данных, а именно использование технологий аналитики больших данных в рамках дипломатической активности и переговорной практики, в том числе для анализа общественного мнения (Boyd 2020; Цветкова 2020). Этот инструмент активно применяется в арсенале внешней политики разных стран, включая США, Россию, страны Европы, Китай, Иран и др. для фильтрации аудитории, построения информационных кампаний и поиска источников недружественной информации. Кроме того, в современных условиях данные становятся не только инструментом для внешней политики, но и ресурсом иобъек том острейших геополитических противоречий, что актуализирует выработку правил управления трансграничными потоками данных на международном уровне (Allison 2021). Кроме того, в цифровую дипломатию привносятся практики, связанные с освоением вновь возникающих цифровых технологий, такие как технологии дополненной реальности, которые дают возможность взаимодействовать с аудиторией не только с помощью текста, но и с помощью визуальных и виртуальных средств коммуникации.

Однако помимо трансформаций на уровне технологий существенные изменения происходят на уровне практики и политических решений в сфере дипломатии, что находит отражение в новой концепции кибердипломатии.

В современных условиях, когда дискурс в социальных сетях становится частью информационного противоборства, наметилась усталость пользователей от социальных сетей: они реже добавляют новый контент, стараются сократить время, проводимое в социальных сетях. Единственным исключением в 2022 г. стали сети «ТикТок» и «Телеграмм», которые позволяют гибко настраивать контент в зависимости от предпочтений пользователей и формировать относительно закрытые сообщества. Однако в целом исследователи отмечают, что эффективность цифровой дипломатии как инструмента воздействия на общественное мнение начинает снижаться, что также подталкивает дипломатов и политиков искать новые форматы использования цифровых инструментов в дипломатической практике. К их числу следует отнести практику кибердипломатии, которая стала также водоразделом не только в академическом дискурсе, но и в выборе нормативного регулирования информационного пространства.

Кибердипломатия в практике современных международных отношений

Фрагментация интернета и растущая конфликтность цифрового пространства оказала влияние на практику цифровой дипломатии и кибердипломатии. Фрагментация подразумевает, что каждая группа или сообщество потребляет информацию в рамках заданных ценностных ориентиров и навязанной повестки. Государства столкнулись с необходимостью обращаться не ко всей аудитории национального государства, а к каждому отдельному сообществу, например, к защитникам прав человека, или патриотам, или противникам вакцинации и проч., причём с разными оценочными суждениями (Цветкова 2022).

Кроме того, в условиях фрагментации и растущей конфликтности глобального цифрового пространства перед дипломатией стоит задача не только выработки и распространения нарративов и смыслов в рамках новых медиа, но и управления цифровым пространством и решения глобальных проблем, порождённых процессами цифровизации. В академической литературе новые подходы к дипломатии получили название кибердипломатии. В самом широком смысле кибердипломатия предполагает использование дипломатических инструментов и мышления для решения проблем, возникающих в связи с международным использованием киберпространства. Риордан (Riordan 2019) разъясняет различие между кибер- и цифровой дипломатией, объясняя, что цифровая дипломатия относится к использованию цифровых инструментов и методов для ведения дипломатии, в то время как кибердипломатия относится к использованию дипломатических инструментов и дипломатического мышления для решения проблем, возникающих в киберпространстве.

Термин «кибердипломатия», предполагает продвижение интересов государства в глобальной ИКТ-среде и включает в себя цифровую дипломатию как составную часть. Однако главный акцент всё же сделан на выработку норм и правил, управляющих цифровым пространством и социальными сетями как одной из его составных частей. Показательно, что в апреле 2022 г. в Государственном департаменте США было создано бюро Цифровой политики и киберпространства, в задачи которого входит координация внешней политики США в области киберпространства и цифровой дипломатии, чтобы поощрять ответственное поведение государств в киберпространстве, защищать целостность и безопасность инфраструктуры интернета, продвигать интересы США¹². В МИД России в 2020 г. был создан Департамент международной информационной безопасности, в задачи которого входит участие в международном сотрудничестве в области выработки правил ответственного поведения государств в глобаль-

¹² Bureau of Cyberspace and Digital Policy. *USA Department of State*. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/deputy-secretary-of-state/bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (accessed 18.08.2024).

ном информационном пространстве¹³. При этом вопросами использования социальных медиа в целях продвижения внешнеполитических нарративов занимается Департамент информации и печати МИД России¹⁴.

В самом широком смысле кибердипломатия концептуализируется как двигатель и результат процессов масштабной цифровизации, и поэтому она включает в себя все возможные аспекты, в рамках которых цифровизация пересекается с дипломатической практикой (Pouliot, Cornut 2015). Подобный подход позволяет сместить фокус исследовательского внимания с вопросов эффективности инструментов цифровой дипломатии и востребованных навыков в дипломатической работе в область направления эволюции дипломатической практики в условиях современной цифровой трансформации. Востребованность кибердипломатии обусловлена растущим количеством угроз информационной безопасности. При этом на сегодняшний день на международном уровне отсутствуют международно признанные нормы, регламентирующие развитие и использование цифровых инструментов в рамках внешней политики, межгосударственной конкуренции или противоборства. Именно выработка этих инструментов становится важнейшей задачей современной кибердипломатии, наряду с использованием цифровых инструментов в рамках публичной дипломатии. Таким образом, начался новый цикл норм, и в настоящее время различные государства и негосударственные акторы выступают в роли нормативных антрепренёров, предлагая собственное видение будущих подходов к регулированию фрагментированного интернета.

Нормы необходимы для управления информационным пространством, которое становится всё более конфликтным и фрагментированным. Согласно конструктивистскому взгляду на теорию международных отношений, дискурс и диалог играют важнейшую роль в социальном конструировании мира (Алексеева 2014: 4), в том числе в цифровом пространстве (Finnemore, Hollis 2016). Именно дискурсивную природу международных норм подчёркивают представители данного подхода, причём дискурсивно разрабатываемые нормы управляют поведением акторов, они формируют ожидания относительно приемлемого поведения, таким образом структурируя и упорядочивая международную политику (Finnemore, Sikkink 1998: 894). При этом одной из важных областей исследования остаётся вопрос практической имплементации норм в конструктивизме (Виньо 2020). В российской академической литературе вопросам нормативного регулирования в цифровом пространстве уделяется значительное внимание, в том числе в контексте международно-правовой регламентации глобального цифрового пространства (Русинова 2022).

¹³ В МИД России появился новый департамент по информационной безопасности. 29.10.2019. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e0803f39a79470b8bb249ac> (дата обращения: 18.08.2024).

¹⁴ Департамент информации и печати МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/dip/ (дата обращения: 18.08.2024).

Россия с 1998 г. выступает с инициативами, направленными на выработку правил ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве. Достижением российской дипломатии стало инициирование и поддержание переговорного процесса под эгидой ООН (сначала в рамках Группы правительственных экспертов (ГПЭ), включавшей в разное время от 15 до 25 государств, затем в рамках Рабочей группы открытого состава (РГОС), объединившей все 193 государства – члена ООН), укрепление диалога по меркам укрепления доверия в ОБСЕ, а также запуск переговоров по линии ШОС, БРИКС, СНГ, АСЕАН, со странами Африканского союза, арабского мира и Латинской Америки.

Во многом благодаря усилиям России и Китая норма уважения государственного суверенитета в ИКТ-среде получила закрепление в ряде документов ООН (Бойко 2021). Важным вкладом в развитие нормативных оснований международной информационной безопасности стало принятие в 2018 г. резолюции ГА ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций», в которой нашёл закрепление набор из 11 норм и принципов ответственного поведения государств, в том числе «суверенное равенство; разрешение международных споров мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость; отказ в международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединённых Наций; уважение прав человека и основных свобод; невмешательство во внутренние дела других государств»¹⁵. На основании данной резолюции была сформирована Рабочая группа открытого состава ООН по безопасному использованию ИКТ и самих ИКТ, которая приняла итоговый доклад в 2021 г. и продолжила свою работу в формате второго созыва.

Помимо обеспечения международной информационной безопасности (Seagal 2017), дипломаты КНР активно продвигают на международном уровне вопросы управления большими данными.

В свою очередь ЕС также выступает с собственным видением нормативного регулирования в цифровой сфере, которое затрагивает, во-первых, проблемы защиты персональных данных (речь идёт прежде всего, о Регламенте ЕС по защите персональных данных 2016 г., который получил широкое распространение как модельный инструмент для выработки национального законодательства в области защиты персональных данных многих стран мира).

В 2021 г. ООН выступила с инициативой Глобального цифрового договора, который также призван упрочить лидерство западных ИТ-гигантов, подменяя

¹⁵ A/RES/73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». Генеральная ассамблея ООН. 2018.

выработку правил ответственного поведения государств правилами для ИТ-бизнеса, не предполагающими возможностей контроля исполнения. В этих условиях российские инициативы, направленные на мирное развитие информационного пространства, уважение государственного суверенитета, недопущения использования силы или угрозы силой в цифровой среде, представляются чрезвычайно востребованными. Если не будет сформирован режим международной информационной безопасности, высока вероятность эскалации киберпротiwоречий и столкновения с применением кинетического оружия или оружия массового поражения. В этих условиях важно сохранять возможности для диалога, создавать условия для сотрудничества на взаимовыгодных и взаимоприемлемых условиях со всеми странами мира.

В 2022 г. диалог по проблемам международной информационной безопасности на площадке ООН сталкивался с определёнными сложностями. В ходе работы Генеральной Ассамблеи ООН в 2022 г. были приняты две резолюции по проблемам международной информационной безопасности.

Российская Федерация при поддержке дружественных стран внесла резолюцию «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», развивающую более ранние инициативы России и ориентированную на поддержку РГОС как основного механизма в рамках ООН по выработке правил ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве. Универсальный инклюзивный и демократичный характер РГОС обуславливает поддержку данного механизма со стороны международного сообщества. США в свою очередь присоединились к инициативе Франции о создании в ООН Программы действий по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве, которая также была поддержана Генеральной Ассамблеей ООН. Программа действий по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве изначально была предложена Францией и Египтом в 2018 г., однако в то время не получила поддержки. Согласно принятой в 2022 г. резолюции, данная Программа действий должна начать работу с 2025 г. и стать постоянно действующим переговорным механизмом, направленным на практическое воплощение в жизнь правил ответственного поведения государств, согласованных в рамках РГОС.

При этом в странах Запада приходит понимание того, что нормы действуют только в отношении союзников, как отмечается в докладе Совета по международным делам от 2022 г., в условиях, когда США становятся более уязвимыми, а соперники, прежде всего, Китай (Danilin 2022) и Россия (Бойко 2021) бросают вызов лидирующему положению США в глобальном информационном пространстве, необходимо распространять действия норм только на союзников, при этом активно проводить политику сдерживания, односторонних ограничительных мер (санкций) и упреждающих киберопераций в отношении противников, распространяя на них действие только норм, определяющих допустимые пределы военно-политического использования ИКТ (Seagal 2022). Именно с этим

связано стремление закрепить практику политической атрибуции кибератак как норму в цифровом пространстве (Finnemore, Hollis 2020). Россия же настаивает на необходимости юридической атрибуции кибератак и недопустимости огульных обвинений, в частности с тем, чтобы повысить доверие между государствами в глобальном информационном пространстве¹⁶.

В апреле 2022 г. администрация Байдена вместе с 61 страной выпустила Декларацию будущего интернета. Её цель – поддержание интернета открытым, свободным, взаимозависимым, безопасным и надёжным. При этом, в числе угроз безопасности интернета обозначена информационная политика так называемых авторитарных государств, которые запрещают доступ к глобальным онлайн платформам и цифровым инструментам. Нельзя не принять во внимание и незначительное число сторонников данного документа США, их менее трети всех государств – членов ООН. Следует отметить, что это лишь одна из последних, но единственная инициатива, ориентированная на распространение западных ценностей на глобальное цифровое пространство. В их числе Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве от 2018 г.¹⁷, Программа действий по продвижению ответственного поведения государств в киберпространстве, предложенная Францией и Египтом в 2020 г.¹⁸ и ряд других инициатив, в том числе исходящих от частного сектора. При этом следует отметить, что частные инициативы и инициативы НКО, как правило, идут «в фарватере» государственных и нацелены на продвижение схожих по содержанию нормативных оснований для регулирования глобального цифрового пространства¹⁹.

Дальнейшие перспективы переговорного процесса остаются открытыми. Российская Федерация выступает в поддержку согласования международного договора или конвенции по информационной безопасности. США, в свою очередь, предпочитают проводить политику «выбора удобных норм» и «выбора удобных институтов», поддерживая выработку норм в числе союзников.

Международные отношения как система всё больше становятся цифровыми. При этом цифровые международные отношения уже вошли в эпоху, когда угрозы международной безопасности становятся столь значимыми, что их необходимо регулировать для обеспечения международной безопасности в целом. Как представляется, выработка подобных правил должна быть основана

¹⁶ См. напр.: Число опасных кибератак на объекты в РФ выросло в 11 раз за три года. Интервью с О.В. Храмовым. *Российская газета*. 14.08.2019. URL: <https://rg.ru/2019/08/14/chislo-opasnyh-kiberatak-na-obekty-v-rf-vyroslo-v-11-raz-zatri-goda.html> (дата обращения: 18.08.2024).

¹⁷ Paris call for trust and security in cyberspace. 2018. URL: <https://pariscall.international/en/> (accessed 18.08.2024).

¹⁸ Program of Action for Trust and Security in Cyberspace. 2020. *Front.un-arm.org*. URL: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2020/10/joint-contribution-poa-future-of-cyber-discussions-at-un-10-08-2020.pdf> (accessed 18.08.2024).

¹⁹ См. напр.: A Digital Geneva Convention to protect cyberspace. Microsoft, policy papers. 2015. *Microsoft*. URL: <https://query.prod.cms.rt.microsoft.com/cms/api/am/binary/RW67QH> (accessed 18.08.2024).

на принципах и нормах международного права, зафиксированных в Уставе ООН²⁰ и Декларации о принципах международного права²¹, прежде всего, равноправии государств и уважении государственного суверенитета. Однако усилий России без поддержки международного сообщества в выработке норм ответственного поведения недостаточно, для этого необходима согласованное видение на уровне ООН и других международных организаций.

Отталкиваясь от теории жизненного цикла норм, можно сделать вывод, что на современном этапе основные нормы уже сформулированы и представлены в докладах ГПЭ ООН²² и резолюциях ГА ООН. Данные нормы проистекают из Устава ООН и основополагающих норм и принципов современного международного права. Однако, государства придерживаются различных взглядов относительно перспектив развития, уточнения и имплементации норм. Действительно, нормы представляют собой гибкие социальные конструкторы (Алексеева 2022) и способны адаптироваться к изменениям международной политики. Российская дипломатия ориентируется на то, что в будущем, исходя из специфики ИКТ может потребоваться выработка новых норм, что нашло отражение в итоговых докладах групп правительственных экспертов и Рабочей группы ООН по международной информационной безопасности²³.

Однако отсутствие правового закрепления и институционализации норм, что может быть осознанным выбором государств, создаёт небезопасную ситуацию. Во многом сложившаяся ситуация обусловлена расхождением в позициях и взглядах государств, охарактеризованных выше, на области применения и сферу действия норм ответственного поведения государств в ИКТ-среде. При этом важно, чтобы существующие нормы, особенно востребованные в условиях масштабной трансформации международного порядка, способствовали укреплению международной безопасности в цифровом мире. Решение можно найти в поэтапном переходе от нормотворческого к правотворческому пути. Уже выработанные нормы, правила и принципы ответственного государственного поведения позволяют осуществить этот сдвиг (Rusinova 2022: 62). Для достижения данной задачи необходимо законодательное закрепление данных норм и принятие Конвенции ООН по международной информационной безопасности, впервые предложенной Россией в 2011 г. (Бойко 2021) и представленной

²⁰ Устав ООН. Вступил в силу 24 октября 1945 г. ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 18.08.2024).

²¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г. ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 18.08.2024).

²² См. напр.: A/70/174 Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2015 г. и др.

²³ A/76/135 Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности 2021 г.;

A/70/174 Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2015 г. и др.

в обновлённом варианте в 2021 г. Учитывая гибкую и адаптивную природу норм, вероятно, что в будущем они будут уточняться и развиваться с тем, чтобы в большей мере соответствовать направлениям эволюции и развития ИКТ, в том числе в вопросах управления данными и обеспечения цифрового суверенитета.

Об авторе:

Елена Сергеевна Зиновьева – доктор политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов, заместитель директора Центра международной информационной безопасности МГИМО МИД России, 119454 Москва, проспект Вернадского, 76; профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, 117437 Москва, ул. Мясницкая, 20. Email: elena.zinovjeva@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение No 075-15-2020-783).

UDC: 327.8
Received: October 07, 2022
Accepted: December 02, 2022

Cyber Diplomacy under Increased Competition Between the Great Powers

E.S. Zinovieva^{1, 2}
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-olf5](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf5)

¹ MGIMO – University

² HSE University

Abstract: The fragmentation of the Internet, which has replaced information globalization, is becoming a new reality. Digital technologies and the Internet are becoming a field of new geopolitical contradictions and a struggle for leadership between the great powers. Cyber diplomacy, which includes a range of issues of using ICT to achieve the foreign policy goals of the state, as well as new problematic and subject areas of international relations arising in connection with digitalization, is the most important tool for interstate competition and conflicts, as well as a means of conducting information wars.

At the international level, there are no internationally recognized norms governing the development and use of digital tools in the framework of foreign policy, interstate competition or confrontation. It becomes especially important to develop rules for the responsible behavior of states in the global information space.

Methodologically, the article is based on the theory of the life cycle of norms. According to this approach, norms are social standards that regulate the behavior of states in a certain area of international relations. At present, there has been a rejection of the norms of the global Internet, which has been promoted by the United States for a long time, free from state borders. A set of norms has been formed in the field of responsible behavior of states in the ICT environment, enshrined in the documents of the UN, regional organizations and other international forums. However, the directions of their development and practical application remain the subject of interstate discussions, in view of the high significance of this problem and the differences in the interests and approaches of states.

Key words: digital diplomacy, cyber diplomacy, Internet fragmentation, rules of responsible behavior, Russia, USA

About the author:

Elena S. Zinovieva – Doctor of Political Science, Professor of the Department of World Political Processes, Deputy Director of the Center for International Information Security, MGIMO-University, 119454 Moscow, Prospekt Vernadskogo, 76; Professor, Department of International Relations, National Research University Higher School of Economics, 117437 Moscow, st. Myasnitskaya, 20. Email: elena.zinovjeva@gmail.com

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflicts of interests.

Acknowledgements:

The study was carried out within the framework of the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to conduct large research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

References:

- Allison G. et al. 2021. *The Great Tech Rivalry: China vs. the US*. Belfer Center.
- Attatfa A., Renaud K., De Paoli S. 2020. Cyber Diplomacy: A Systematic Literature Review. *Procedia computer science*. Vol. 176. P. 60–69. DOI:10.1016/j.procs.2020.08.007
- Bjola C. 2015. Introduction: Making Sense of Digital Diplomacy. *Digital Diplomacy*. Routledge. P. 15–24.
- Bjola C., Pamment J. 2018. Introduction: the ‘Dark Side’ of Digital Diplomacy. *Countering Online Propaganda and Extremism*. Routledge. P. 1–10.
- Bjola C., Zaiotti R. 2020. Going Digital: Choices and Challenges for International Organisations. *Digital Diplomacy and International Organisations*. Routledge. P. 1–18.
- Boyd A. et al. 2019. Data Diplomacy. *Science & diplomacy*. 8(1).
- Bramsen I., Hagemann A. 2021. The Missing Sense of Peace: Diplomatic Rapprochement and Virtualization During the COVID-19 Lockdown. *International Affairs*. 97(2). P. 539–560. DOI: 10.1093/ia/iiaa229
- Creemers R. 2020. China’s Conception of Cyber Sovereignty. *Governing cyberspace: Behavior, power and diplomacy*. P. 107–145.
- Creemers R. 2022. China’s Emerging Data Protection Framework. *Journal of Cybersecurity*. 8(1).
- Danilin I. V. 2022. The US-China Tech War: A Dawn of New Geopolitics? *Technological Innovation and Security: The Impact on the Strategic Environment in East Asia*.

- Duncombe C. 2018. Twitter and the Challenges of Digital Diplomacy. *SAIS Review of International Affairs*. 38(2). P. 91–100. DOI:10.1353/SAIS.2018.0019
- Finnemore M., Hollis D. 2020. Beyond Naming and Shaming: Accusations and International Law in Cybersecurity. *European Journal of International Law*. 31(3). P. 969–1003. DOI:10.1093/ejil/chaa056
- Finnemore M., Hollis D.B. 2016. Constructing Norms for Global Cybersecurity. *American Journal of International Law*. 110(3). P. 425–479. DOI:10.1017/S0002930000016894
- Finnemore M., Sikkink K. 1998. International Norm Dynamics and Political Change. *International organization*. 52(4). P. 887–917.
- Krutsikh A.V., Streltsov A.A., Tikk E. 2020. International Information Security: Problems and Ways of Solving Them. *Routledge Handbook of International Cybersecurity*. Routledge. P. 260–268.
- Manor I. 2019. *The Digitalization of Public Diplomacy*. New York: Springer International Publishing.
- Melissen J., Hocking B. 2015. *Digital Diplomacy in the Digital Age*. Netherlands Institute of International Relations Clingendael. URL: https://www.researchgate.net/publication/309012711_Digital_Diplomacy_in_the_Digital_Age
- Nye J. S. 2021. Soft Power: the Evolution of a Concept. *Journal of political power*. 14(1). P. 196–208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572
- Pouliot V., Cornut J. 2015. Practice Theory and the Study of Diplomacy: A Research Agenda. *Cooperation and conflict*. 50(3). P. 297–315.
- Riordan S. 2019. *Cyber Diplomacy: Managing Security and Governance Online*. NY: John Wiley & Sons.
- Rusinova V.N. 2022. Standard-setting and Normativity in International Governance of Interstate Relations in the Information and Communication Technologies. *Context Legal Issues in the Digital Age*. 3(1). P. 61–80. DOI: 10.17323/2713-2749.2022.1.61.80
- Segal A. 2017. Chinese Cyber Diplomacy in a New Era of Uncertainty. *Hoover Institution, Aegis Paper Series*. Vol. 1703. P. 1–23.
- Segal A., Goldstein G.M. 2022. Confronting Reality in Cyberspace: Foreign Policy for a Fragmented Internet. *Council on Foreign Relations*. URL: <https://www.cfr.org/report/confronting-reality-in-cyberspace>
- Taillat S. 2017. L'impact du numérique sur les relations stratégiques internationales. *Stratégique*. №117. P. 137–153. (In French)
- Thakur R. Cooper A.F., Heiner J. et al. 2013. Introduction: the challenges of 21st-century diplomacy. *The Oxford handbook of modern diplomacy*. Oxford University Press.
- Tsvetkova N. 2020. Russian Digital Diplomacy: A Rising Cyber Soft Power? *Russia's Public Diplomacy*. Palgrave Macmillan, Cham. P. 103–117. DOI: 10.21638/spbu06.2022.204
- Alekseeva T.A. 2014. Myslit' konstruktivistski: otkryvaja mnogogolosyj mir [Constructivists Analysis: Discovering a Polyphonic World]. *Sravnitel'naja politika*. 1(14). P. 4–21. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21 (In Russian)
- Alekseeva T.A. 2022. Agent-strukturnye otnoshenija: metodologija konstruktivizma [Agent Structure Relationship: Methodology of Constructivism] *Polis: Politicheskie issledovaniya*. №4. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07 (In Russian)
- Bakalova E.V. 2015. Konstruktivizm v issledovanii mezhdunarodnyh norm zashchity prav cheloveka ot genezisa, priznaniya i sobljudenija k narusheniju, osparivaniju i jerozii [Constructivists Analysis of the International Human Rights Norms: Genesis, Admission and Implementation, Contestation and Erosion] *Mezhdunarodnye processy*. 13(1). P. 48–67. (In Russian)

Bojko S.M. 2021. Politiko-pravovye predposylki sistemy mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti [Legal and Political Foundation of the International Information Security System] *Mezhdunarodnye processy*. 4(67). P. 6–25. (In Russian)

Drobinin A. Ju. 2022. Uroki istorii i obraz budushhego: razmyshlenija o vneshnej politike Rossii [History Lessons and the Image of the Future: Reflections on the Foreign Policy of Russia]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. №8. P. 1–15. (In Russian)

Krutskih A. V. 2022. Mezhdunarodnaja informacionnaja bezopasnost': v poiskah konsolidirovannyh podhodov [International Information Security: In Search of the Consolidated Approaches]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija*. 22(2). P. 342–351. (In Russian)

Podberjuzkin A. I. 2016. Voennaja sila i politika novoj publichnoj diplomatii [Military Power and New Public Diplomacy] *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel'-Observer*. 12(323). P. 15–25. (In Russian)

Rusinova V. 2014. Teorii sootnosheniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka [Theories of Relationship between the Norms of International Humanitarian Law and International Human Rights Law]. *Pravo. Zhurnal Vysheyshkoly ekonomiki*. №1. P. 43–56 (in Russian)

Tsvetkova N. 2015. Publichnaja diplomatija SShA [USA Public Diplomacy]. *Mezhdunarodnye processy*. 13(3). P. 121–133. (In Russian)

Tsvetkova N.A., Jarygin G.O. 2013. Politizacija «cifrovoj diplomatii»: publichnaja diplomatija Germanii, Irana, SShA i Rossii v social'nyh setjah [Politization of Digital Diplomacy: Public Diplomacy of Germany, Iran, Russia and USA] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija*. №1. (In Russian)

Vin'о A. 2020. Vnedrenie norm: ahillesova pjata konstruktivizma? [Norms Implementation: Achilles' Heel of Constructivism?] *MGIMO Review of International Relations*. 13(4). P. 199–215. (In Russian)

Zinov'eva E. S. 2013. Cifrovaja diplomatija SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlja mezhdunarodnoj bezopasnosti [USA Digital Diplomacy: Possibilities and Threats for International Security] *Indeks bezopasnosti*. 19(1). P. 213–228. (In Russian)

Zinov'eva E. S. 2022. Formirovanie cifrovyyh granic i informacionnaja globalizacija: analiz s pozicij kriticheskoj geografii [Digital Borders and Information Globalization: Analysis from the Standpoint of Critical Geography]. *Polis: Journal of Political Studies*. №2. DOI: 10.17976/jpps/2022.02.02 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Алексеева Т.А. 2014. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир Сравнительная политика. 1(14). С. 4–21. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-4-21

Алексеева Т.А. 2022. Агент-структурные отношения: методология конструктивизма. *Полис: Политические исследования*. №4. DOI: 10.17976/jpps/2022.04.07

Бакалова Е.В. 2015. Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека от генезиса, признания и соблюдения к нарушению, оспариванию и эрозии. *Международные процессы*. 13(1). С. 48–67. DOI: 10.17994/IT.2015.13.40.4

Бойко С.М. 2021. Политико-правовые предпосылки системы международной информационной безопасности *Международные процессы*. 4(67). С. 6–25.

Виньо А. 2020. Внедрение норм: ахиллесова пята конструктивизма? *Вестник МГИМО-Университета*. 13(4). С. 199–215. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-199-215

Дробинин А.Ю. 2022. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России. *Международная жизнь*. №8. С. 1–15.

Зиновьева Е.С. 2013. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности. *Индекс безопасности*. 19(1). С. 213–228.

Зиновьева Е. С. 2022. Формирование цифровых границ и информационная глобализация: анализ с позиций критической географии. *Полис. Политические исследования*. №2. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371

Крутских А.В. 2022. Международная информационная безопасность: в поисках консолидированных подходов *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 22(2). С. 342–351. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-342-351

Подберёзкин А.И. 2016. Военная сила и политика новой публичной дипломатии. *Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer»*. 12(323). С. 15–25.

Цветкова Н.А. 2015. Публичная дипломатия США. *Международные процессы*. 13(3). С. 121–133. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.42.8

Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. 2013. Политизация «цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. №1.

Вовлечённость аудитории как показатель эффективности цифровой дипломатии

М.М. Базлуцкая¹, А.Н. Сытник², Н.А. Цветкова²

¹ МГИМО МИД России

² Санкт-Петербургский государственный университет

Цель статьи – рассмотреть достоинства и недостатки метрики «вовлечённость аудитории», широко используемой в социальных сетях (измеряет уровень активности и взаимодействия пользователей с контентом, продуктом или услугой, отражая их интерес и участие) для оценки эффективности цифровой дипломатии. Существующие способы оценки вовлечённости аудитории, разработанные в большинстве случаев для целей анализа эффективности маркетинговых стратегий в социальных сетях, либо не в полной мере задействуют потенциал данных, которые можно получить из социальных сетей, либо недостаточно гибкие для точечных задач, возникающих перед дипломатами. Авторы отвечают на два исследовательских вопроса методологического и прикладного характера: 1) насколько применимы для анализа эффективности цифровой дипломатии автоматизированные метрики оценки вовлечённости аудитории, разработанные платформами-агрегаторами данных из социальных сетей?; 2) какие важные закономерности цифровой дипломатии США в отношении России эти метрики позволяют выявить? Результаты исследования демонстрируют, что автоматизированные метрики, предлагаемые сервисами *Popsters* и *TGStat* для социальных сетей VK и Telegram, позволяют измерить уровень вовлечённости аудитории в зависимости от типа контента (текст, фото, видео или ссылка), длины текста поста, а также охват аудитории и географию трафика. Использование подобных сервисов-агрегаторов устраняет необходимость в самостоятельных количественных подсчётах, что может существенно ускорить работу учёных и дипломатов. Использование метрики вовлечённости аудитории позволило выявить следующие тенденции цифровой дипломатии США в отношении России: в качестве основной платформы с 2022 г. используется Telegram; аудитория подписчиков довольно узкая и не расширяется. В условиях деградации российско-американских отношений США используют цифровую дипломатию как инструмент гибридной войны против России для донесения своей повестки до русскоговорящей аудитории социальных сетей. В заключении авторы представляют ряд рекомендаций по совершенствованию анализа вовлечённости в цифровой дипломатии, которые могут быть использованы в российской дипломатической практике при выстраивании контрнарративов и выработки стратегии в отношении цифровой дипломатии США.

Ключевые слова: вовлечённость аудитории, цифровая дипломатия, США, Россия, социальные сети, Telegram, VK, эффективность, метрики

УДК 327.8(73:(470+571))

Поступила в редакцию: 24.03.2024

Принята к публикации: 11.06.2024

С началом распространения социальных сетей дипломатические ведомства по всему миру стали развивать онлайн-активность, используя каналы новых медиа для разъяснения проводимой ими внешней политики среди иностранной аудитории¹. Научное сообщество называет такую активность *цифровой дипломатией* или *цифровой публичной дипломатией*. В данной статье мы будем придерживаться первого, более широкого термина, т. к. он не только чаще употребляется в исследовательских работах (Лебедева, Зиновьева 2023; Цветкова 2020; Vjola 2018; Manor 2016), но и используется на высоком дипломатическом уровне². МИД России понимает цифровую дипломатию как «внешнеполитическую деятельность, осуществляемую с помощью информационно-коммуникационных технологий и возможностей цифровых платформ, целью которой является продвижение и защита национальных интересов Российской Федерации в мировом информационном пространстве».³ Профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России Е.С. Зиновьева определяет цифровую дипломатию как «широкое использование информационно-коммуникационных технологий, в том числе социальных сетей, для содействия государственным органам при осуществлении функций и коммуникаций по вопросам, связанным с внешнеполитической повесткой дня» (2013: 213).

Цифровая дипломатия «ориентирована на укрепление позиций [государства — прим. авторов] в международной системе через категорию киберсилы» (Зиновьева и др. 2024: 64). Целью цифровой дипломатии является привлечение целевой аудитории посредством прозрачного диалога (Pamment 2016a), что отличает её от публичной дипломатии и пропаганды (Hayden 2012)⁴, которые преимущественно используют монологические формы взаимодействия. Этот диалог ведётся через дипломатические аккаунты (Manor 2016), а также посредством сети связанных каналов или «цифровых дипломатических сетей» (Vjola 2018: 5).

¹ Материалы исследования содержат упоминания запрещённых и ограниченных в Российской Федерации каналов распространения информации. Упоминание осуществляется исключительно в научных целях и не направлено на поддержку экстремистских или других незаконных действий.

² Лавров С.В. 2022. Выступление министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на пленарной сессии «Международные отношения в условиях цифровизации общественной жизни» Международной научно-практической конференции «Цифровые международные отношения 2022». Москва, 14 апреля 2022 г. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1809294/ (дата обращения: 22.08.2024).

³ Лекция Марии Захаровой «Цифровая дипломатия МИД России». *Rutube*. URL: <https://rutube.ru/video/9ac74ed106588ed9e6a99c009655dc30/> (дата обращения: 21.08.2024).

⁴ См. также: Arceneaux P.C. 2019. *Information Intervention and the Need for a Social Cybersecurity Perspective: The Power Struggle between Digital Diplomacy and Computational Propaganda*. Ph.D. diss., University of Florida.

Учитывая диффузию власти в информационном пространстве (Лебедева 2014) и возросшую роль трансмедийной коммуникации (Jenkins 2014), в качестве субъектов цифровой дипломатии могут рассматриваться международные неправительственные организации (Bjola, Zaiotti 2020), негосударственные акторы (Melissen, Keulenaar 2017) и даже лидеры общественного мнения (Bjola 2018), участвующие в распространении дипломатических сообщений с целью достижения внешнеполитических задач государства.

Несмотря на существование многолетней практики цифровой дипломатии, вопрос об инструментах оценки её эффективности остаётся открытым. Однозначного ответа на данный вопрос пока не существует из-за ряда сложностей. Во-первых, исследователи часто акцентируют либо качественные, либо количественные методы анализа, что не позволяет комплексно оценить цифровую дипломатию. Во-вторых, увеличение числа платформ и объёма контента делает ручную обработку данных затруднительной, что подчёркивает необходимость применения технологий искусственного интеллекта. В-третьих, даже при наличии аналитических платформ, предоставляющих количественные данные об активности аккаунтов, метрики из различных социальных сетей и мессенджеров могут существенно различаться. Кроме того, аккаунты и целые экосистемы цифровой дипломатии подвержены риску деплатформизации, то есть удаления из социальных сетей (Володенков и Федорченко 2022), особенно в условиях гибридной войны⁵ Запада против России, сопровождающейся масштабными информационными ограничениями, как это случилось с государственными аккаунтами Российской Федерации на YouTube. Наконец, некоторые методы количественного анализа аудитории социальных сетей устарели, что требует пересмотра и модернизации доступных аналитических инструментов.

Цель настоящей статьи — оценить метрику «вовлечённость аудитории» с точки зрения её использования для анализа эффективности инициатив цифровой дипломатии. В качестве кейса была выбрана цифровая дипломатия США в России. Причина выбора этого кейса заключается в том, что Государственный департамент и аффилированные с ним структуры первыми стали внедрять соцсети в свою практику. В 2009—2010 гг. команда бывшего госсекретаря Хиллари Клинтон под руководством её помощника по инновациям А. Росса провела реформы, которые были нацелены на усиление онлайн-взаимодействия с иностранными гражданами. Аккаунт Госдепартамента появился в соцсети Twitter, а затем и на других платформах. В российском информационном пространстве активную работу онлайн ведут Госдепартамент (через профили на русском языке), Посольство США в Москве, представленное в социальной сети VK⁶,

⁵ См. также: Arceneaux P.C. 2019. Information Intervention and the Need for a Social Cybersecurity Perspective: The Power Struggle between Digital Diplomacy and Computational Propaganda. Ph.D. diss., University of Florida.

⁶ Официальная страница Посольства США в России в социальной сети VK. URL: <https://vk.com/usembru> (accessed 22.08.2024).

и с 2022 г. в мессенджере Telegram⁷, а также три медиаструктуры («Радио Свобода»⁸, «Настоящее время»⁹ и «Голос Америки»¹⁰), подчиняющиеся Агентству США по глобальным медиа — официальному органу государственной власти, аффилированному с Государственным департаментом.

Мы включили каналы иновещания в анализ цифровой дипломатии США в России, поскольку их информационная деятельность тесно связана с целями и стратегией Государственного департамента США, что подтверждается ежегодными отчётами о публичной дипломатии¹¹. Взаимные цитирования сообщений каналов Агентства и страниц Посольства США и Госдепартамента на русском языке создают эффект информационной мультипликации. Изучение их онлайн-активности позволяет продемонстрировать эффективность аналитических инструментов, в частности вовлечённости аудитории, и делает анализ цифровой дипломатии более репрезентативным.

Активность каналов иновещания также позволяет оценить влияние нарративов Государственного департамента США в российском информационном пространстве, что может способствовать разработке более научно обоснованной стратегии противодействия гибридной войне Запада против России с использованием контрнарративов. Существенным преимуществом является то, что часть анализа основывается на данных, которые стали недоступными в результате блокировки американских иновещательных каналов в социальной сети VK по решению Министерства юстиции РФ на момент публикации статьи. Авторы предоставляют уникальную статистику активности этих каналов, что придаёт исследованию дополнительную ценность в условиях ограниченного доступа к информации.

Статья состоит из четырёх разделов. В первом авторы рассматривают существующие подходы к определению вовлечённости в цифровой дипломатии, а также методы её анализа. Во втором разделе предлагаются альтернативные метрики и инструменты для количественной оценки вовлечённости, дополняющие уже имеющиеся подходы. На основе этих инструментов проводится анализ цифровой дипломатии США в России, с описанием результатов исследования и выводами относительно эффективности как американской цифровой

⁷ Официальный канал Посольства США в Москве в мессенджере Telegram. URL: <https://t.me/USEmbRussia> (дата обращения: 22.08.2024).

⁸ Признано нежелательной организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

⁹ Входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

¹⁰ Включён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

¹¹ US Advisory Commission on Public Diplomacy. 2023. 2023 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting. *US Department of State*. URL: <https://www.state.gov/2023-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting-2/> (accessed 22.08.2024).

дипломатии, так и предлагаемых аналитических методов. Авторы отмечают, что хотя метрики вовлечённости не способны полностью раскрыть содержание реакций аудитории и выявить долгосрочные тренды, как это показал проанализированный кейс, они играют важную роль в отслеживании текущих настроений аудитории.

В заключительной части статьи выделены шесть направлений для дальнейшего совершенствования метрик оценки вовлечённости аудитории в цифровой дипломатии. Авторы подчёркивают необходимость более тесного взаимодействия между научным и дипломатическим сообществами, а также техническими специалистами для разработки более эффективных аналитических инструментов.

Измерение вовлечённости аудитории в цифровой дипломатии

Деятельность дипломатов в социальных сетях представляет собой ценнейший источник информации, поскольку особенности этих платформ позволяют проводить как качественные, так и количественные исследования, учитывая доступность текстов, визуальных образов и числовых данных. Основные методы анализа включают: дискурс-анализ, тематическое моделирование, сетевой анализ, фрейм-анализ и анализ вовлечённости.

В литературе по цифровой дипломатии отсутствует единое определение термина «вовлечённость аудитории». В политических исследованиях и маркетинге под этим понятием обычно понимается двусторонний процесс взаимодействия между пользователями и администраторами аккаунтов в социальных сетях, а также степень активности и заинтересованности аудитории¹². Вовлечённость включает реакцию потребителей на предоставляемый контент, выражающуюся в виде лайков, комментариев, репостов, цитирований или игнорирования (Manor, Adiku 2021), а также подачу и содержание сообщения, которое способно влиять на целевую аудиторию¹³.

В дальнейшем под вовлечённостью аудитории в цифровой дипломатии будет подразумеваться взаимодействие между каналом цифровой дипломатии и пользователем, представляющее собой двусторонний коммуникационный процесс. Цифровая дипломатия направлена на установление контакта с аудиторией, воздействуя как на её рациональные, так и эмоциональные аспекты. Пользователи в ответ предоставляют обратную связь в виде комментариев, реакций, репостов и других форм, что стимулирует адаптацию контента к их предпочтениям и интересам.

¹² Engagement Rate (ER): как правильно считать коэффициент вовлечённости в социальных сетях. *Popsters*. 30.01.2024. URL: <https://popsters.ru/blog/post/55> (accessed 22.08.2024)

¹³ Wang Y. 2020. Weibo Diplomacy: Management, Measurement and Challenges. Ph.D. diss., King's College London. URL: https://kclpure.kcl.ac.uk/ws/portalfiles/portal/165190919/2021_Wang_Ying_1227274_ethesis.pdf (accessed 22.08.2024).

Однако вовлечённость аудитории в цифровой дипломатии остаётся сложной категорией для анализа, поскольку конечные результаты работы цифровой дипломатии часто носят неосязаемый характер. Тем не менее учёные стремятся решить эту задачу, в том числе с использованием метрик, предоставляемых самими социальными сетями.

Сторонники комплексного подхода к анализу взаимодействия между дипломатами и их аудиторией подчёркивают, что оценка вовлечённости не может ограничиваться лишь подсчётом лайков (Kampf et al. 2015). Британские исследователи из Оксфордского университета используют смешанный качественный и количественный анализ малых данных для оценки вовлечённости (Bjola, Jiang 2015). Они предлагают трёхмерную рамку для оценки масштабов влияния дипломатов, рассматривая три показателя: индекс повестки дня, индекс расширения присутствия и индекс построения беседы.

Первый показатель измеряется через тематическое распределение публикаций и сосредоточен на отправителе сообщения. Второй показатель учитывает интересы аудитории и рассчитывается как сумма просмотров, репостов и комментариев. Последний индекс касается взаимодействия отправителя с пользователями и определяется количеством ответов на репосты или комментарии.

Существует также подход к измерению масштабов распространения информации, основанный на оценке общего числа *проинформированных* пользователей. В этом случае учитывается не только количество подписчиков самого анализируемого канала, но и совокупное число подписчиков всех аккаунтов, которые сделали репост записи (Bolgov et al. 2016).

Изучение реакций аудитории представляет собой ещё один подход к оценке вовлечённости. Здесь основным показателем является количество комментариев: лайки рассматриваются как индикатор общего позитивного восприятия публикации, а репосты — как показатель важности сообщения для аудитории (Saxton, Walters 2014).

Мухаммад Иттефак из Университета Джеймса Мэдисона предложил оценивать вовлечённость аудитории с помощью таких показателей, как частота публикаций за месяц, количество вторичных посещений канала (после упоминаний или по хештегам) и число ответов на вопросы читателей (Ittefaq 2019). Ин Ванг из Королевского колледжа Лондона изучала вовлечённость на странице британского посольства в социальной сети Weibo, используя количество комментариев и sentiment-анализ для выявления позитивных, нейтральных или негативных оценок этих комментариев (Wang 2021). Лаек Хан из Университета Огайо и его соавторы идентифицировали самые популярные публикации на основе количества лайков, ретвитов и комментариев, после чего провели их sentiment-анализ и тематическое моделирование (Khan et al. 2021). Этот метод также использовался в более комплексных подходах, включающих сетевой анализ, анализ профилей пользователей и семантический анализ (Park et al. 2019).

Существенный вклад в развитие комплексных подходов к измерению эффективности цифровой дипломатии внесли консалтинговые компании, разработавшие индексы влияния и запатентовавшие алгоритмы оценки, часто демонстрирующие политическую предвзятость в пользу стран Запада. Эти индексы, такие как *Twiplomacy*¹⁴ и *Digital Diplomacy Index*¹⁵, не измеряют вовлечённость аудитории напрямую, но рассматривают её как один из показателей общей эффективности цифровой дипломатии. Примечательно, что аналитики обоих индексов используют ретвиты и лайки в качестве показателей вовлечённости, несмотря на различия в их подходах. Основное достижение этих рейтингов заключается в том, что они рассматривают вовлечённость в более широком контексте общего влияния международных акторов в социальных сетях.

Наиболее известный рейтинг влияния цифровой дипломатии — *Twiplomacy* — выпускается с 2012 г. международной коммуникационной компанией *BCW Global*. Их алгоритм оценки цифрового влияния учитывает такие параметры, как твиты, ретвиты, охват, просмотры, лайки и изменение числа подписчиков. В 2022 г. *Twiplomacy* опубликовала два рейтинга цифровой дипломатии: для мировых лидеров и международных организаций. Оценка включает как индивидуальные параметры владельцев X-аккаунтов (например, возраст, продолжительность пребывания в должности, сравнение по годам, доля твитов с фото- или видеоконтентом), так и общие параметры, связанные со страной происхождения лидеров (например, ВВП на душу населения, уровень проникновения интернета, уровень дохода страны по классификации Всемирного банка, численность населения, языки твитов). Алгоритм подсчёта влияния глобальных организаций устроен аналогично, но с более упрощённой контекстуализацией: влияние определяется как отношение баллов самой влиятельной и наименее влиятельной организации.

Французская коммуникационная консалтинговая компания *Reputation Squad* разработала более современный и комплексный индекс влияния цифровой дипломатии — *Digital Diplomacy Index*. В отличие от индекса *Twiplomacy* 2022 г., *Digital Diplomacy Index* фокусируется на оценке влияния страны, а не отдельного лидера или организации, и обновляется регулярно. Этот индекс рассчитывается исключительно для стран G20 на основе скорректированной комбинации из девяти показателей:

1. Охват дипломатической сети — общее количество подписчиков дипломатических аккаунтов страны.
2. Дипломатический вес — общее количество упоминаний страны в дипломатических сетях других стран G20.

¹⁴ Twiplomacy: официальный сайт. URL: <https://www.twiplomacy.com> (accessed 22.08.2024).

¹⁵ Digital Diplomacy Index: официальный сайт. URL: <https://digital-diplomacy-index.com/> (accessed 22.08.2024).

3. Гласность — среднесуточное количество твитов, публикуемых дипломатической сетью страны.
4. Эффективность сообщений — среднее количество лайков и ретвитов на твит, опубликованный дипломатической сетью.
5. Глобальная известность страны — общее количество упоминаний страны в социальной сети X по всему миру.
6. Владение форматами — доля твитов с изображениями или видео в общем количестве твитов дипломатической сети страны.
7. Импульс — количество новых подписчиков, полученных дипломатической сетью страны за последние 30 дней.
8. Дипломатическая центральность — уровень совпадения подписчиков дипломатической сети страны с сетями других стран G20.
9. Языковая диверсификация — количество языков, используемых страной среди 13 основных языков стран G20.

Этот подход исходит из того, что вовлечённость аудитории является лишь одним из показателей эффективности цифровой дипломатии и зачастую не является ключевым.

Таким образом, существуют различные подходы к измерению вовлечённости аудитории в цифровой дипломатии через социальные сети. Однако и исследователи, и консалтинговые компании соглашаются с тем, что уровень вовлечённости служит индикатором эффективности цифровой дипломатии, её влияния на зарубежную аудиторию и, следовательно, на принятие решений в других странах (Цветкова, Сытник 2018).

Метрика вовлечённости демонстрирует, насколько аудитория заинтересована в контенте, создаваемом дипломатическими представительствами или государственными органами. Эти показатели дают быструю обратную связь о том, какие темы вызывают наибольший интерес и дискуссии. Высокая вовлечённость повышает вероятность распространения сообщения среди более широкой, в том числе трансграничной, аудитории.

Однако данная метрика имеет ряд ограничений. Она не всегда отражает качество взаимодействий: высокое вовлечение не обязательно указывает на положительную реакцию, так как негативные и критические комментарии также увеличивают показатели вовлечённости, но не свидетельствуют об успехе. Более того, метрика не измеряет долгосрочные эффекты — она фиксирует текущую заинтересованность аудитории, но не отражает долговременное влияние на дипломатические отношения или изменения общественного мнения. Показатели вовлечённости могут быть искусственно завышены за счёт сенсационного или провокационного контента, который вызывает высокий отклик, но не способствует достижению стратегических целей дипломатии. По этой причине индексы цифровой дипломатии не ограничиваются лишь этой метрикой.

Несмотря на разнообразие подходов, перечисленные количественные методы оценки вовлечённости либо не в полной мере используют потенциал данных социальных сетей, либо оказываются недостаточно гибкими для решения специфических задач, стоящих перед дипломатами. В следующем разделе статьи мы предложим актуализированный инструментарий для оценки вовлечённости с учётом выявленных ограничений и особенностей дипломатической практики, основанный на анализе конкретного кейса.

Методология

Стоит отметить, что большинство исследований по анализу вовлечённости в цифровой дипломатии строятся на сравнении либо каналов внутри одной социальной сети (Manor 2016; Bjola, Jiang 2015), либо одних и тех же каналов в разных социальных сетях (Kampf et al. 2015; Ittefaq 2019; Stromer-Galley et al. 2021). Второй подход представляется более сложным, поскольку функциональные возможности различных социальных сетей и уровень доступа к данным могут значительно различаться¹⁶. Это вынуждает исследователей сосредотачиваться на самых простых показателях, таких как лайки и репосты, которые доступны на любой платформе.

Кроме того, в последние годы наблюдается тенденция к сокращению открытости данных социальных сетей. В 2018 г., после скандала с утечкой данных в компании Cambridge Analytica, Meta¹⁷ существенно ограничила доступ к своему интерфейсу для разработчиков и исследователей (API). В 2023 г., после приобретения Twitter и его переименования в X, Илон Маск закрыл ранее публичный API, сделав доступ для разработчиков платным, а для исследователей — ограниченным и доступным только по запросу. Эти шаги усложняют работу как для учёных, так и для консалтинговых компаний, которые разрабатывают свои методики на основе данных, получаемых через API. Подобные меры отражают растущую тенденцию к закрытости западных платформ, усиливающих своё влияние на общественное мнение и применяющих политическую цензуру.

Различия между социальными сетями и необходимость использования их внутренних интерфейсов (API), требующих дополнительных навыков программирования для доступа к данным, могут усложнять работу исследователей и дипломатов. Частично эту проблему решает ИТ-сообщество, приобретая платный

¹⁶ Так, например, в социальной сети VK мы можем узнать предпочтения пользователя, что позволит нам сделать более глубокие выводы об аудитории сообщества. Telegram, напротив, практически не выдаёт информацию о читателях канала. Последний обезличен и приближен, скорее, к средствам массовой информации. Особенно ярко это проявляется в случае, если на канале закрыты комментарии и отсутствует возможность поставить реакцию под постом.

¹⁷ Компания Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией и запрещена в России решением Тверского суда Москвы от 21 марта 2022 г.

доступ к API и создавая аналитические сервисы, такие как Popsters и TGStat. Эти платформы, во-первых, проводят первичный анализ данных, полученных из API социальных сетей и мессенджеров, что позволяет использовать их в дальнейшем для научных исследований. Во-вторых, они предлагают готовые метрики оценки вовлечённости, адаптированные под особенности конкретных платформ. В дальнейшем мы продемонстрируем, как использование таких агрегаторов может усовершенствовать анализ вовлечённости в контексте цифровой дипломатии.

Для эмпирического анализа мы выбрали российскую социальную сеть VK и международный мессенджер Telegram, которые недостаточно представлены в существующих аналитических исследованиях. Поскольку нас интересует изучение цифровой дипломатии США в России, эти платформы, ориентированные на российскую аудиторию, являются оптимальными для целей данного исследования¹⁸.

В статье будут использованы функциональные возможности двух аналитических сервисов: *popsters.ru* и *tgstat.ru*. Оба инструмента предоставляют аналитику социальных сетей, при этом *tgstat.ru* специализируется исключительно на Telegram. Показатели, предлагаемые этими платформами, ранее не вводились в научный оборот по теме цифровой дипломатии, что делает наше исследование значимым вкладом в данную область.

Для анализа цифровой дипломатии с помощью Popsters особое внимание уделяется следующим показателям:

1. **avERpost** (Average Engagement Rate by a Post) — коэффициент активности подписчиков на публикацию.
2. **ERtext** (Engagement Rate by Text Size) — коэффициент активности в зависимости от длины текста.
3. **ERcontent** (Engagement Rate by Content Type) — коэффициент активности в зависимости от формата контента.

Формулы расчётов и пояснения к переменным представлены ниже (см. рис. 1–3)¹⁹. Преимуществом Popsters является возможность анализа различных социальных сетей и предоставление унифицированной статистики, за исключением случаев, когда API конкретной соцсети ограничивает доступ к определённым данным.

¹⁸ Согласно статистике, VK и Telegram входят в топ-5 социальных сетей, используемых россиянами, наряду с «Одноклассниками» и зарубежными платформами. Согласно опросу, ВЦИОМ от 18 апреля 2022 г., 62% респондентов используют VK, и 55% — Telegram. (См.: Российская аудитория социальных сетей и мессенджеров: изменения на фоне спецоперации. ВЦИОМ. 18.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-auditorija-socialnykh-setei-i-messenzherov-izmeneniya-na-fone-specoperacii> (дата обращения: 22.08.2024)).

¹⁹ Под суммой всех реакций для VK понимается сумма лайков, репостов и комментариев, а для Telegram — сумма любых эмоджи, оставленных пользователями под постом, и комментариев. Информация о репостах для Telegram в Popsters недоступна.

$$avER_{post} = \frac{\text{сумма всех реакций к публикациям}}{\text{количество подписчиков на дату анализа} \times \text{количество публикаций}} \times 100\%$$

Рис. 1. Формула расчёта среднего коэффициента активности подписчиков за выбранный период.

Источник: popsters.ru.

Fig. 1. Formula for calculating an average subscriber activity rate for a selected period.

Source: popsters.ru.

$$ER_{post_text} = \frac{\text{сумма реакций к публикациям длиной } n \text{ – символов}}{\text{кол – во подписчиков на дату анализа} \times \text{кол – во публикаций длиной } n \text{ – символов}} \times 100\%$$

Рис. 2. Формула расчёта среднего коэффициента активности подписчиков за выбранный период относительно длины публикации.

Источник: popsters.ru.

Fig. 2. Formula for calculating an average coefficient of subscribers' activity for a chosen period in relation to the length of the publication.

Source: popsters.ru.

$$ER_{post_content} = \frac{\text{сумма реакций к публикациям типа фото/видео/текст/ссылка}}{\text{кол – во подписчиков на дату анализа} \times \text{кол – во публикаций выбранного типа}} \times 100\%$$

Рис. 3. Формула расчёта среднего коэффициента активности подписчиков за выбранный период относительно формата представления контента: фото, видео, текст, ссылка.

Источник: popsters.ru.

Fig. 3. Formula for calculating an average coefficient of subscribers' activity for a chosen period in relation to the format of content: photo, video, text, link.

Source: popsters.ru.

В отличие от платформы Popsters, TGStat предлагает другие индексы для оценки Telegram-каналов. Среди наиболее значимых для анализа цифровой дипломатии выделяются: индекс цитирования, вовлечённость подписчиков (*Engagement Rate by Reach*, ERR) и внешний трафик (см. рис. 4–5). Основным ограничением является то, что доступные данные могут охватывать только один год с момента запроса или один календарный год, в зависимости от рассматриваемой переменной.

$$ERR = \frac{\text{количество просмотров, совершенных подписчиками}}{\text{общее количество просмотров}} \times 100\%$$

Рис. 4. Формула расчёта показателя Engagement Rate by Reach.

Источник: TGStat.ru.

Fig. 4. Formula for calculating the Engagement Rate by Reach indicator.

Source: TGStat.ru.

$$\text{Внешний трафик} = \text{число посещений через редирект сервисы с учетом геолокации}$$

Рис. 5. Формула расчёта внешнего трафика Telegram-канала²⁰.

Источник: TGStat.ru.

Fig. 5. Formula for calculating external traffic of a Telegram-channel.

Source: TGStat.ru.

Остановимся подробнее на индексе цитирования (см. рис. 6). Как следует из информации, представленной на официальном сайте сервиса аналитики²¹, этот показатель представляет собой сумму весов всех упоминаний одного канала на другом канале. Переменные, которые входят в расчёт, включают: авторитетность цитирующего канала; качество цитирующего канала; вес упоминания канала относительно публикации (сколько ссылок даётся на разные каналы в одном посте); вес упоминания относительно всех публикаций на цитирующем канале; и период существования публикации со ссылкой. Каждая из этих переменных принимает значение от 0 до 1. Компания не предоставляет детального описания алгоритма и точной формулы для расчёта индекса, что вынуждает исследователей полагаться на данные платформы без возможности провести независимую проверку результатов и создаёт риск неверной интерпретации, который необходимо учитывать при оценке.

Мы обратились в компанию за разъяснением этой формулы и получили следующую информацию: «Авторитетность и качество канала-донора определяются такими метриками, как ERR, наличие или отсутствие красной метки (выдаваемой за накрутку подписчиков или просмотров), индекс цитируемости и количество подписчиков»²². Однако компания не предоставила описание алгоритма расчёта индекса, мотивируя это тем, что «раскрытие деталей расчёта может привести к попыткам владельцев Telegram-каналов манипулировать или накручивать индекс цитирования»²³.

²⁰ Учитываются только переходы через редирект сервис TGStat и его пяти партнёров по состоянию на 2023 г.

²¹ Инструмент «Индекс цитирования». TGStat. URL: <https://tgstat.ru/blog/tools-ci-1001> (дата обращения: 22.08.2024).

²² Из официального ответа компании TGStat на обращение авторов о раскрытии формул подсчёта переменных индекса цитирования от 1 августа 2023 г.

²³ Там же.

$$\begin{aligned}
 & \text{Индекс цитирования} = \text{Индекс авторитетности канала, где дается ссылка} + \\
 & + \text{Индекс качества канала, где дается ссылка} + \text{Вес цитируемого канала в публикации} + \\
 & + \text{Вес цитируемого канала среди всех публикаций на канале, где дается ссылка} + \\
 & + \text{Период существования публикации со ссылкой}
 \end{aligned}$$

Рис. 6. Формула для расчёта индекса цитирования исследуемого канала.

Источник: TGStat.ru.

Fig. 6. Formula for calculating the citation index of a channel.

Source: TGStat.ru.

В исследовании мы придерживаемся широкого понимания цифровой дипломатии, рассматривая её как деятельность не только дипломатических каналов, но и аккаунтов государственных каналов иновещания США, ориентированных на зарубежную аудиторию (Pamment 2016b). В социальной сети VK нами были выделены четыре таких аккаунта (три из которых на момент публикации статьи заблокированы), а в Telegram — пять. Это различие объясняется отсутствием официального представительства Государственного департамента США на русском языке в соцсети VK (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Аккаунты из социальных сетей VK и Telegram, выбранные для анализа.
Table 1. Social media accounts of the US digital diplomacy in VK and Telegram chosen for the analysis.

Социальная сеть	Страница / канал	Ссылка
VK	Посольство США в России	vk.com/usemburu
	«Радио Свобода»*	-
	«Настоящее Время»**	-
	«Голос Америки»***	-
Telegram	«США по-русски» (аккаунт Госдепартамента США)	t.me/usaporuski
	Посольство США в Москве	t.me/usembrussia
	«Радио Свобода»*	-
	«Настоящее Время»**	-
	«Голос Америки»***	-

* признано нежелательной организацией, чья деятельность запрещена на территории РФ, а также иностранным агентом.

** признано иностранным агентом; входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ.

*** признан иностранным агентом.

Источник: составлено авторами.

Source: compiled by the authors.

Анализ охватывает период с 24 февраля 2022 г. по 30 июня 2023 г., что составляет 421 день. Датой начала исследования выбрана дата начала Специальной военной операции (далее — СВО), так как она стала точкой отсчета для крайнего обострения глобального противостояния, в том числе между США и Россией, и послужила стимулом для активного перехода дипломатических миссий в Telegram. Начало СВО стало важным фактором укрепления многополярности и привело к новому витку антироссийской политики со стороны США, включая масштабные санкции в отношении российских СМИ и блокировки аккаунтов государственных ведомств в социальных сетях. Это ознаменовало новый этап в цифровой дипломатии как России, так и США (Зиновьева и др. 2024). Дата окончания исследуемого периода выбрана на основании последней доступной на момент выгрузки и начала анализа публикации на всех упомянутых каналах.

В рамках сравнительного анализа вовлечённости в цифровой дипломатии США в VK и Telegram мы использовали традиционные метрики (количество подписчиков, публикаций, просмотров, реакций) и дополнили их новыми: avERpost, avERview, ERpost_text, ERpost_content. Дополнительно для Telegram-аккаунтов США были проанализированы показатели ERR, внешний трафик и индекс цитирования.

Гипотеза исследования заключалась в том, что платформы-агрегаторы могут значительно улучшить и упростить анализ вовлечённости аудитории цифровой дипломатии за счёт использования встроенных метрик анализа активности каналов и аудитории. Мы предполагали, что готовые инструменты позволят выявить долгосрочные тенденции (анализировать большие объёмы данных, растянутые во времени), но при этом будут менее актуальны для более точечных задач, таких как отслеживание отдельных информационных кампаний. Кроме того, на основании предыдущих исследований мы ожидали, что цифровая дипломатия США на разных платформах будет развиваться неравномерно с точки зрения активности пользователей и что предпочтения будут отдаваться аудиовизуальному контенту в отличие от текстового, что отразится в преобладании этого типа публикаций на анализируемых каналах.

Результаты

Несмотря на то, что суммарное число подписчиков на каналы цифровой дипломатии США на платформе VK по состоянию на 30 июня 2023 г. было выше, публикационная активность анализируемых Telegram-каналов оказалась выше, чем у сообществ в VK (см. рис. 7–8). Общее количество просмотров и реакций на публикации цифровой дипломатии США также оказалось выше в Telegram по сравнению с VK. При сравнении каждого канала в разных социальных сетях

было выявлено, что читатели VK-сообщества «Голос Америки»²⁴ уделили ему в 58 раз меньше внимания, чем в Telegram (см. рис. 9). Канал Посольства США получил примерно одинаковое количество просмотров в обеих сетях, несмотря на то, что в VK было на 484 публикации меньше.

Количество реакций в медийных аккаунтах в Telegram оказалось значительно выше, чем в VK. Как «Радио Свобода»²⁵, так и «Настоящее время»²⁶ собрали около 10 млн отметок «Мне нравится» (см. рис. 10). Важно отметить, что данные, предоставленные платформой Popsters для Telegram, не учитывали количество репостов, в отличие от данных для VK.

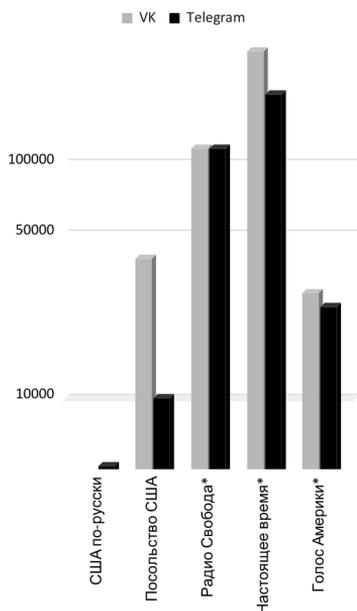

Рис. 7. Количество подписчиков по состоянию на август 2023 г.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 7. Number of subscribers as of August 2023.

Data source: popsters.ru.

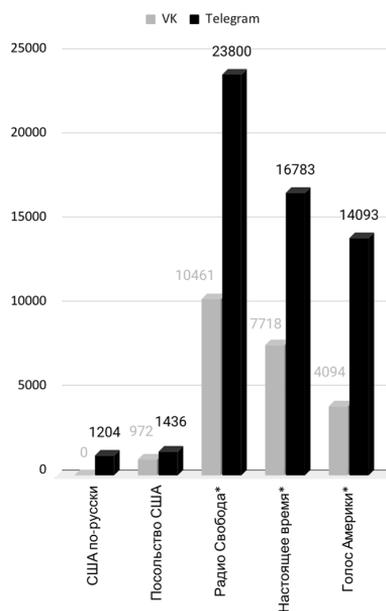

Рис. 8. Количество публикаций на каналах с 24.02.2022 по 30.06.2023.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 8. Number of publications on the channels from 24.02.2022 to 30.06.2023.

Data source: popsters.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

²⁴ Включён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

²⁵ Признано нежелательной организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

²⁶ Входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

Как дипломатические, так и медиаканалы цифровой дипломатии США в Telegram отключили возможность комментирования, что также не учитывалось при подсчёте этого показателя (вероятно, такое решение связано с желанием избежать привлечения внимания к негативным оценкам продвигаемых США нарративов со стороны большей части российской аудитории). После анализа активности аккаунтов с использованием традиционных метрик мы обратились к комплексным показателям, предоставляемым аналитическими сервисами.

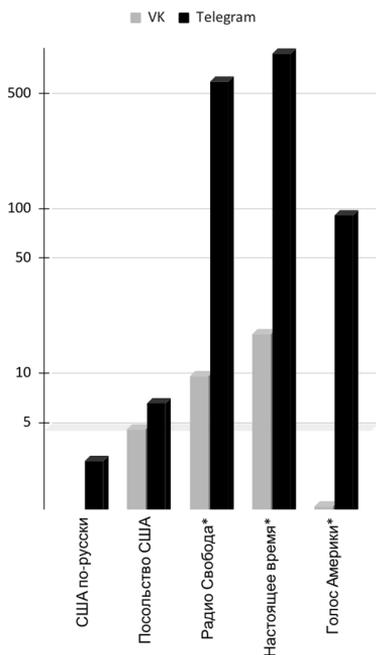

Рис. 9. Количество просмотров на каналах цифровой дипломатии США (масштаб 1:1 000 000).

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 9. Number of views on US digital diplomacy channels (scale 1:1,000,000).

Data source: popsters.ru.

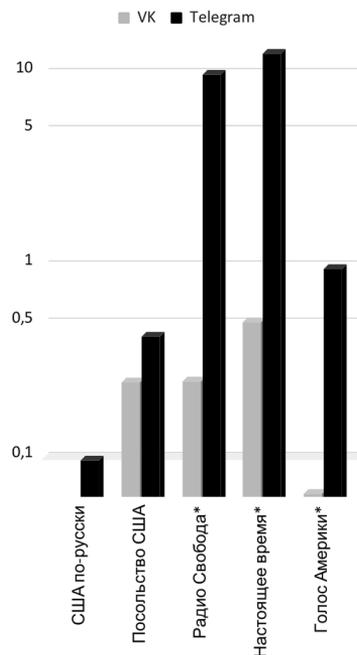

Рис. 10. Общее количество реакций на каналах²⁷ (масштаб 1:1 000 000).

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 10. Total number of reactions on the channels (scale 1:1,000,000).

Data source: popsters.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

²⁷ Для VK учитываются реакции «Мне нравится», «Репосты» и «Комментарии». Для Telegram из-за особенностей API только «Мне нравится» и «Комментарии».

Среди дипломатических Telegram-каналов США в российском медиапространстве самые высокие показатели по метрике вовлечённости демонстрирует канал Посольства США в Москве. Канал Госдепартамента «США по-русски» пользовался меньшей популярностью среди пользователей, что отражается как в количестве реакций и просмотров, так и в среднем уровне активности, о чём свидетельствует показатель avERpost (см. рис. 11).

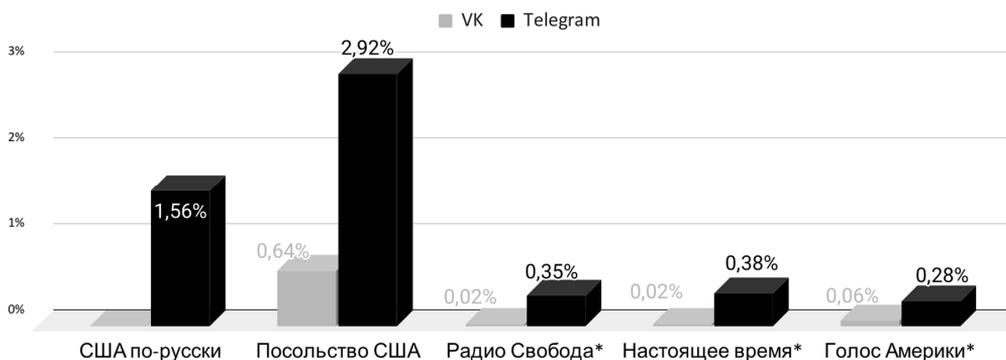

Рис. 11. Показатель avERpost с 24.02.2022 по 30.06.2023.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 11. Indicator avERpost from 24.02.2022 to 30.06.2023.

Data source: popsters.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

Отметим, что в 2023 г. сервис аналитики Popsters опубликовал собственные данные исследований восьми социальных сетей, включая VK и Telegram, где были приведены средние значения отдельных показателей активности пользователей и сообществ²⁸. Мы сопоставили эти данные с нашими показателями avERpost и выяснили, что все пять Telegram-каналов и VK-сообщество Посольства США в России превышают средние значения, указанные в отчёте Popsters (в остальных случаях показатели оказались ниже). Для каналов с аудиторией от 100 до 200 тыс. подписчиков avERpost составляет около 0,26%, тогда как у «Радио Свобода»²⁹ и «Настоящего времени»³⁰ эти значения рав-

²⁸ Popsters. 2023. Активность аудитории социальных сетей 2023. URL: https://popsters.ru/research/Popsters_Research_2023_rus.pdf (дата обращения: 22.08.2024).

²⁹ Признано нежелательной организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

³⁰ Входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

ны 0,35% и 0,38% соответственно. Telegram-канал Посольства США и «США по-русски» демонстрируют наибольшие результаты, превышая средние значения в 7,4 и 3,5 раза с показателями 2,92% и 1,56% против средних 0,39% и 0,44% соответственно.

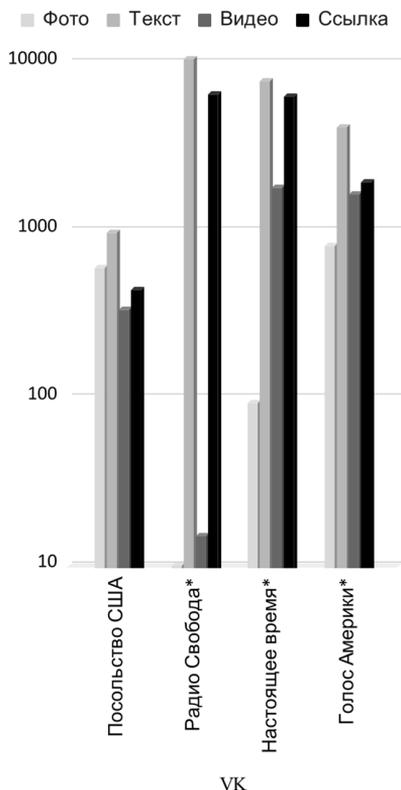

Рис. 12.1. Количество постов на каналах США относительно содержания в VK.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 12.1: Number of posts on US channels relative to content in VK.

Data source: popsters.ru.

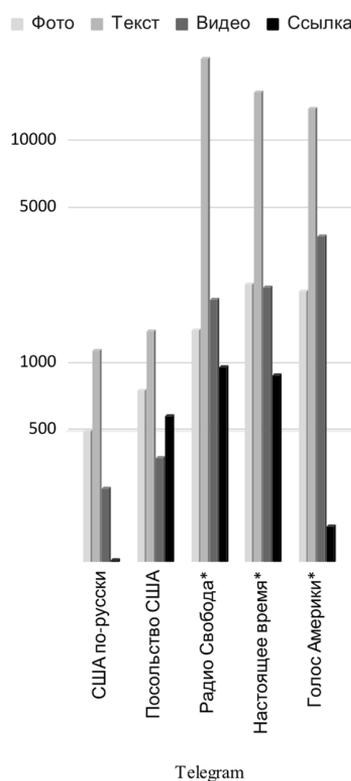

Рис. 12.2. Количество постов на каналах США относительно содержания в Telegram.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 12.2: Number of posts on US channels relative to content on Telegram.

Data source: popsters.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

Из 119 000 проанализированных публикаций в VK и Telegram 67% составили текстовые посты (80 411 постов), 14% (17 803 публикации) — ссылки. Видео представляли 10% постов (12 361), а фотоматериалы — 7% (8 601 публикация).

ВК-сообщества Посольства США и «Голоса Америки»³¹ равномерно распределяли материалы (см. рис. 12.1), в то время как «Радио Свобода»³² в ВК делало акцент на ссылки и текст. В Telegram текст также был основным инструментом коммуникации (см. рис. 12.2). Канал «Голоса Америки»³³ почти не использовал ссылки, но загрузил 3 771 видеофайл, что составило 18% от всех опубликованных записей и превысило показатели других каналов.

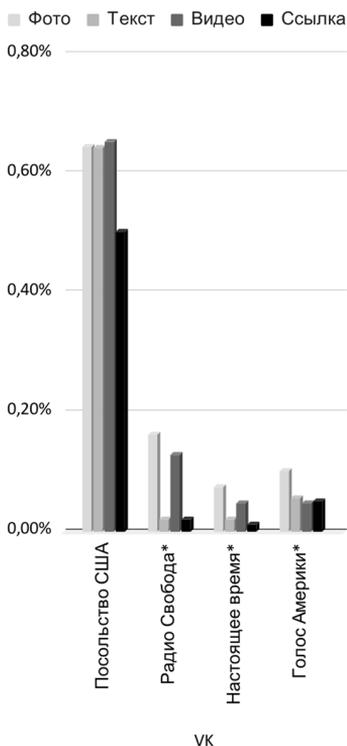

Рис. 13.1. Показатель ERpost_content на каналах США в VK.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 13.1. ERpost_content indicator on US channels in VK.

Data source: popsters.ru.

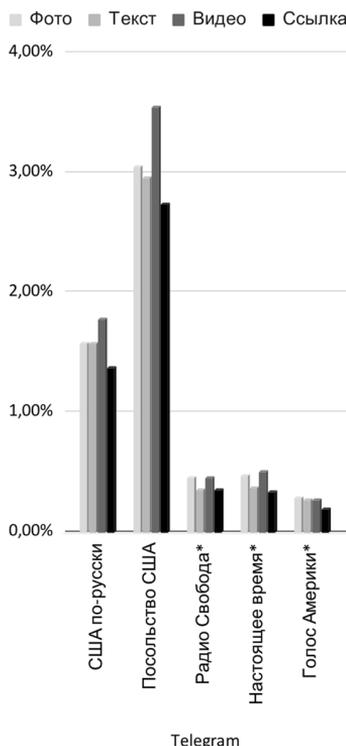

Рис. 13.2. Показатель ERpost_content на каналах США в Telegram.

Источник данных: popsters.ru.

Figure 13.2: ERpost_content on US channels in Telegram.

Data source: popsters.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

³¹ Включён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

³² Признано нежелательной организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

³³ Включён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

Взаимодействие пользователей с контентом в VK и Telegram имело свои особенности. Читатели VK-сообщества Посольства США в Москве проявляли наименьший интерес к постам со ссылками, тогда как аудитория медиасообществ слабо реагировала на текстовые публикации. Фото- и видеоматериалы, напротив, чаще вызывали отклик у пользователей VK (см. рис. 13.1). В Telegram потребление контента было более равномерным, что, возможно, связано с особенностями мессенджера, где отсутствует функция «новостная лента» (см. рис. 13.2). Тем не менее и здесь заметна тенденция к предпочтению видеоматериалов в публикациях.

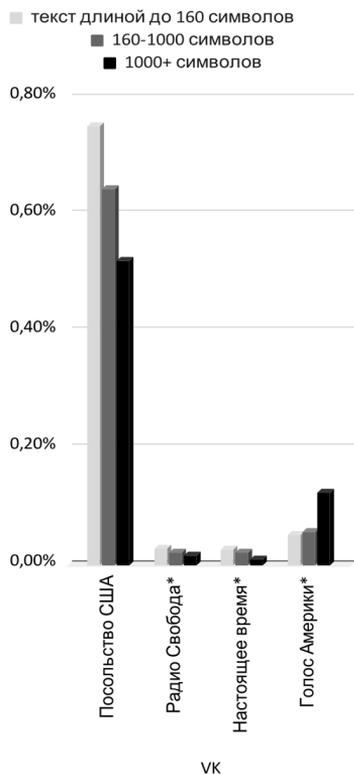

Рис. 14.1. Показатель ERpost_text на каналах США в VK.

Источник данных: popsters.ru.

Fig. 14.1. ERpost_text indicator on US channels in VK.

Data source: popsters.ru.

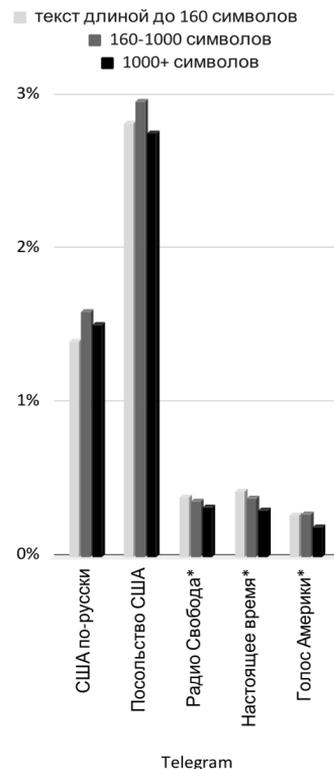

Рис. 14.2. Показатель ERpost_text на каналах США в Telegram.

Источник данных: popsters.ru.

Figure 14.2: ERpost_text indicator on US channels in Telegram.

Data source: popsters.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

Анализ показателя активности ERpost_text показал, что читатели редко взаимодействуют с текстовыми публикациями, независимо от их длины, на новостных каналах (см. рис. 14.1–14.2). Эта тенденция наблюдается как в Telegram, так и в VK. Дополнительно результаты указывают на отсутствие чётких предпочтений пользователей по длине текста, за исключением канала «Голос Америки»³⁴, где посты объёмом более 1000 знаков вызывают взаимодействие примерно в два раза чаще.

Далее мы переходим к показателям аналитического сервиса TGStat, начав с индекса цитирования. К сожалению, TGStat не предоставляет средних значений для Telegram по этому показателю и не позволяет сравнить его с данными других социальных сетей. Поэтому мы решили обратиться к списку 100 самых цитируемых каналов из раздела «Новости и СМИ», выбрав регион Россия на момент анализа³⁵. Из этого списка были выбраны показатели российских государственных СМИ РИА «Новости» и «РТ на русском», а также оппозиционных СМИ «Медуза» и «Дождь»³⁶. Для сравнения с дипломатическими представительствами был также использован индекс цитирования Telegram-канала МИД России.

Как видно на рис. 15.1, самым успешным источником распространения информации оказался Telegram-канал «Настоящее время»³⁷ с индексом цитирования 914,02 пункта. Наиболее популярный дипломатический канал набрал 105,33 балла, что сопоставимо с показателем новостного канала «Голоса Америки»³⁸. Интересно, что официальная страница Госдепартамента «США по-русски», являющаяся основным источником официальной информации для аффилированных структур, набрала всего 46,73 балла.

Сравнение цифровой дипломатии США с наиболее успешными новостными каналами российского сегмента Telegram (рис. 15.2) показало, что на момент анализа индекс самого цитируемого американского канала был более чем в два раза ниже показателей российских оппозиционных СМИ и более чем в 10 раз ниже индексов самых цитируемых государственных источников. Уровень цитируемости МИД России в Telegram оказался минимум в 20 раз выше, чем у Посольства США или канала «США по-русски». Таким образом, влияние цифровой дипломатии США среди российской аудитории можно оценить как

³⁴ Включён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

³⁵ Рейтинг Telegram-каналов — Новости и СМИ. TGStat. URL: <https://tgstat.com/ru/ratings/channels/news?sort=members> (дата обращения: 30.08.2024).

³⁶ «Медуза» и «Дождь» признаны нежелательными организациями, деятельность которых запрещена на территории РФ. Включены Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайты изданий заблокированы на территории РФ.

³⁷ Входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

³⁸ Включён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

невысокое по сравнению с официальными российскими СМИ: продвигаемые США нарративы не находят значительного отклика среди российской сетевой аудитории.

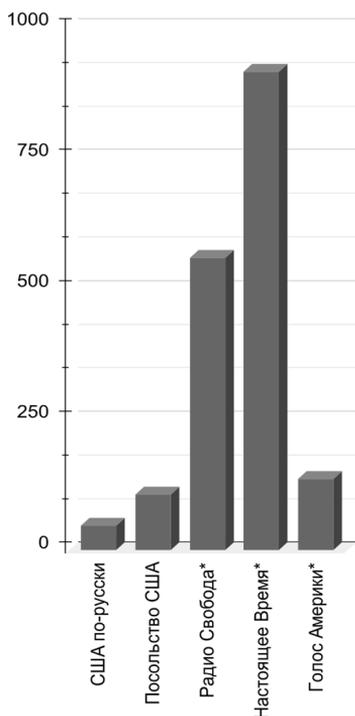

Рис. 15.1. Индекс цитирования каналов США в Telegram по состоянию на 30.06.2023.

Источник информации: TGStat.ru.

Fig. 15.1. Citation index of US channels in Telegram as of 30.06.2023.

Data source: TGStat.ru.

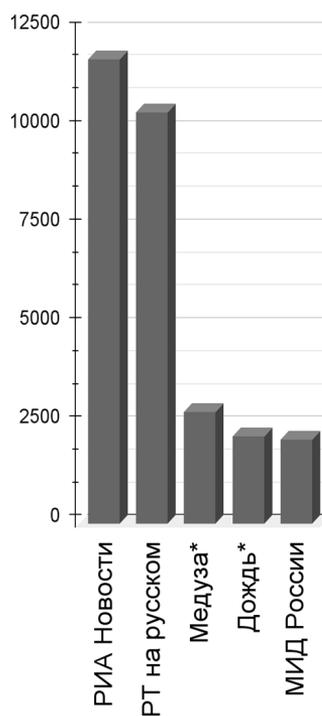

Рис. 15.2. Индекс цитирования российских медиа, МИД России и иностранных агентов в Telegram по состоянию на 30.06.2023.

Источник информации: TGStat.ru.

Fig. 15.2. Citation index of Russian state media, Ministry of Foreign Affairs and foreign agents media in Telegram as of 30.06.2023.

Data source: TGStat.ru.

*«Медуза», «Дождь» и медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признаны нежелательными организациями, чья деятельность запрещена в РФ. Все четыре указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

После анализа индекса цитирования мы приступили к оценке ERR и его колебаний. Поскольку мы не могли загрузить полный ежедневный график показателя, были выбраны шесть ключевых дат, связанных с обострением украинского конфликта: 22 февраля 2022 г. (за два дня до начала СВО), 24 февраля 2022 г.

(день начала СВО), 24 марта 2022 г. (через месяц после обострения), 24 августа 2022 г. (через полгода), 24 февраля 2023 г. (через год) и 24 июня 2023 г. (мятеж группы «Вагнер»).

Как показано на рис. 16, уровень вовлечённости аудитории медиаканалов оставался стабильным и не превышал 50%. Аномальные значения активности читателей канала Посольства США в Москве в марте 2022 г. можно объяснить низким количеством подписчиков после создания канала или, возможно, использованием сетевых накруток. Примечательно, что вовлечённость постоянных читателей этого канала в феврале 2023 г. (через год после начала конфликта) достигла почти 75%, несмотря на увеличение числа подписчиков до более чем 10 тыс. пользователей. По сравнению с другими каналами, показатель ERR «США по-русски» на 24 июня 2023 г. демонстрирует наибольший интерес аудитории — 86% просмотров пришлось на постоянных подписчиков канала.

В этом контексте целесообразно рекомендовать более глубокий содержательный анализ нарративов, продвигаемых на этом канале, что выходит за рамки данной статьи. Такое исследование позволит разработать наиболее эффективные контрнарративы в российском официальном и академическом дискурсе.

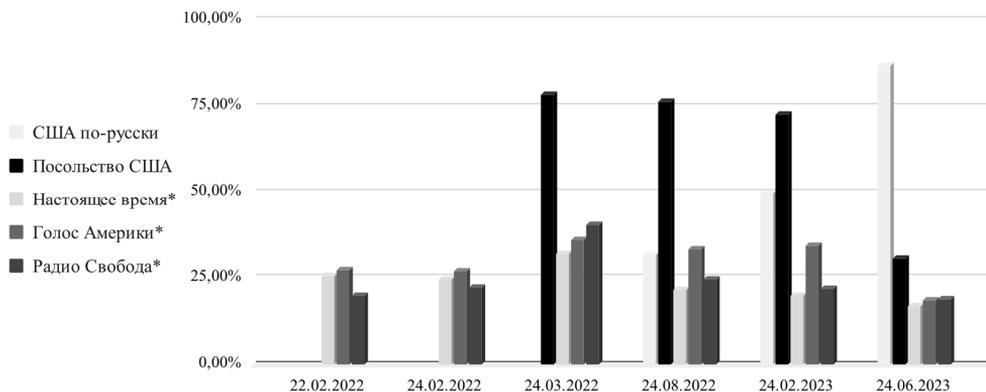

Рис. 16. Показатель ERR каналов США в Telegram.

Источник данных: TGStat.ru.

Fig. 16. ERR indicator of US channels in Telegram.

Data source: TGStat.ru.

*медиакорпорация «Радио Свобода», в которую входит и канал «Настоящее время», признана нежелательной организацией, чья деятельность запрещена в РФ. Оба указанные СМИ и «Голос Америки» признаны иностранными агентами.

Для оценки охвата русскоязычной международной аудитории сообщениями цифровой дипломатии США мы проанализировали внешний трафик. Выяснилось, что каждый из каналов имеет уникальную географию распространения контента (см. рис. 17.1–17.4). Россия доминировала как страна внешних посе-

щений у «Радио Свобода»³⁹ и занимала более 34% у «Настоящего времени»⁴⁰. Германия была представлена во внешнем трафике всех четырёх каналов⁴¹, но её доля сильно различалась: у «США по-русски» она составляла более 50%, тогда как у новостных каналов — не более 4,5%. Примечательно, что 40% внешнего трафика Посольства США в Москве приходилось на Черногорию, 37% — на США и 17% — на ОАЭ. Более 38% внешних посетителей «Настоящего времени» составили пользователи из Китая, а 13,6% — из Соединённых Штатов.

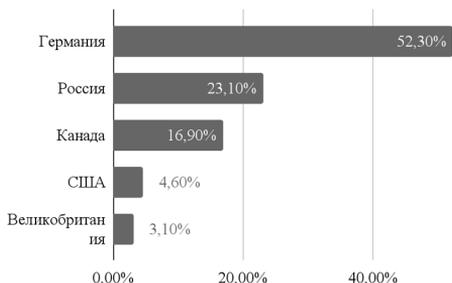

Рис. 17.1. Внешний трафик канала «США по-русски» по состоянию на 30.06.2023.

Источник данных: TGStat.ru.

Fig. 17.1. External traffic of the “SSHA po-Russian” channel as of 30.06.2023.

Data source: TGStat.ru.

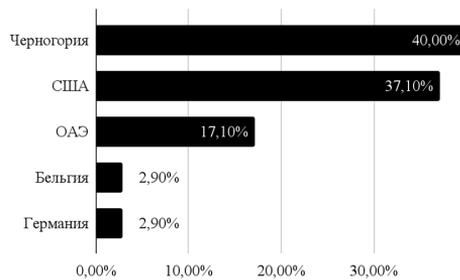

Рис. 17.2. Внешний трафик канала Посольство США в Москве по состоянию на 30.06.2023.

Источник данных: TGStat.ru.

Fig. 17.2. External traffic of the US Embassy in Moscow channel as of 30.06.2023.

Data source: TGStat.ru.

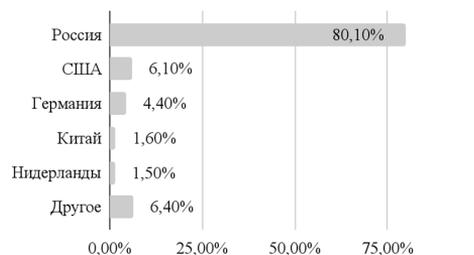

Рис. 17.3. Внешний трафик канала «Радио Свобода»⁴² по состоянию на 30.06.2023.

Источник данных: TGStat.ru.

Fig. 17.3. External traffic of Radio Liberty channel as of 30.06.2023.

Data source: TGStat.ru.

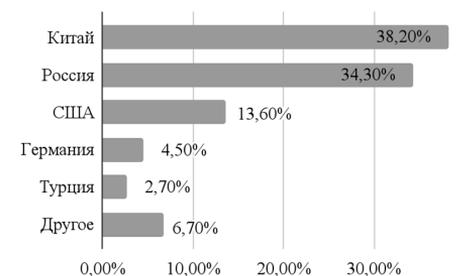

Рис. 17.4. Внешний трафик канала «Настоящее время»⁴³ по состоянию на 30.06.2023.

Источник данных: TGStat.ru.

Fig. 17.4. External traffic of the Current Time channel as of 30.06.2023.

Data source: TGStat.ru.

³⁹ Признано нежелательной организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

Ограничения

Перед обсуждением результатов необходимо отметить ограничения нашего исследования.

Во-первых, предлагаемые методы связаны с использованием платных сервисов, которые предоставляют бесплатный доступ лишь к ограниченному объёму данных (в подготовке данной статьи использовалась бесплатная версия).

Во-вторых, в исследовании представлены результаты экспериментального анализа на примере только двух сервисов (Popsters и TGStat) и двух социальных сетей (Telegram и VK). Мы осознаём, что на рынке существуют и другие аналогичные аналитические платформы, такие как Brand Analytics, и понимаем важность проведения подобных экспериментов с использованием других социальных сетей.

В-третьих, сервис аналитики Popsters, который взаимодействует с API вместо научного сотрудника или дипломата, требует авторизации в изучаемой социальной сети для доступа к данным, что вызывает вопросы о защите персональных данных.

В-четвёртых, отдельные формулы, используемые при расчёте различных индексов, остаются непрозрачными и требуют дополнительной проверки в случае раскрытия данных аналитическим сайтом.

В-пятых, следует учитывать неизбежную предвзятость данных, получаемых из социальных сетей. Количественные показатели пользовательских действий не всегда точно отражают эффективность цифровой дипломатии: лайки и другие взаимодействия могут не означать реальную вовлечённость, а процент пассивных, но вовлечённых пользователей остаётся неизвестным. Кроме того, рассмотренные сервисы не учитывают возможные манипуляции трафиком, поэтому предоставленная статистика может включать активность ботов и «троллей», что характерно для цифровой дипломатии США.

Данные внешнего трафика могут не отражать реального местонахождения пользователя в момент перехода по внешней ссылке из-за широкого использования Virtual Private Networks (VPN).

⁴⁰ Входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

⁴¹ Канал «Голос Америки» (признан иностранным агентом) выпал из данной части анализа ввиду отсутствия данных по нему на платформе TGStat.ru.

⁴² Признано нежелательной организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

⁴³ Входит в медиакорпорацию «Радио Свобода», признанную нежелательной на территории РФ. Включено Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов. Сайт издания заблокирован на территории РФ.

⁴⁴ Unheard Voice. Evaluating Five Years of Pro-Western Covert Influence Operations. *Graphika, Stanford Internet Observatory Cyber Policy Center*. URL: https://public-assets.graphika.com/reports/graphika_stanford_internet_observatory_report_unheard_voice.pdf (accessed 28.08.2024)

Наконец, на современном этапе развития цифровой дипломатии категория вовлечённости аудитории выходит за рамки анализа активности в социальных сетях и может включать исследования других цифровых решений, таких как образовательные онлайн-игры (Базлуцкая, Сытник 2024).

Дискуссия

Результаты исследования показывают, что использование готовых количественных метрик, предоставляемых сервисами для анализа данных социальных сетей, позволяет проводить верхнеуровневый анализ вовлечённости аудитории цифровой дипломатии без необходимости самостоятельных расчётов или подключения к API. Выделим три ключевых преимущества использования аналитических сервисов, таких как Popsters и TGStat.

Во-первых, метрики, предоставляемые компаниями, позволяют проводить углублённый анализ охвата и аудитории цифровой дипломатии. Понимание особенностей своей аудитории и анализ динамики её реакции на различные виды контента в долгосрочной перспективе позволяют адаптировать содержание цифровой дипломатии под предпочтения пользователей. Этот инструмент, несомненно, полезен для практикующих дипломатов, профессионально ведущих социальные сети.

Во-вторых, передача задач по подключению к API, сбору данных и разработке метрик сервисам-агрегаторам существенно ускоряет работу исследователей и дипломатов. Готовые программы снимают техническую нагрузку, позволяя специалистам сосредоточиться на стратегических и творческих аспектах работы.

В-третьих, аналитические сервисы удобны в качестве стартовой точки для анализа контента или стратегий цифровой дипломатии. Например, Popsters автоматически делит публикации на фото, видео, текст и ссылки, а также подсчитывает их количество, устраняя необходимость в самостоятельных расчётах базовых количественных метрик оценки вовлечённости в цифровой дипломатии.

Однако стоит признать, что информация, предоставляемая аналитическими сервисами, не может полностью удовлетворить все потребности. Обсудим эти вызовы и возможности на примере кейса цифровой дипломатии США в России.

Анализ показал, что контент цифровой дипломатии США не находит поддержки среди российской аудитории. Результаты подтверждают гипотезу о том, что текст не является лучшим инструментом для убеждения и привлечения аудитории: пользователи обеих платформ предпочитают посты с фото или видео. Анализ демонстрирует использование различных видов контента в коммуникации цифровой дипломатии США с российской аудиторией. Аккаунты Посольства и аффилированных СМИ США показывают более высокие показатели вовлечённости аудитории по сравнению со страницей Госдепартамента, которая пользуется меньшим спросом. Процент вовлечённости пользователей

на аккаунтах США остаётся невысоким: в Telegram он немного выше, чем в VK, но в целом показатели остаются низкими, что позволяет охарактеризовать американские проекты как неуспешные.

Мы полагаем, что основной акцент цифровой дипломатии США в России сейчас сделан на Telegram. Согласно полученным данным, в 2022 г. США незначительно усилили направление вовлечения русскоязычной аудитории на этой платформе, о чём свидетельствует рост числа подписчиков. Однако востребованность Telegram для цифровой дипломатии США в России выражается не столько в базовых показателях, как количество подписчиков или публикаций, сколько в показателях вовлечённости — например, количестве просмотров и наличии постоянной аудитории, активно взаимодействующей с контентом (ERR). Таким образом, американская повестка находит своё место в российском сегменте Telegram и привлекает небольшую целевую аудиторию.

Тенденция к усилению активности в Telegram (особенно в русскоязычном информационном пространстве) очевидна, несмотря на то, что ранее дипломатические миссии США не вели каналы в этой социальной сети и создали их только в марте 2022 г., практически сразу после обострения украинского кризиса. До этого в Telegram присутствовали только аккаунты Агентства США по глобальным медиа. Постепенный переход коммуникации в мессенджер может быть обусловлен тем, что Telegram остаётся труднодоступным для полного контроля со стороны правительств⁴⁵, что предоставляет США возможность продвигать свои нарративы и фреймы. Это подчёркивает необходимость дальнейшего академического изучения этих нарративов и разработки эффективных стратегий по формированию контрнарративов со стороны академического и дипломатического сообществ России.

Тем не менее цифровая дипломатия США сталкивается с рядом проблем. Индекс цитируемости указывает на определённые успехи отдельных американских каналов, но они значительно уступают показателям МИД России. В целом, можно утверждать, что цифровая дипломатия США не демонстрирует значительных достижений в расширении своего присутствия (Bjola, Jiang 2015). Также стоит отметить отсутствие такого важного элемента, как комментарии под постами⁴⁶. На всех проанализированных Telegram-каналах эта функция отключена, что указывает на ограниченный двусторонний диалог, который является одной из ключевых характеристик цифровой дипломатии (Bjola, Jiang 2015).

⁴⁵ Стремления осуществлять тотальный контроль над Telegram часто дают о себе знать. Наиболее ярко они проявились в рамках задержания основателя платформы Павла Дурова во Франции в августе 2024 г.

⁴⁶ Комментарии в Telegram могли быть отключены из-за высокой активности ботов. Тем не менее в Telegram есть большое количество российских пользователей, поэтому это может быть одна из лучших социальных сетей для сбора информации о цифровой дипломатии США в России. Более 60% россиян пользуются мессенджером хотя бы раз в месяц по данным проекта Mediascope Cross Web по состоянию на март 2023 г. (См.: Аудитория Telegram: исследование Mediascope. *Mediascope*. 12.05.2023. URL: <https://mediascope.net/news/1601603/> (accessed 28.08.2024)).

Ограниченный диалог в Telegram подтверждается несколькими факторами. Во-первых, все изученные каналы позволяют оставлять реакции в виде эмодзи. Во-вторых, вместо комментариев некоторые каналы предлагают подписчикам отправлять отзывы на специальный адрес электронной почты, указанный в разделе «Информация». В-третьих, медиаканалы могут использовать специальных ботов для сбора фото и видео. Однако эти инструменты не позволяют читателям обмениваться идеями под публикациями, что затрудняет как общение между читателями, так и диалог с администраторами каналов.

Что касается присутствия США в VK, мы полагаем, что эффект вовлечения российской аудитории здесь носит остаточный характер. В настоящее время активность американской цифровой дипломатии в этой социальной сети значительно ниже, чем в Telegram. Второстепенная роль VK также подтверждается отсутствием страницы Госдепартамента «США по-русски» и закрытием каналов новостного вещания. Таким образом, акцент на Telegram в цифровой дипломатии США в России может стать долгосрочной тенденцией.

В заключение, выбранный кейс показал, что рассмотренные метрики анализа вовлечённости аудитории в социальных сетях автоматизируют количественные оценки эффективности цифровой дипломатии. Эти метрики выполняют функцию квантификации различных реакций на публикации дипломатов (Kampf et al. 2015; Vjola, Jiang 2015; Saxton, Walters 2014; Ittefaq 2019; Khan et al. 2021). Сервисы аналитики удобны для анализа таких показателей, как количество подписчиков, частота публикаций (Ittefaq 2019) и просмотры. Выбранные метрики продемонстрировали возможность автоматического измерения вовлеченности в целом, в зависимости от типа контента (текст, фото, видео или ссылка) и длины текста поста, а также по охвату аудитории и географии трафика. Подобные подходы, по нашим данным, не использовались ранее в исследованиях эффективности цифровой дипломатии. Использование таких фиксированных метрик упростит сравнение программ цифровой дипломатии на различных платформах, поможет выбрать наиболее перспективные из них и скорректировать стратегии противодействия враждебным нарративам при необходимости. Это также позволит сравнивать эффективность цифровой дипломатии разных стран.

Подавляющее большинство количественных показателей, используемых консалтинговыми компаниями при создании индексов на первом этапе анализа, включены в метрики, предоставляемые Popsters и TGStat. Разница заключается в том, что на втором этапе аналитики из консалтинга учитывают факторы, связанные с владельцами аккаунтов (официальными лицами или государствами, которые они представляют). Например, BCW Global создала списки аккаунтов, причастных к цифровой дипломатии, и присвоила каждому аккаунту определённый вес на основе ряда базовых показателей, который затем используется при совмещении с количественными метриками. Reputation Squad пошла дальше, добавив к количественным метрикам вовлечённости сетевой подход: их рейтинг учитывает место страны в дипломатической сети стран G20 и актуален

только для этих двадцати стран. Хотя некоторые аккаунты цифровой дипломатии США и России входят в G20 и Twiplomacy, ни один из этих рейтингов не мог бы помочь нам провести детализированный анализ, так как они не предоставляют подробной информации по отдельным странам. Таким образом, рейтинги цифровой дипломатии дают лишь общую оценку эффективности присутствия мировых лидеров, международных организаций или официальных представительств стран в социальных сетях, рассматривая вовлечённость аудитории лишь как один из возможных, но не ключевой показатель.

Завершая, мы хотели бы указать на пробелы в рассмотренных метриках вовлечённости, основываясь на существующих исследованиях и практике цифровой дипломатии. К сожалению, Popsters и TGStat не предоставляют возможности анализа вовлечённости аудитории по тематике, что важно для оценки стратегий цифровой дипломатии. Метрики также не позволяют отслеживать расширение присутствия дальше одного уровня репостов и комментариев, упуская из виду успешные кампании цифровой дипломатии, доходящие до трёх-четырёх уровней репостов (Bjola, Jiang 2015) и потенциальную аудиторию за рамками текущих подписчиков (Bolgov et al. 2016). Также важным является то, что существующие метрики не анализируют активность цифровой дипломатии помимо частоты публикаций. Например, исследователям, рассматривающим вовлечённость как двусторонний процесс, будет недоставать возможностей измерить количество ответов дипломатов на вопросы подписчиков (Ittefaq 2019) или проанализировать хэштег-дипломатию. Полезной функцией стал бы автоматический сентимент-анализ комментариев под постами⁴⁷, который позволил бы дипломатам оперативно корректировать свою коммуникацию в ответ на изменения настроений, а учёным — оценивать восприятие программ цифровой дипломатии.

Ещё один важный аспект — это учёт манипулирования трафиком, который нынешние метрики не позволяют измерить. Для дипломатов и исследователей важно понимать реальный размер и мнение аудитории, исключая влияние ботов и троллей, что особенно актуально в условиях негативных тенденций в цифровой дипломатии (Bjola, Pamment 2018). США активно используют ботов и троллей для накрутки показателей цитирования и просмотров, что стало ещё более заметным трендом.

В заключение, для создания актуального инструментария, применимого в исследованиях и практике цифровой дипломатии, мы рекомендуем использовать готовые автоматизированные метрики вовлечённости, разработанные с учётом задач исследователей и дипломатов и особенностей интерфейсов социальных сетей, а также добавить в них:

⁴⁷ См.: Wang Y. 2020. Weibo Diplomacy: Management, Measurement and Challenges. Ph.D. diss., King's College London. URL: https://kclpure.kcl.ac.uk/ws/portalfiles/portal/165190919/2021_Wang_Ying_1227274_thesis.pdf (accessed 22.08.2024).

1. Встроенное тематическое моделирование постов;
2. Возможность отслеживания многоуровневых репостов, запуска и распространения хэштег-дипломатии, а также прироста аудитории с учётом этих процессов;
3. Возможность отслеживания активности аккаунтов цифровой дипломатии в части ответов на комментарии;
4. Встроенный сентимент-анализ комментариев под постами;
5. Механизмы для выявления манипулирования трафиком, позволяющие исключить из анализа ботов и троллей.

В целом, метрики вовлеченности аудитории не раскрывают содержание реакций и не позволяют прогнозировать долгосрочные тренды, что необходимо учитывать при их использовании в научных и дипломатических целях.

Заключение

За более чем двадцать лет существования цифровой дипломатии исследователи не разработали готовых инструментов для анализа вовлечения и оценки эффективности двустороннего взаимодействия между каналом цифровой дипломатии и пользователем. Учёные по всему миру активно разрабатывали методики оценки, самостоятельно решая проблемы подключения к API и выполняя квантификацию данных различной сложности. Однако научному сообществу не хватало возможностей для отражения полной картины происходящего в мире цифровой дипломатии. В ответ на этот вызов консалтинговые компании взяли на себя задачу комплексной оценки и создали индексы цифровой дипломатии, которые, несмотря на свою полезность, не адаптированы под исследовательские и дипломатические задачи и не свободны от политической предвзятости.

На текущем этапе эту проблему в значительной мере могут решить готовые автоматизированные метрики, предоставляемые сервисами по анализу данных социальных сетей, несмотря на их ограничения, описанные выше.

Наше исследование цифровой дипломатии США в России на примере социальной сети VK и мессенджера Telegram показало, что метрики сервисов Popsters и TGStat позволяют проводить комплексный верхнеуровневый анализ вовлечённости без необходимости самостоятельных расчётов или подключения к API. Мы смогли выявить переориентацию стратегии цифровой дипломатии США на привлечение российской аудитории в Telegram вместо ранее используемой сети VK, оценить охват русскоязычной аудитории и зафиксировать низкие показатели расширения присутствия. Тем не менее проведение более глубокого и детального анализа стратегий, программ или драйверов цифровой дипломатии с использованием этих метрик остаётся невозможным. Поэтому нами были предложены рекомендации для создания более продвинутых метрик, которые могли бы усилить анализ цифровой дипломатии.

Об авторах:

Мария Михайловна Базлуцкая — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

ORCID: 0000-0002-7118-8632. E-mail: m.bazlutskaya@gmail.com.

Анна Николаевна Сытник — кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

ORCID: 0000-0002-6853-6253. E-mail: a.sytnik@spbu.ru.

Наталья Александровна Цветкова — доктор исторических наук, Ph.D. in Social and Behavioral Studies, профессор, заведующая кафедрой американских исследований СПбГУ. 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9.

ORCID: 0000-0002-0156-9069. E-mail: n.tsvetkova@spbu.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

UDC 327.8(73:(470+571))

Received: March 24, 2024

Accepted: June 11, 2024

Evaluating Audience Engagement as a Measure of Digital Diplomacy Effectiveness

 Mariia Bazlutckaia¹, Anna Sytnik², Natalia Tsvetkova²

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-48-82)

¹ MGIMO University

² Saint Petersburg State University

Abstract: This article presents relevant tools for analyzing engagement in digital diplomacy, where ‘engagement’ is defined as the two-way interaction between a digital diplomacy channel on social media and its users. Existing methods for evaluating engagement often fail to fully utilize the available data or lack the flexibility needed for specific diplomatic purposes. Using the case study of US digital diplomacy in Russia, this paper addresses two research questions: (1) To what extent are the automated evaluation metrics developed by data aggregator platforms applicable for analyzing engagement in digital diplomacy? (2) Do these metrics help identify significant patterns in digital diplomacy?

The findings of our pilot study indicate that the automated engagement metrics provided by the Popsters and TGStat data aggregator services effectively measure engagement in terms of audience reach and expansion, geographic distribution of traffic, overall engagement, and engagement based on content type (text, photo, video, or link) or text length. The analysis

of selected metrics reveals two key trends in US digital diplomacy in Russia: since 2022 there has been a notable shift in focus toward Telegram as the primary platform, and while the content partially reaches the existing Russian-speaking audience, it struggles to expand its overall reach.

The authors provide six recommendations for diplomatic agencies and consulting firms to enhance the tools for analyzing digital diplomacy engagement: (1) adopt automated engagement metrics that account for the interface differences among social media platforms; (2) incorporate built-in topic modeling of posts; (3) integrate sentiment analysis of comments; (4) develop mechanisms to detect traffic manipulation; (5) track multi-level reposts, the timing and spread of hashtag diplomacy, and audience growth considering these processes; and (6) evaluate digital diplomacy activity concerning responses to comments. The authors advocate for closer collaboration between the academic community and diplomatic practitioners to improve engagement metrics and thereby enhance the effectiveness of digital diplomacy.

Keywords: engagement, digital diplomacy, US, Russia, social media, Telegram, VK, effectiveness, metrics

About the authors:

Mariia M. Bazlutckaia — Postgraduate Student, World Politics Department, MGIMO University. 76 prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.
ORCID: 0000-0002-7118-8632. E-mail: m.bazlutskaia@gmail.com.

Anna N. Sytnik — Ph.D. in Political Science (International Relations), Assistant Professor, Department of American Studies, St. Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya nab, St. Petersburg, Russia, 199034., ORCID: 0000-0002-6853-6253. E-mail: a.sytnik@spbu.ru.

Natalia A. Tsvetkova — Doctor of History, Ph.D. in Social and Behavioral Studies, Professor, Head of the Department of American Studies, St. Petersburg State University. 7-9 Universitetskaya nab, St. Petersburg, Russia, 199034.
ORCID: 0000-0002-0156-9069. E-mail: n.tsvetkova@spbu.ru.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The publication was supported by the strategic academic leadership program Priority 2030.

References:

- Bjola C. 2018. Digital Diplomacy: From Tactics to Strategy. *The Berlin Journal: A Magazine from the American Academy in Berlin*. Vol. 32. P. 78–81.
- Bjola C., Jiang L. 2015. Social Media and Public Diplomacy. *Digital diplomacy: Theory and practice*. London: Routledge. P. 71–88. DOI: 10.4324/9781315730844-6
- Bjola C., Pamment J. 2018. Introduction: The ‘Dark Side’ of Digital Diplomacy. *Countering Online Propaganda and Extremism*. London: Routledge. P. 1–10. DOI: 10.4324/9781351264082-1
- Bjola, C., Zaiotti R., eds. 2020. *Digital Diplomacy and International Organisations: Autonomy, Legitimacy and Contestation*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9781003032724
- Bolgov R., Bogdanovich S., Yag'ya V., Ermolina M. 2016. How to Measure the Digital Diplomacy Efficiency: Problems and Constraints. *Digital Transformation and Global Society: First International Conference, DTGS 2016. St. Petersburg, Russia, June 22–24, 2016. Revised Selected Papers*. Springer International Publishing. P. 180–188. DOI: 10.1007/978-3-319-49700-6_18

Hayden C. 2012. Social Media at State: Power, Practice, and Conceptual Limits for US Public Diplomacy. *Global Media Journal*. 11(20). P. 1–21.

Huang Z.A., Wang, R. 2020. 'Panda Engagement' in China's Digital Public Diplomacy. *Asian Journal of Communication*. 30(2). P. 118–140. DOI: 10.1080/01292986.2020.1725075

Ittefaq M. 2019. Digital Diplomacy via Social Networks: A Cross-National Analysis of Governmental Usage of Facebook and Twitter for Digital Engagement. *Journal of Contemporary Eastern Asia*. 18(1). P. 49–69. DOI: 10.17477/jcea.2019.18.1.049

Jenkins H. 2014. Transmedia Storytelling and Entertainment: An Annotated Syllabus. In *Entertainment Industries*. London: Routledge. P. 145–160. DOI: 10.4324/9781315872582-17

Kampf R., Manor I., Segev E. 2015. Digital Diplomacy 2.0? A Cross-National Comparison of Public Engagement in Facebook and Twitter. *The Hague Journal of Diplomacy*. 10(4). P. 331–362. DOI: 10.1163/1871191X-12341318

Khan M.L., Ittefaq M., Pantoja Y.I.M., Raziq M.M., Malik A. 2021. Public Engagement Model to Analyze Digital Diplomacy on Twitter: A social media analytics framework. *International Journal of Communication*. Vol. 15. P. 1741–1769.

Manor I. 2016. Are We There yet: Have MFAs Realized the Potential of Digital Diplomacy? Results from a Cross-National Comparison. *Brill Research Perspectives in Diplomacy and Foreign Policy*. 1(2). P. 1–110. DOI: 10.1163/24056006-12340002

Manor I., Adiku G.A. 2021. From 'Traitors' to 'Saviours': A Longitudinal Analysis of Ethiopian, Kenyan and Rwandan Embassies' Practice of Digital Diaspora Diplomacy. *South African Journal of International Affairs*. 28(3). P. 403–427. DOI: 10.1080/10220461.2021.1948915

Melissen J., de Keulenaar E.V. 2017. Critical Digital Diplomacy as a Global Challenge: The South Korean experience. *Global Policy*. 8(3). P. 294–302. DOI: 10.1111/1758-5899.12425

Özdemir M. 2024. The Impact of Twitter on Digital Diplomacy in the Context of International Media. *Digital Diplomacy in the OSCE Region: From Theory to Practice*. Cham: Springer Nature Switzerland. P. 89–100. DOI: 10.1007/978-3-031-50966-7_9

Pamment J. 2016a. *British Public Diplomacy and Soft Power: Diplomatic Influence and the Digital Revolution*. Cham: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-319-43240-3

Pamment J. 2016b. Digital Diplomacy as Transmedia Engagement: Aligning Theories of Participatory Culture with International Advocacy Campaigns. *New media & society*. 18(9). P. 2046–2062. DOI: 10.1177/1461444815577792

Park S., Chung D., Park H.W. 2019. Analytical Framework for Evaluating Digital Diplomacy Using Network Analysis and Topic Modeling: Comparing South Korea and Japan. *Information Processing & Management*. 56(4). P. 1468–1483. DOI: 10.1016/j.ipm.2018.10.021

Saxton G.D., Waters R.D. 2014. What do Stakeholders Like on Facebook? Examining Public Reactions to Nonprofit Organizations' Informational, Promotional, and Community-Building Messages. *Journal of public relations research*. 26(3). P. 280–299. DOI: 10.1080/1062726X.2014.908721

Stromer-Galley J., Rossini P., Hemsley J., Bolden S.E., McKernan B. 2021. Political Messaging over Time: A Comparison of US Presidential Candidate Facebook Posts and Tweets in 2016 and 2020. *Social Media+ Society*. 7(4). P. 1–13. DOI: 10.1177/20563051211063465

Bazlutckaia M.M., Sytnik A.N. 2024. Igrovoe prostranstvo "informatsionnogo besporjadka". [The Game Space of "Information Disorder"] Rossiya v globalnoi politike. 22(4). C. 122–136. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-122-136

Lebedeva M.M. 2014. Resursy vliianiia v mirovoi politike [Resources of Influence in World Politics]. *Polis. Political Studies*. №1. P. 99–108. (In Russian).

Lebedeva M.M., Zinovieva E.S. 2023. Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [International Negotiations in the Digital age]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 23(1). P. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156 (In Russian).

Tsvetkova N.A. 2020. Fenomen tsifrovoi diplomatii v mezhdunarodnykh otnosheniakh i metodologiya ego izucheniia [The Digital Diplomacy as a Phenomenon of International Relations: Research Methodology]. *RSUH/RGGU Bulletin. Political Science. History. International Relations Series*. No. 2. P. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47 (In Russian).

Tsvetkova N.A., Sytnik A.N. 2018. Publichnaia diplomatiia v Afganistane, 2002–2018 gg.: vlianie SShA na sotsial'nye seti, politicheskuiu sistemu i universitety [Public Diplomacy in Afghanistan, 2002—2018: Impact of the USA on Social Networks, Political System and Universities]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. International Relations*. 11(4). P. 344–361. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.402 (In Russian).

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. 2022. Traditsionnye politicheskie instituty v usloviakh tsifrovizatsii: riski i perspektivy transformatsii [Traditional Political Institutions in the Context of Digitalization: Risks and Prospects of Transformation]. *Discourse-Pi*. 19(1). P. 84–103. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_84 (In Russian).

Zinovieva E.S. 2013. Tsifrovaia diplomatiia SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlia mezhdunarodnoi bezopasnosti [U.S. Digital diplomacy: opportunities and threats for international security]. *Index bezopasnosti*. 19(1). P. 213–228. (In Russian).

Zinovieva E.S., Tsvetkova N.A., Sidorenko E.L. i dr. 2024. «Tsifra» i iskusstvennyy intellekt na sluzhbe diplomatii: analiticheskij doklad. [Digitization and Artificial Intelligence at the Service of Diplomacy: an Analytical Report]. *Moskovskij gosudarstvennyy institut mezhdunarodnykh otnoshenij (universitet) Ministerstva inostrannykh del Rossijskoj Federacii, Kafedra mirovykh politicheskikh processov*. — Moscow: MGIMO-Universitet. 68 p.

Список литературы на русском языке:

Базлуцкая М.М., Сытник А.Н. 2024. Игровое пространство «информационного беспорядка». *Россия в глобальной политике*. 22(4). С. 122–136. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-4-122-136

Володенков С.В., Федорченко С.Н. 2022. Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации. *Дискурс-Пи*. 19(1). С. 84–103. DOI: 10.17506/18179568_2022_19_1_84

Зиновьева Е.С. 2013. Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности. *Индекс безопасности*. 19(1). С. 213–228.

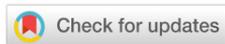
Зиновьева Е.С., Цветкова Н.А., Сидоренко Э.Л. и др. «Цифра» и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад. *Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Кафедра мировых политических процессов*. Москва: МГИМО-Университет. 68 с.

Лебедева М.М. 2014. Ресурсы влияния в мировой политике. *Полис. Политические исследования*. №1. С. 99–108.

Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. 2023. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 23(1). С. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156

Цветкова Н.А. 2020. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения.* №2. С. 37–47. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-2-37-47

Цветкова Н.А., Сытник А.Н. 2018. Публичная дипломатия в Афганистане, 2002-2018 гг.: влияние США на социальные сети, политическую систему и университеты. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения.* 11(4). С. 344–361. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.402

Динамика достижения консенсуса в международных переговорах

И.З. Аронов¹, О.В. Максимова^{2,3}

¹ МГИМО МИД России

² Институт глобального климата и экологии им. Ю.А. Израэля

³ НИТУ МИСИС

Современные международные отношения, основанные на принципах многополярности, предполагают использование консенсуса как ключевого механизма принятия решений, подчёркивающего уважительное отношение к участникам переговоров и учёт мнений всех сторон на равноправной основе. В настоящее время принцип консенсуса лежит в основе деятельности многих международных организаций. Однако, в ряде случаев, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), он всё чаще подвергается критике за низкую эффективность и значительные временные затраты. Это подчёркивает необходимость исследования факторов, влияющих на время, требуемое для достижения консенсуса.

В данной статье с использованием формального математического моделирования на основе доработанной модели ДеГроота исследуется влияние различных факторов, таких как размер группы переговорщиков, уровень авторитарности её членов, доминирование в группе и формирование коалиций, на время достижения консенсуса в переговорном процессе. Результаты исследования показывают, что увеличение размера группы само по себе приводит лишь к незначительному увеличению времени, необходимого для достижения консенсуса, и становится значимым фактором только при высоком уровне авторитарности участников. В то же время наличие авторитарного члена в группе существенно увеличивает время принятия решений даже в малых группах, а формирование коалиций (например, в случае присутствия нескольких абсолютно авторитарных членов) делает консенсус невозможным. Применение правила «консенсус минус k » для выхода из тупиковой ситуации оказывается неэффективным для международных организаций с большим числом участников, имеющих разнородные интересы. В иерархических структурах консенсус достигается путём проведения предварительных переговоров в подгруппах, что дополнительно увеличивает время, необходимое для принятия решения.

Ключевые слова: принятие решений, консенсус, время достижения консенсуса, авторитарность, коалиции, переговоры, немаваши

УДК 316.652.2:327

Поступила в редакцию: 20.06.2022

Принята к публикации: 31.07.2024

Современные международные отношения, построенные на принципах многополярности¹, предполагают использование консенсуса как способа принятия решений, который подчёркивает уважительное отношение к сторонам переговоров, а также учёт мнений всех участников, действующих на равноправной основе. Министр иностранных дел России С.В. Лавров на международном форуме «Примаковские чтения» отметил, что современная многосторонняя дипломатия, при которой государства, представляющие разные регионы, культуры, религии, эффективно развивают связи в различных сферах деятельности, основывается «на принципах равенства, взаимного уважения, формирования баланса интересов через консенсус»².

Принцип консенсуса часто встречается в истории международных отношений и весьма широко распространён сегодня. Так, на нём основывался сложившийся в Европе после Наполеоновских войн «Европейский концерт»: его функционирование основывалось на достижении согласия всех великих держав эпохи (России, Австрии, Пруссии, Франции, Великобритании), что требовало высокого уровня сотрудничества между ними (Романова 2016), Стороны находились в постоянном контакте, детально выясняли позиции друг друга, долго их согласовывали, шли на компромиссы, чтобы в конечном счёте прийти к взаимоприемлемому решению (Slantchev 2005). Сегодня консенсус является популярным способом принятия решений в международных организациях: согласно исследованию Э. Гулда, в 107 из 219 рассмотренных им международных организаций решения принимаются консенсусом (Gould 2016).

Основные преимущества и недостатки консенсуса во многом самоочевидны: он обеспечивает учёт интересов всех сторон, однако может полностью заблокировать принятие решения в случае фундаментальной несовместимости этих интересов. Блокировка такого рода может иметь разрушительные последствия для политической структуры, примером чего является судьба Речи Посполитой, где с 1652 г. любой член Сейма имел право блокировать решение в форме *liberum veto* (свободного права вето) (Jedruch 1998). Со временем это переросло в такую форму, когда любой член Сейма мог в одностороннем порядке принудительно завершить текущую сессию и аннулировать любой ранее принятый закон этой сессии. Из-за чрезмерного использования права вето центральная власть в государстве оказалась ослаблена, что способствовало прекращению его существования в 1795 г. (Барахвостов 2021).

¹ Ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе специальной сессии большой дискуссионной программы МГИМО, совмещённой с VII Глобальным форумом молодых дипломатов: «Россия и её роль в формировании многополярного мира», Сочи, 4 марта 2024 г. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 2024. 04 марта. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1936760/ (дата обращения: 20.08.2024).

² Лавров С.В. Выступление на международном форуме «Примаковские чтения». *Российский совет по международным делам*. 2023. 28 ноября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vystuplenie-na-mezhdunarodnom-forume-primakovskie-chteniya2023/> (дата обращения: 20.08.2024).

Показательными в отношении сильных и слабых сторон консенсуса являются дискуссии о механизмах принятия решений в ОБСЕ и ВТО. В случае ОБСЕ, с одной стороны, с 1970-х гг. принцип консенсуса считается важным механизмом обеспечения равенства между странами и легитимного характера принимаемых ими решений, однако в последнее время всё чаще поднимается проблема злоупотребления правом вето³. В ВТО принятие решений консенсусом также является одним из основополагающих принципов (Footer 1997), что соответствующим образом закреплено Марракешским соглашением⁴. Однако этот принцип одновременно и тормозит развитие мировой торговой системы (Портанский 2021). В частности, еврокомиссар по торговле Паскаль Лами приписал неудачу переговоров в Сиэтле и Канкуне «средневековому» процессу принятия решений в ВТО (Zampetti, Low, Mavroidis 2021).

Впрочем, даже кажущиеся несовместимыми интересы потенциально могут быть согласованы при наличии достаточного времени – неслучайно применительно к той же ВТО выше говорится именно о «торможении», но не о полном крахе процесса. Радикально несовместимые интересы – явление всё же не самое частое. Однако столь же редким в международной политике является и безграничный ресурс времени. Таким образом, одним из ключевых вопросов при обсуждении преимуществ и недостатков принципа консенсуса оказывается следующий: какое время будет достаточным? Иначе говоря: *насколько сильно* возрастает время принятия решений при необходимости достижения консенсуса? И от чего это зависит?

Рассмотрим исследования, в которых анализировались факторы, влияющие на скорость принятия решений. В работе В. Чарныш, П. Ллойд и Б. Симмонс рассматривается процесс формирования консенсуса в международном сообществе по проблеме торговли людьми. Авторы приходят к выводу, что формирование консенсуса в данном случае происходило через балансировку интересов посредством увязывания проблем, а не как результат убеждения. При этом они отмечают, что скорость достижения консенсуса зависит от «фрейминга» проблемы (Charnysh, Lloyd, Simmons 2015). В исследовании Н.Ю. Кавешникова и А.О. Доманова анализируется скорость принятия директив вторичного права ЕС и показывается, что расширение состава ЕС не обязательно приводит к замедлению законодательного процесса (это происходило лишь после расширения 1995 г.), тогда как основными факторами увеличения времени рассмотрения законопроектов оказываются степень сложности и новизны документа (Кавешников, Доманов 2022). Аналогичные выводы содержатся и в работе А.Н. Цибулиной и Н.Ю. Кавешникова о скорости законотворческого процесса при принятии

³ В ОБСЕ обсуждена возможность внедрения «консенсус минус один» и «консенсус минус два». 2021. *Аравот*. 15 марта. URL: <https://ru.aravot.am/2021/03/15/352329/> (дата обращения: 20.08.2024)

⁴ Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Apr. 15, 1994, 1867 UNTS 154, n. 1.

директив ЕС по вопросам Единого внутреннего рынка (Цибулина, Кавешников 2022). С. Кудиш, С. Коэн-Чен и Е. Халперин в своей статье показывают, что на время переговоров влияет уникальность конфликта (Kudish, Cohen-Chen, Halperin 2015). Вместе с тем содержательные аспекты требующей решения проблемы – её уникальные черты, сложность и новизна – плохо поддаются обобщению, в связи с чем мы предлагаем сделать акцент на более формальных параметрах процессов достижения консенсуса.

Так, в статье Ф. Хэге исследуется достижение консенсуса на основе анализа динамики коалиций государств-членов в Совете ЕС. С использованием агентного моделирования показано, что основным механизмом, позволившим сначала сократить число коалиций (с восьми до трёх), а затем и обеспечить консенсус, являются взаимные уступки (Häge 2013). Здесь необходимо отметить, что процессы принятия решений в результате переговоров между противоборствующими коалициями анализировались во множестве работ (Riker 1962; Kerr 1989; Hüffmeier, Freund, Zerres et al. 2011), как и отдельно роль уступок (Lawler, Ford, Large 1999; Kwon, Weingart 2004). Однако факторы, влияющие на время переговорного процесса, в них не анализировались.

Вопросы достижения консенсуса в иерархических системах, например, в правительственных структурах, рассматривались в работе Н.Ю. Кавешникова, в которой показано, что решение проблемы разногласий в институтах ЕС связано с «организацией перед заседанием согласительного комитета так называемых триалогов – неформальных встреч ключевых представителей всех трёх институтов» (Кавешников 2021: 137). Сходным образом, на основе подхода, который называется *немаваши* (根回し), обеспечивается консенсус в японском бизнес-сообществе, партийных и правительственных структурах (Sagi 2015). В Нидерландах была предложена польдерная модель консенсуса, предусматривающая последовательные консультации заинтересованных сторон (Noorderhaven, Benders, Keizer 2007). При анализе скорости принятия решений в рамках *немаваши* и польдерной модели отмечается затяжной характер сближения позиций сторон.

Обзор существующих исследований позволяет, таким образом, выявить следующие формальные факторы, которые, как предполагается, будут влиять на скорость достижения консенсуса: количество участников процесса принятия решений, наличие/отсутствие конкурирующих коалиций и их количество, степень иерархичности процесса. В качестве прокси-показателя, отражающего глубину разногласий, мы добавляем ещё один фактор – авторитарность переговорщиков, которая операционализируется как степень их приверженности исходной позиции в неизменном виде. Дополнительный интерес представляет степень ускорения процесса принятия решений при возрастании числа сторон переговоров, лишённых права вето.

Мы исследуем влияние этих факторов на время достижения консенсуса посредством формального математического моделирования на основе модели ДеГроота (DeGroot 1974), модифицированной нами в целях учёта исследуемых факторов (Аронов, Максимова 2021, 2022; Zazjigalkin, Aronov, Maksimova et al. 2019).

Работа состоит из шести частей, включая введение. В следующей части представлено описание модели ДеГроота и факторов, влияющих на время достижения консенсуса, учитываемых в исследовании. В третьей части обсуждается влияние размера группы переговорщиков и авторитарности её членов на время достижения консенсуса. Четвёртая часть работы посвящена исследованию времени достижения консенсуса в условиях доминирования и образования коалиций. В пятой части рассмотрены кейсы обеспечения консенсуса в иерархических структурах с точки зрения скорости принятия решений. Наконец, в шестой части исследуется время достижения консенсуса в условиях применения принципа «консенсус минус k » для устранения блокировки решения.

Модель ДеГроота и факторы, влияющие на время достижения консенсуса

Достижение консенсуса требует времени, которое может быть дорогостоящим ресурсом в переговорах. Именно поэтому в настоящей работе акцент сделан на исследовании факторов, влияющих на скорость достижения консенсуса в рамках переговорного процесса: численность группы переговорщиков, авторитарность её членов и конфигурация группы. Перечисленные параметры характеризуют в большей мере группу переговорщиков, участвующих в дискуссии, но не предмет обсуждения.

Под авторитарностью в настоящем исследовании понимается социально-психологическая характеристика людей, отражающая стремление максимально подчинить партнёров по взаимодействию и общению собственному влиянию. Различия в авторитарности влияют не только на скорость достижения согласия, но и на учёт мнений при принятии окончательного решения (Gavrilets, Auerbach, vanVugt 2016). Под конфигурацией группы понимается формирование в ней структур, которые могут влиять на скорость процесса принятия решения или вовсе его заблокировать: коалиции и доминирование участника переговоров.

Опишем коротко процесс достижения консенсуса в рамках модели ДеГроота. Пусть группа переговорщиков состоит из n членов, каждый из которых формулирует своё начальное мнение. Совокупное начальное мнение группы описывается вектором $S(0) = (S_{01}, S_{02}, \dots, S_{0n})$, где S_{0i} – начальное мнение i -го члена группы, $i = 1, \dots, n$. В процессе дискуссий переговорщики обмениваются мнениями относительно вектора $S(0)$.

Пусть p_{ij} ($0 < p_{ij} < 1$) ($i = 1, \dots, n$; $j = 1, \dots, n$) – это вероятность доверия i -го члена группы к мнению j -го. При этом i -й переговорщик доверяет себе в отношении рассматриваемого вопроса с определённой вероятностью $0 < p_{ii} < 1$.

Полученная матрица доверия $\mathbf{P} = (p_{ij})_{n \times n}$ является стохастической (сумма значений p_{ij} в каждой строке матрицы равна единице). На первом шаге согласования мнений получаем вектор $\mathbf{S}^T(1) = \mathbf{P} \cdot \mathbf{S}^T(0) = (S_{11}, S_{12}, \dots, S_{1n})^T$, а после k шагов

$$\mathbf{S}^T(k) = (S_{k1}, S_{k2}, \dots, S_{kn})^T = \mathbf{P} \cdot \mathbf{S}^T(k-1) = \mathbf{P}^k \cdot \mathbf{S}^T(0).$$

Процесс завершается на m -ом шаге, когда все строки матрицы \mathbf{P}^m становятся одинаковыми, т. е. достигнут консенсус. Значение m рассматривают как условное время до достижения консенсуса. При этом значения p_{ii} можно интерпретировать как уровень авторитарности i -го члена группы переговорщиков. Чем ближе значение p_{ii} к 1, тем выше уровень авторитарности переговорщика, чем ближе значение p_{ii} 0, тем менее уверенным в себе является член группы.

Авторитарным в модели будем считать переговорщика, чей уровень авторитарности $p_{ii} > 0,7$, лояльным – эксперта, для которого уровень авторитарности $p_{ii} < 0,2$. Доминирование – это конфигурация группы при наличии переговорщика (переговорщиков) с абсолютным уровнем авторитарности: $p_{ii} = 1$.

Варьируя значения n и p_{ii} для различных конфигураций, можно исследовать их влияние на условное время m достижения консенсуса.

Влияние размера группы и авторитарности членов группы на время достижения консенсуса

Размер группы традиционно считается одним из определяющих факторов не только времени на достижение консенсуса, но и в целом применимости данного принципа. Интересную иллюстрацию этому мы находим в практиках квакеров, которые существенно повлияли на развитие современного принципа консенсуса: «Квакерский метод [т. е., консенсус. – И.А. и О.М.] лучше работает в малых группах, чем в больших <...> поэтому, если Ежемесячное собрание разрастается, оно должно разделиться» [Brinton 1964: 110]. Социальные психологи отмечают, что небольшие группы более склонны к сотрудничеству, чем более крупные, а также лучше используют имеющиеся у них ресурсы. Кроме того, по мере увеличения числа членов группы поведение каждого человека становится менее идентифицируемым, что усложняет координацию усилий отдельных лиц (Kerr 1989).

Используя математическую модель консенсуса, описанную выше, получаем, что с ростом числа переговорщиков наблюдается логарифмический рост времени достижения консенсуса (рис.1), значительно зависящий, однако, от авторитарности переговорщиков. Для групп из пяти и более нелояльных переговорщиков с увеличением их авторитарности (при фиксированном числе участников) растёт число m , характеризующее время достижения консенсуса (рис. 1). При этом в случае невысокой авторитарности переговорщиков ($p < 0,7$) влияние

роста численности группы на скорость достижения консенсуса уменьшается. Исследование группы австрийских физиков (Klimek, Hanel, Thurner 2009) с использованием других принципов моделирования в целом подтверждает эти выводы.

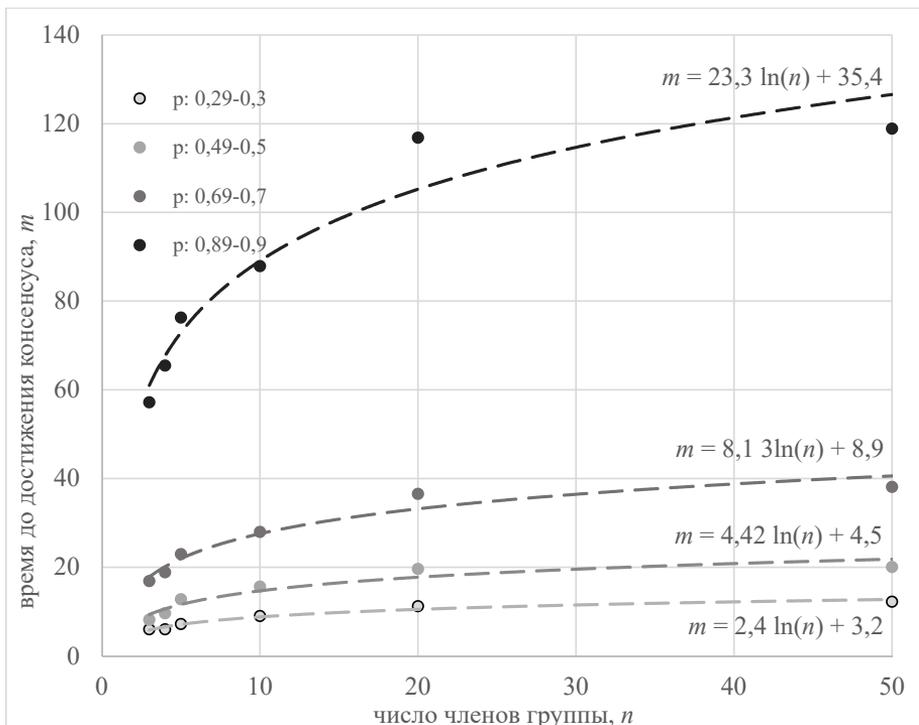

Рисунок 1. Зависимость времени достижения консенсуса (m) от числа переговорщиков (n) для разных значений авторитарности (p).

Figure 1. Time to reaching consensus (m) dependency on the number of negotiators (n) for different values of authoritativeness (p).

Источник: составлено авторами.

Результаты проведенного моделирования позволяют осуществить прогноз времени m до консенсуса, используя регрессионные зависимости величины m от размера группы и авторитарности p переговорщиков. Например, для $n = 166$ (число членов ВТО) и $p = 0,9$ (высокая авторитарность членов) получаем, что время до консенсуса $m = 155$, что более чем в 10 раз превышает время до консенсуса для $p = 0,3$.

Эти результаты показывают, что не вполне корректно объяснять кризис консенсусного механизма принятия решений в ВТО ростом числа членов самим по себе, как это часто делается (см., например: Zampetti, Low, Mavroidis 2021; Onuoha, Nnubia 2023). Ключевая проблема заключается в высокой степени разнородности интересов (например, по линии Север – Юг), что обуславливает неготовность стран отходить от своих исходных позиций.

Обращает на себя внимание ещё один важный для переговорного процесса результат: с ростом числа переговорщиков и увеличением их авторитарности в среднем увеличивается разброс в отношении среднего времени достижения консенсуса.

Доминирование и образование коалиций в переговорах

Тупик в переговорах образуется в ситуации, когда стороны, участвующие в дискуссии, не готовы услышать друг друга, формируя тем самым коалиции *ad hoc*, которые препятствуют достижению консенсуса.

Моделирование в рамках математической модели ДеГроота показывает, что достаточно наличия двух доминирующих переговорщиков в группе, чтобы консенсус стал недостижим. Участие в переговорах только одного доминирующего члена может приводить к консенсусу при больших затратах времени по сравнению со случаем отсутствия доминирующего переговорщика (в некоторых ситуациях почти в 10 раз). Причём этот консенсус окажется односторонним, негармоничным, учитывающим мнение только доминирующего переговорщика (Wiltermuth, Tiedens, Neale 2015).

Имеется несколько способов достижения консенсуса в условиях коалиций: подключение модератора (посредника), который будет обеспечивать снятие конфликта; замена членов коалиции/коалиций; односторонние уступки одной коалиции другой.

Примером привлечения модератора для обеспечения консенсуса в дискуссиях служит кейс переговоров между США и Южной Кореей в 1987–1995 гг., где с каждой стороны в переговорах участвовало по одному модератору (Suh, Чое 2010). В свою очередь, примером замены состава переговорщиков могут служить переговоры в рамках Рабочей группы международных экспертов ISO (Международной организации по стандартизации) по разработке международного стандарта, устанавливающего требования к органам по сертификации продукции и услуг взамен действующего на тот момент Руководства⁵. Рабочая группа была сформирована в 2008 г., однако в течение нескольких лет ввиду разногласий, обусловленных наличием коалиций в группе, стандарт не был разработан. Для выхода из этой ситуации ISO сменила состав Рабочей группы, что позволило обеспечить консенсус в группе относительно требований стандарта и оперативно принять его в 2012 г.⁶ Кейсы международных переговоров с уступками одной из сторон рассматривались в диссертации М.М. Лебедевой⁷

⁵ ISO/IEC Guide 65:1996. General requirements for bodies operating product certification systems

⁶ ISO/IEC 17065:2012. Conformity assessment — Requirements for bodies certifying products, processes and services.

⁷ Лебедева М.М. 1993. *Процесс международных переговоров*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора политических наук. Москва: МГИМО (У). URL: <https://mgimo.ru/library/publications/148218> (дата обращения: 05.08.2024).

(Лебедева 1993). Моделирование показывает, что при наличии в группе из 20 переговорщиков двух коалиций на скорость достижения консенсуса при односторонней уступке в основном влияют авторитарность переговорщиков и размер уступки (цессии), при этом не важно, какая коалиция делает уступку, большая по размеру или меньшая.

Консенсус в иерархических структурах

Ранее речь шла о достижении консенсуса в однородной среде (эксперты, дипломаты и др.), в настоящем разделе обсуждается процесс обеспечения консенсуса в сложной иерархической системе. Есть несколько подходов к формированию консенсуса в иерархических структурах, среди которых особенную известность приобрели японская модель *немаваши* и польдерная модель переговоров в Нидерландах.

Слово *немаваши* (根回し) буквально означает окапывание корней растения перед его посадкой в новую почву. Этот подход применяется при организации группового решения, для принятия которого требуются предварительные консультации (Sagi 2015). Фактически *немаваши* – это итерационный процесс согласования решений, предполагающий неформальное обсуждение проекта решения со всеми заинтересованными сторонами, особенно с теми руководителями, которые потом будут участвовать в официальном принятии решения. Это позволяет заранее выявить потенциальные проблемы и противоречия, которые могут возникнуть при официальном принятии решения.

Как отмечается в некоторых работах, посвящённых исследованию принципа *немаваши*, конкретные формы взаимодействия могут быть разными: руководитель проекта встречается с экспертами и заинтересованными лицами «один на один»; проводятся встречи в малых группах; руководитель инициатора обсуждает идею (проект) с руководителем, с которым сам инициатор не может связаться; предварительные встречи с более широким кругом лиц проводятся до официального итогового совещания, на котором принимаются решения (Haghirian 2016; Kameda 2014).

Влияние *немаваши* на стиль японских дипломатических переговоров отмечал, в частности, немецкий дипломат В. Болевски. Посредством неофициальных консультаций японская сторона готовит переговоры и кропотливо пытается учесть позиции участников, что, среди прочего, приводит к замедлению переговорного процесса в целом (Bolewski 2008). На ту же проблему указывал и Японский дипломат Ютака Кавашима, подчёркивавший, что японская культура переговоров, ориентированная на консенсус, представляет собой проблему в ситуации, когда решения необходимо принимать быстро (Kawashima 2003).

Оценим, насколько может затянуться переговорный процесс в рамках *немаваши* в сильно иерархической структуре. Моделирование показывает, что обычный (неиерархический) переговорный процесс для переговорщиков

со средней авторитарностью $p = 0,5$ для группы из 20 членов занимает 19 итераций. *Немаваши* предполагает обсуждение на каждом уровне иерархии в малых группах, например, из пяти человек. Допустим, что в типичной иерархической структуре число уровней (звеньев) варьирует от четырёх до двенадцати. Если на каждом уровне обсуждение проходит по одному разу, то минимальное суммарное время до консенсуса составит 72 итерации, а максимальное время – 216 итераций. Следовательно, *немаваши* действительно сказывается на времени до достижения консенсуса, увеличивая его в 3,5–11 раз по сравнению со временем достижения консенсуса в обычном переговорном процессе. Причём это нижняя оценка, поскольку в действительности на каждом уровне иерархии обсуждение может проходить и более одного раза.

Право вето и принцип «консенсус минус k »

Из-за связанных с консенсусом временных затрат естественным образом возникают предложения ограничить всеобъемлющий характер этого принципа. Одним из таких предложений, которое обсуждалось, в частности, в рамках ОБСЕ, являются так называемые процедуры «консенсус минус один» и «консенсус минус два»⁸. Суть их в том, что для выхода из тупика, который образуется, когда один или несколько членов группы препятствуют принятию решения, воспользовавшись правом вето, предлагается игнорировать мнение таких участников переговоров.

Так, К. Румисон полагает, что позиция переговорщиков, которые блокируют возможное консенсусное решение, неконструктивна и связана с желанием затянуть согласование или же вовсе препятствовать ему. Поэтому отказ в учёте мнений таких участников дискуссии не сказывается на качестве группового решения (Rumison 1998). С другой стороны, отказ от принципа всеобъемлющего консенсуса и переход к правилу «консенсус минус k » может быть чреват принятием негармоничного одностороннего решения (Moscovici, Doise 1994). В целом, «блокировка – это констатация серьёзных возражений против решений. С практической точки зрения это признак того, что группе требуется больше времени для достижения консенсуса» (Avery et al. 1981: 29). Но на сколько именно можно сократить время принятия решения за счёт подхода «консенсус минус k »?

С помощью моделирования исследовалась степень сокращения времени до достижения консенсуса при условии, что позиции некоторого числа переговорщиков не учитывались. Исходная группа при моделировании включала двадцать членов. Анализировалось время достижения консенсуса по принципу «консенсус минус 1, 2, ..., 10».

⁸ В ОБСЕ обсуждена возможность внедрения «консенсус минус один» и «консенсус минус два». *Аравот*. 2021. 15 марта. URL: <https://ru.aravot.am/2021/03/15/352329/> (дата обращения: 20.08.2024)

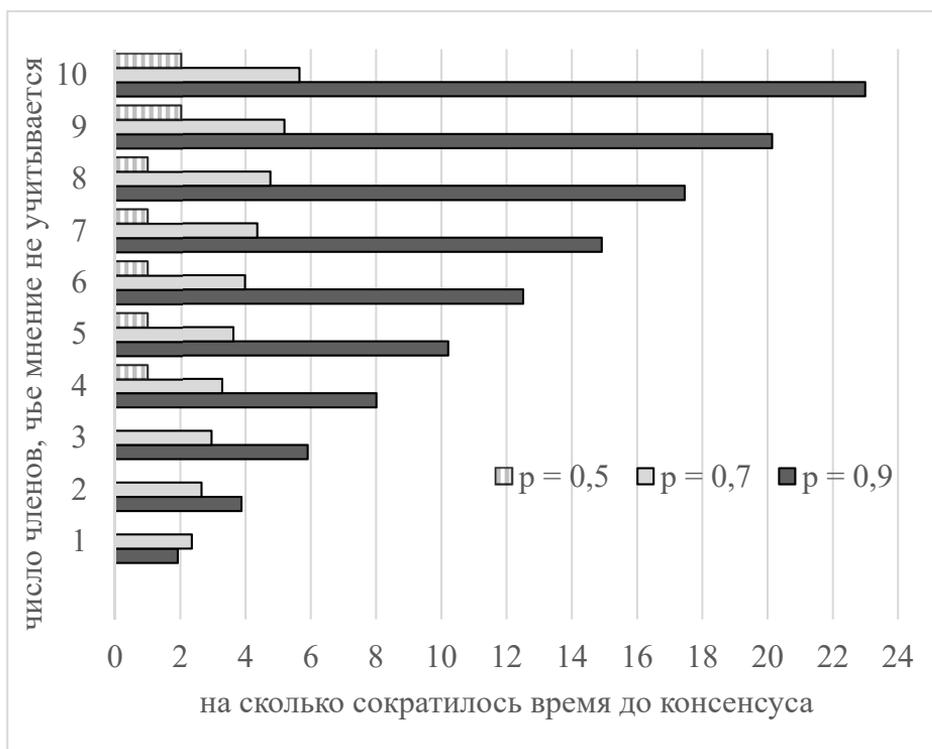

Рисунок 2. Сокращение числа согласований в модели «консенсус минус k » для группы, состоящей из 20 членов с авторитарностью p

Figure 2. Reducing the number of approvals in the model “consensus minus k ” for a group of 20 with authoritarianism p

Источник: составлено авторами.

Результаты моделирования представлены на рис. 2, где видно, что значительное (более чем на 60%) сокращение времени принятия решения при использовании правила «консенсус минус k » характерно только для группы с авторитарными членами ($p = 0,9$). Тогда как для группы с переговорщиками, готовыми к изменению своей позиции ($p = 0,5$), даже при лишении права вето половины группы время принятия решения сократится всего на 2%.

В свою очередь, для правил «консенсус минус один» и «консенсус минус два» – в отношении которых обычно и обсуждается возможность практического использования (поскольку игнорирование позиции большего числа сторон уже означает скорее переход к квалифицированному большинству, чем точечную модификацию консенсуса) – сокращение временных затрат оказывается незначительным (не более 4%) при любом уровне авторитарности переговорщиков.

Вместе с тем рис. 2 иллюстрирует только ситуации, где авторитарность участников группы однородна. Действительно, для группы из авторитарных переговорщиков сокращение времени до достижения консенсуса при исключении одного авторитарного члена незначительно (110 против 112). Однако

в случае, когда оставшиеся члены группы не авторитарны, время до достижения консенсуса снижается почти в 4 раза без учёта мнения авторитарного члена (см. табл. 1).

Таблица 1. Сравнение времени до достижения консенсуса при исключении авторитарного члена группы ($p = 0,9$)

Table 1. Comparison of time to consensus in case of authoritative ($p = 0,9$) member's exclusion

Авторитарность группы без учёта исключённого члена	Среднее время до достижения консенсуса	
	Полная группа	Без учёта мнения исключённого члена: консенсус минус 1
0,9	112	110
0,5	46	12

Источник: составлено авторами

Таким образом, для больших групп переговорщиков с высоким уровнем разнородности интересов, как в ВТО или ОБСЕ, значимое увеличение скорости принятия решений возможно только при исключении мнения большого числа переговорщиков. Однако это де-факто будет означать отказ от принципа консенсуса, какое бы название ни использовалось для нового правила.

Вместе с тем время принятия решения в большой группе может быть эффективно сокращено и без жертвования принципом консенсуса – при формировании устойчивых коалиций в международных организациях для ведения последующих переговоров между коалициями⁹. Результаты моделирования показывают, что если, например, 100 членов международной организации объединить в 10 коалиций, представители которых будут участвовать в дискуссиях, то время достижения консенсуса можно сократить более чем в два раза.

Заключение

Достижение консенсуса требует большего времени для принятия решений, нежели голосование. Как было показано, на время достижения консенсуса влияют такие факторы, как размер группы переговорщиков, авторитарность членов группы (которая в международных отношениях может быть как следствием личных психологических особенностей, так и объективного расхождения интересов между странами), а также конфигурация группы (структура коалиций и степень иерархичности). По результатам проведённых авторами моделирования можно составить таблицу особенностей получаемого консенсусного решения в зависимости от характеристики группы (табл. 2).

⁹ Табаровская М.А. *Коалиции как инструмент экономической дипломатии в рамках Всемирной торговой организации*. Автореферат диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук. 2017. Санкт-Петербург. 24 с.

Таблица 2. Особенности консенсусного решения в зависимости от состава группы
Table2. Features of consensus decision depending on the group's composition

Характеристика группы	Консенсусное решение	Особенность консенсусного решения
Авторитарные члены с противоположными мнениями	Существенно отличается от первоначального	С перевесом мнений наиболее авторитарных членов первоначальное мнение подвержено изменениям
Лояльные эксперты с противоположными мнениями	Существенно отличается от первоначального	Вклад равный, первоначальное мнение подвержено изменениям
Авторитарные члены с отсутствием противоположных мнений	Несущественно отличается от первоначального	С перевесом мнений наиболее авторитарных членов первоначальное мнение почти не подвержено изменениям
Лояльные эксперты со схожими мнениями	Несущественно отличается от первоначального	Вклад равный, первоначальное мнение почти не подвержено изменениям

Источник: составлено авторами.

Наличие авторитарного члена в группе значительно увеличивает время обсуждения, а формирование устойчивых коалиций (например, из-за присутствия нескольких доминирующих членов) делает консенсусное решение невозможным. Использование принципа консенсуса при принятии решений в международных структурах даёт возможность быть услышанным малым и средним государствам, которые оказываются равноправными партнёрами при формировании общего решения с великими державами.

Результаты моделирования консенсуса позволяют получить следующие выводы относительно достижения консенсуса в группах переговорщиков: а) наличие абсолютно авторитарного члена в группе приводит к консенсусу низкого качества, поскольку решение – если его в принципе удаётся принять – опирается на позицию этого члена группы; б) с ростом числа нелояльных членов группы время до консенсуса увеличивается; в) наличие коалиций в переговорах препятствует достижению консенсуса, однако уступка одной из коалиций делает консенсус возможным; г) применение принципа *немаваши* для обеспечения консенсуса в иерархической структуре значительно увеличивает время до достижения консенсуса; д) переход к принятию решений по правилу «консенсус минус k» в международных организациях с большим числом участников обычно не является эффективной процедурой, т. к. не позволяет ни существенно увеличить скорость принятия решений, ни обеспечить гармоничное решение.

Таким образом, предложенная модель может дополнить существующие подходы к анализу консенсусных механизмов принятия решений в международных отношениях, позволяя оценить время до достижения консенсуса в зависимости от характеристик группы переговорщиков.

Об авторах:

Аронов Иосиф Зиновьевич – доктор технических наук, профессор кафедры «Торговое дело и торговое регулирование» Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0003-0251-1958.

E-mail: aronoviz48@gmail.com

Максимова Ольга Владимировна – кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник Института глобального климата и экологии имени академика Ю.А. Израэля, 107258, Москва, ул. Глебовская, д. 20Б; доцент кафедры математики Университета науки и технологий МИСИС.

119049, Москва, Ленинский пр-т, 4. ORCID: 0000-0002-0569-8650

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC 316.652.2:327
Received: June 20, 2022
Accepted: July 31, 2024

Time to Consensus in International Negotiations

 Iosif Z. Aronov¹, Olga V. Maksimova^{2,3}
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-83-100](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-83-100)

¹ MGIMO University

² Yu.A. Izrael Institute of Global Climate and Ecology (IGCE)

³ National University of Science and Technology «MISIS»

Abstract: Contemporary international relations, anchored in the principles of multipolarity, frequently employ consensus-based decision-making, which prioritizes respect for all negotiating parties and ensures that the views of all participants are considered equally. While consensus remains a core mechanism for many international organizations, such as the World Trade Organization (WTO), it has increasingly come under criticism for its inefficiency and substantial time requirements. This highlights the importance of examining the factors that influence the time needed to reach consensus. Utilizing formal mathematical modeling based on a modified DeGroot model, this article explores how variables such as the size of the negotiating group, the level of authoritativeness, dominance dynamics within the group, and coalition formation affect the time required to achieve consensus. The findings indicate that an increase in group size, on its own, results in only a minor increase in the time needed to reach consensus, becoming a significant factor only when paired with high levels of authoritativeness among the participants. Conversely, the presence of a highly authoritative member within a negotiating group significantly prolongs decision-making time, even in smaller groups, and the formation of coalitions (e.g., due to multiple highly authoritative members) can make reaching consensus impossible. The "consensus minus k" rule, intended to break deadlocks, is found to be ineffective for international organizations with numerous

participants and divergent interests. In hierarchical structures, consensus is typically achieved through preliminary negotiations within subgroups, which further prolongs the consensus-building process.

Keywords: decision-making, consensus, time to reach consensus, authoritative, negotiation, coalitions, nemawashi

About the authors:

Iosif Z. Aronov – Doctor of Technical Sciences, Professor, Department “Trade and Trade Regulation”, MGIMO University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0003-0251-1958. E-mail: aronoviz48@gmail.com

Olga V. Maksimova – Ph.D. in Technical Sciences, Leading Research Fellow, Y.A. Izrael Institute of Global Climate and Ecology, 20B Glebovskaya Str., Moscow, Russia, 107058; Associate Professor, Department of Mathematics, National University of Science and Technology «MISIS». 4 Leninsky Pr., Moscow, Russia, 119049. ORCID: 0000-0002-0569-8650

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Avery M., Auvine B., Streibel B., Weiss L. 1981. *Building United Judgment: A handbook for consensus decision making*. Madison: The Center for Conflict Resolution. 124 p.

Brinton H.H. 1964. *Friends for 300 Years*. Philadelphia, Pennsylvania: Pendle Hill Publications. 240 p.

Bolewski W. 2008 Diplomatic Processes and Cultural Variations: The Relevance of Culture in Diplomacy. *The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. (Winter/Spring). P. 145–160.

Charnysh V., Lloyd P., Simmons B.A. 2015. Frames and Consensus Formation in International Relations: The Case of Trafficking in Persons. *European Journal of International Relations*. 21(2). P. 323–351.

DeGroot M.H. 1974. Reaching a Consensus. *Journal of the American Statistical Association*. 69(345). P. 118–121.

Gavrilets S., Auerbach J., van Vugt M. 2016. Convergence to Consensus in Heterogeneous Groups and the Emergence of Informal Leadership. *Scientific Reports*. № 6. DOI: 10.1038/srep29704

Footer M.E. 1997. The Role of Consensus in GATT/WTO Decision-Making. *Northwestern Journal of International Law & Business*. 17(1). P. 653–680.

Gould E. R. 2016. What Consensus?: Explaining the Rise of Consensus Decision-Making in International Organizations. *10-th Annual Conference on Political Economy of International Organizations*. Bern. February 12–14. URL: <https://www.peio.me/wp-content/uploads/2016/12/Gould-PEIO-2.2.pdf> (accessed: 03.08.2024)

Haghirian P. 2016. *Routledge Handbook of Japanese Business and Management*. New York: Taylor&Francis. 403 p.

Häge F.M. 2013. Coalition Building and Consensus in the Council of the European Union. *British Journal of Political Science*. 43(3). P. 481–504. DOI: 10.1017/S0007123412000439.

Hüffmeier J., Freund P.A., Zerres A., Backhaus K., Hertel G. 2011. Being Tough or Being Nice? A Meta-Analysis on the Impact of Hard- and Softline Strategies in Distributive Negotiations. *Journal of management*. 40(3). P. 866–892.

- Jedruch J. 1998. *Constitutions, Elections, and Legislatures of Poland, 1493–1993: A Guide to Their History*. New York: Hippocrene Books. 487 p.
- Kameda N. 2014. Japanese Business Discourse of Oneness: A Personal Perspective. *International Journal of Business Communication*. 51(1). P. 93–113.
- Kawashima Yu. 2003. *Japanese Foreign Policy at the Crossroads: Challenges and Options for the Twenty-First Century*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press. 163 p.
- Kerr N. 1989. Illusions of Efficacy: The Effects of Group Size on Perceived Efficacy in Social Dilemmas. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 25. P. 287–313.
- Klimek P., Hanel R., Thurner S. 2009. To How Many Politicians Should Government be Left? *Physica A: Statistical Mechanisms and its Applications*. 388(18). P. 3939–3947.
- Kudish S., Cohen-Chen S., Halperin E. 2015. Increasing Support for Concession-Making in Intractable Conflicts: The Role of Conflict Uniqueness. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 21(2). P. 248–263.
- Lawler E.J., Ford R., Large M.D. 1999. Unilateral Initiatives as a Conflict Resolution Strategy. *Social Psychology Quarterly*. 62(3). P. 240–256.
- Moscovici S., Doise W. 1994. *Conflict and Consensus: A General Theory of Collective Decisions*. Thousand Oaks: SAGE Publications. 224 p.
- Noorderhaven N.G., Benders, J.G.J.M., Keizer A.B. 2007. Comprehensiveness versus Pragmatism; Consensus at the Japanese–Dutch Interface. *Journal of management studies*. 44(8). P. 1349–1370.
- Onuoha A., Nnubia O.C. 2023. The Consensus Principle of the World Trade Organization and the Interests of Developing Countries: A Legal Evaluation. *Achievers University Law Journal*. 3(2). P. 175–193.
- Riker W. 1962. *The Theory of Political Coalitions*. New Haven, London: Yale University press. 300 p.
- Rumison K.C. 1998. Unanimity as a Rule for Group Consensus: a Review of the Theoretical and Experimental Literature on the Use of Unanimity in Group Decision Making. *Modern Psychological Studies*. 6(1). P. 9–24.
- Sagi S. 2015. “Nemawashi” A Technique to Gain Consensus in Japanese Management Systems: An Overview. *International Journal of Arts, Humanities and Management Studies*. 1(4). P. 23–27.
- Kwon S., Weingart L.R. 2004. Unilateral Concessions from the Other Party: Concession Behavior, Attributions, and Negotiation Judgments. *Journal of Applied Psychology*. 89(2). P. 263–278.
- Slantchev B.L. 2005. Territory and Commitment: The Concert of Europe as Self-Enforcing Equilibrium. *Security Studies*. 14(4). P. 565–606. DOI: 10.1080/09636410500468792.
- Suh Y., Choe Y.-Y.A. 2010. Negotiators as Mediators: The Case of 1987–1995 Korea–United States Bilateral Trade Negotiations. *Negotiation Journal*. 26(4). P. 435–452. DOI: 10.1111/j.1571-9979.2010.00283.x
- Wiltermuth S., Tiedens L.Z., Neale M. 2015. The Benefits of Dominance Complementarity in Negotiations, *Negotiation and Conflict Management Research*. 8(3). 194–209.
- Zampetti A.B., Low P., Mavroidis P.C. 2021. Consensus Decision-Making and Legislative Inertia at the WTO: Can International Law Help? *World Trade*. 56(1). P. 1–26.
- Zazhigalkin A.V., Aronov I.Z., Maksimova O.V., Papic L. 2019. Control of Consensus Convergence in Technical Committees of Standardization on the Basis of Regular Markov Chains Model. *International Journal of Systems Assurance Engineering and Management*. 10(S1). P. 29–36. DOI: 10.1007/s13198-019-00765-1

Aronov I.Z., Maksimova O.V. 2021. Modelirovaniye dostizheniya konsensusa v usloviyakh dominirovaniya v sotsial'noy gruppe [Modeling the Achievement of Consensus under Conditions of Dominance in a Social Group]. *Computer Research and Modeling*. 13(5). P. 161–171. (In Russian) DOI: 10.20537/2076-7633-2021-13-5-1067-1078

Aronov I.Z., Maksimova O.V. 2022. Matematicheskaya model' konsensusa v sotsial'noy gruppe pri nalichii lidera i rukovoditelya [Institutional Analysis of the Integration of Rzeczpospolita Lands into the Russian and Austrian Empires]. *Informatsionno-ekonomicheskiye aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniya*. 2(66). P. 12–21. (In Russian)

Barakhvostov P.A. 2021. Institutsional'nyye osobennosti integratsii zemel' Rechi Pospolitoy v sostav Rossiyskoy i Avstriyskoy imperiy [Institutional features of the integration of the lands of the Commonwealth into the Russian and Austrian empires]. *MGIMO Review of International Relations*. 14 (4). P.51-69. (In Russian).

Gilboa I. 2022. *Kak printyat' nailuchsheye reshenie? Teoriya prinyatiya resheniy [How to Make the Best Decision? Decision-Making Theory]*/ Moscow: Izdatel'skidom «Delo». 286 p. (In Russian).

Kaveshnikov N.Yu. 2021. Obychnayazakonodatel'nayaprotsedura v YES kak primer kooperativnykhpraktik [The Ordinary Legislative Procedure in the EU as an Example of Cooperative Practices]. *MGIMO Review of International Relations*. 14(1). P. 126–147. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147

Kaveshnikov N.Yu., Domanov A.O. 2022. Skorost' zakonodatel'nogo protsessa v Evropeyskom Soyuze [Factors behind Legislative Duration in the European Union]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 20(1(68)). P. 80–108. (In Russian) DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.3

Portansky A.P. 2021. *Mirovaya trgovaya systema: vyzovy XXI veka [World Trading System: Challenges of the 21st Century]*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 208 p. (In Russian).

Romanova E.V. 2016. Traktovki «Evropeyskogo koncerta» vbritanskoy i amerikanskoy istoriografii. [The Concept of "The Concert of Europe" in 20th Century British and American Historygraphy]. *MGIMO Review of International Relations*. 1(46). P. 7–17. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2016-1-46-7-17

Tabarovskaya M.A. 2017. *Koalitsii kak instrument ekonomicheskoy diplomatii v ramkakh Vsemirnoy Torgovoy Organizatsii. [Coalitions as a Tool of Economic Diplomacy within the World Trade Organization] Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk*. Saint Petersburg. 24 p. (In Russian)

Tcibulina A.N., Kaveshnikov N.Yu. 2022. Dinamika zakonotvorcheskogo protsessa v oblasti Eдиноgo vnutrennego rynka Evropeyskogo soyuza [Dynamics of the Legislative Process in the Field of the Single Internal Market of the European Union]. *Politicheskaya nauka*. №3. P. 256–275. (In Russian) DOI: 10.31249/poln/2022.03.12

Список литературы на русском языке

Аронов И.З., Максимова О.В. 2021. Моделирование достижения консенсуса в условиях доминирования в социальной группе. *Компьютерные исследования и моделирование*. 13(5). С. 161–171. DOI: 10.20537/2076-7633-2021-13-5-1067-1078.

Аронов И.З., Максимова О.В. 2022. Математическая модель консенсуса в социальной группе при наличии лидера и руководителя. *Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования*. 2(66). С. 12–21.

Барухвостов П.А. 2021. Институциональные особенности интеграции земель Речи Посполитой в состав Российской и Австрийской империй. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(4). С. 51–69. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-4-79-51-69

Гильбоа И. 2022. Как принять наилучшее решение? Теория принятия решений. Москва: Издательский дом «Дело». 286 с.

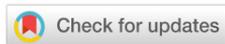
Кавешников Н.Ю. 2021. Обычная законодательная процедура в ЕС как пример кооперативных практик. *Вестник МГИМО-Университета*. 14(1). С.126–147. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-1-76-126-147

Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. 2022. Скорость законодательного процесса в Европейском союзе. *Международные процессы*. 20(1(68)). С. 80–108. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.3

Портанский А.П. 2021. *Мировая торговая система: вызовы XXI века*. Москва: Международные отношения. 208 с.

Романова Е.В. 2016. Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии. *Вестник МГИМО-Университета*. 1(46). С. 7–17. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-1-46-7-17.

Цибулина А.Н., Кавешников Н.Ю. 2022. Динамика законотворческого процесса в области Единого внутреннего рынка Европейского союза. *Политическая наука*. №3. С. 256–275. DOI: 10.31249/poln/2022.03.12

Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН

А.К. Аликберов, В.В. Наумкин

Институт востоковедения Российской академии наук

В статье анализируется практика реализации дипломатии второго трека, практикуемая Институтом востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН) в форме ситуационного анализа, методология которого была разработана академиком Е.М. Примаковым. Этот подход представляет собой эффективный инструмент урегулирования международных конфликтов и укрепления глобальной безопасности, сочетая науку и дипломатию. Особое внимание уделено серии из трёх экспертных дискуссий по Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива, проведённых в ИВ РАН в 2019–2023 гг. Эти дискуссии продемонстрировали способность метода объединять широкий круг экспертов для глубокого междисциплинарного анализа сложных международных ситуаций. Практическая направленность результатов ситуационных анализов делает их полезными как для выработки политических рекомендаций, так и для долгосрочного стратегического планирования. Использование этого метода способствует формированию доверительных отношений между конфликтующими сторонами и созданию устойчивых механизмов международной безопасности. Статья также подчёркивает значение данной практики для развития российской внешнеполитической стратегии и её вклад в междисциплинарное изучение международных отношений.

Ключевые слова: дипломатия второго трека, ситуационный анализ, научная дипломатия, международные конфликты, междисциплинарный подход, коллективная безопасность, Персидский залив, внешняя политика России

В условиях нарастающей глобальной нестабильности и усиливающихся угроз международной безопасности традиционные формы дипломатии нередко оказываются недостаточно эффективными для разрешения сложных международных конфликтов. В таких ситуациях всё более актуальными становятся альтернативные подходы, среди которых особое место занимает

УДК: 327.39

Поступила в редакцию: 17.03.2024 г.

Принята к публикации: 08.08.2024 г.

дипломатия второго трека. Этот метод, представляющий собой неофициальные и конфиденциальные каналы взаимодействия, используется для содействия диалогу между конфликтующими сторонами и выработки решений, которые впоследствии могут быть интегрированы в официальные переговоры.

В данной статье ставится цель концептуально расширить представления о дипломатии второго трека, включив в её рамки ситуационный анализ с участием международных экспертов и представителей заинтересованных сторон. На основе опыта Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН) и методологии ситуационного анализа, разработанной академиком Е.М. Примаковым, исследуется возможность интеграции научного подхода в неофициальные дипломатические усилия, что позволяет создать более гибкие и многосторонние механизмы разрешения международных конфликтов.

Основной исследовательский вопрос статьи заключается в том, каким образом ситуационный анализ с участием международных экспертов и представителей заинтересованных сторон может расширить возможности дипломатии второго трека и повысить её значимость в контексте современных международных отношений.

Методологическая основа исследования заключается во включённом наблюдении серии экспертных дискуссий по Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива, проведённых в ИВ РАН в 2019–2023 гг. В исследовании используются методы качественного дискурс-анализа и кейс-стади, что позволяет глубоко исследовать различные аспекты конфликтных ситуаций и участие в их разрешении широкого круга экспертов и заинтересованных сторон.

Литература по дипломатии второго трека подчёркивает её важность как инструмента для управления международными конфликтами, особенно в тех случаях, когда официальные переговорные процессы сталкиваются с препятствиями. Например, исследования Сондерса (Saunders 2019) и Эшфорта (Ashworth 2009) подчёркивают, что такие неофициальные каналы создают пространство для более свободного обмена мнениями и поиска компромиссных решений. Методология ситуационного анализа, предложенная Е.М. Примаковым, дополнительно усиливает эту концепцию, позволяя интегрировать научные подходы в неофициальные дипломатические усилия, что способствует более глубокому пониманию конфликтов и выработке комплексных стратегий их разрешения.

Статья структурирована следующим образом: в первой части подробно рассматривается методология исследования, включая анализ данных и источников, использованных в работе. Во второй анализируются экспертные дискуссии по Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива, проведённые ИВ РАН в 2019–2023 гг., с акцентом на их роль в расширении концепции дипломатии второго трека. Третья часть посвящена обсуждению результатов и их значению для формирования устойчивых механизмов международной

безопасности. Заключение содержит выводы, подводящие итог исследования и формулирующие новые перспективы для дальнейшего изучения и применения ситуационного анализа в рамках дипломатии второго трека.

Дипломатия второго трека

Дипломатия второго трека (Track-II Diplomacy) представляет собой неофициальный, но структурированный процесс взаимодействия между государствами или конфликтующими сторонами. Этот процесс осуществляется через диалог и обмен мнениями между представителями гражданского общества, академиками, экспертами, бывшими дипломатами и другими влиятельными лицами, не обладающими официальным статусом переговорщиков. Основная цель такой дипломатии – содействовать решению конфликтов, снижению напряжённости и формированию доверия между сторонами вне традиционных каналов официальной дипломатии.

В отличие от официальных переговоров, которые часто ограничены протоколом, политическими позициями и бюрократическими рамками, дипломатия второго трека предлагает большую гибкость и возможности для неформального обсуждения. Участники таких процессов могут свободно поднимать и рассматривать спорные вопросы, предлагать компромиссные решения и исследовать потенциальные варианты урегулирования конфликта, не опасаясь немедленных политических последствий.

На Ближнем Востоке дипломатия второго трека стала особенно важной из-за сложного и многослойного характера региональных конфликтов. Региональные конфликты часто затрудняют официальные переговоры, и здесь дипломатия второго трека используется для преодоления препятствий, таких как взаимные подозрения, политическая чувствительность и давление со стороны общественного мнения.

Такие встречи часто организуются академическими институтами и НПО, а не правительственными учреждениями. Это позволяет создать менее формализованную и более гибкую среду для обсуждений. Важно отметить, что «переговоры второго трека могут быть полезным инструментом для разрешения конфликтов; необходимо лишь достаточное время и усилия для их инициации, управления и координации, а также готовность "расширить границы"» (Agha et al. 2004: 5).

Один из ярких примеров успешного использования дипломатии второго трека – это арабо-израильские переговоры, где неофициальные встречи между представителями сторон сыграли ключевую роль в создании условий для последующих официальных переговоров. Неофициальные переговоры часто служат способом преодоления барьеров, с которыми сталкиваются официальные переговоры, создавая доверие между сторонами и способствуя достижению соглашений.

Ещё одним примером является деятельность, связанная с иранской ядерной программой. Здесь дипломатия второго трека сыграла значительную роль, позволяя западным и иранским экспертам обсуждать сложные вопросы без формальных обязательств. Эти встречи способствовали улучшению взаимопонимания и прокладывали путь для официальных переговоров.

Для таких переговоров, как правило, привлекают к участию экспертов, бывших дипломатов, учёных и журналистов, которые могут внести в обсуждение новые идеи и подходы, не ограниченные политическими рамками. Это позволяет более глубоко и всесторонне анализировать конфликтные ситуации и разрабатывать решения, которые могут быть более приемлемы для всех сторон. Исследователи отмечают, что «достижение успеха в переговорах второго трека может быть трудным, но именно в таких условиях эти переговоры могут оказаться наиболее полезными, поскольку они направлены на улучшение коммуникации между участниками и создание условий для разрешения конфликта» (Agha et al. 2004: 5).

Ситуационный анализ в востоковедении

Востоковедение, являясь комплексной, мультидисциплинарной и многопредметной наукой, обладает значительным и не полностью реализованным потенциалом для междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований. При этом мнение о внутренней междисциплинарности востоковедения является ошибочным: большинство исследований в этой области осуществляется в строгих рамках таких дисциплин, как история, политология, экономика, культурология и искусствоведение. Целостность знания о Востоке достигается посредством комплексного и всестороннего изучения народов и стран региона, в котором история и современность рассматриваются в их неразрывном единстве.

Хотя междисциплинарные подходы обладают эвристической ценностью, необходимо признать, что во многих областях они не всегда эффективны, особенно когда требуется выход за пределы двух или нескольких научных дисциплин. Это особенно актуально в контексте международных конфликтов, где стереотипы мышления, устаревшие методологические подходы и шаблоны оказываются недостаточно эффективными для решения острых проблем (McLaughlin, Vasquez 2013; Yetiv 2017: 17–50).

Л. Эшворт указывает на парадоксальную связь международных отношений с междисциплинарностью: несмотря на свою природу, эта область не использует междисциплинарные подходы в полной мере, хотя и заимствовала многие идеи и методы из социальных наук 1960–1980-х гг. (Ashworth 2009: 16).

Ситуационный анализ, разработанный академиком Е.М. Примаковым в период его деятельности в системе Академии наук СССР, как никакой другой исследовательский подход сочетает в себе комплексность, мультидисциплинарность

и многопредметность востоковедения. Центральное место в подходе Е.М. Примакова занимало осознание многогранности любой политической ситуации, включая международные аспекты, что предполагало необходимость анализа с участием специалистов из различных областей науки. Е.М. Примаков акцентировал внимание организаторов ситуационного анализа на необходимости чёткой ориентации привлечённых экспертов на решение практических задач, а также на важности представления результатов анализа в сжатой и ясной форме, пригодной для использования в процессе принятия решений. В этом контексте ситуационный анализ, который включает участие иностранных экспертов из стран-стейкхолдеров анализируемой проблемы, может быть эффективно проведён в форме дипломатии второго трека. Этот метод позволяет пересекать дисциплинарные границы и использовать междисциплинарные стратегии для достижения более глубокого понимания и решения сложных международных вопросов.

Ситуационный анализ, привлекающий экспертов из стран-стейкхолдеров, позволяет не только изучать, но и успешно решать проблемы международных отношений, когда тематика исследований пересекает дисциплинарные границы и не находит ответов в рамках одной дисциплины (Аликберов 2022: 722–733; Аликберов 2023: 141–177, 309–311). Практическая ориентация этого подхода становится очевидной, когда новые решения создают новую политическую реальность и новое понимание этой реальности на пересечении различных интересов.

Принципы ситуационного анализа

Ситуационный анализ включает несколько ключевых этапов и методологических подходов, которые обеспечивают его эффективность (Барановский и др. 2019):

1. *Контекстуализация проблемы.* На этом этапе определяется исторический, политический, экономический и социальный контекст исследуемой проблемы. Участники ситуационного анализа проводят глубокий анализ всех факторов, влияющих на текущую ситуацию. Это позволяет сформировать целостное представление о проблеме и выявить основные движущие силы конфликта или кризиса.

2. *Идентификация акторов.* Выявляются все заинтересованные стороны (акторы) и их интересы. Важно понять мотивацию каждого актора, его цели и стратегии. Участники ситуационного анализа учитывают не только государственных, но и негосударственных акторов, такие как международные организации, НПО, бизнес и медиа.

3. *Анализ взаимодействий.* Изучается динамика взаимодействий между акторами, включая коалиции, конфликты и альянсы. Анализируется, как различные акторы влияют друг на друга, какие формируются коалиции и какие

конфликты возникают. Важно понять, какие факторы способствуют усилению или ослаблению напряжённости между акторами.

4. *Разработка сценариев.* Разрабатываются возможные сценарии развития ситуации с учётом различных переменных и факторов неопределённости. Участники ситуационного анализа создают несколько вариантов развития событий, учитывая как позитивные, так и негативные сценарии. Это позволяет подготовиться к различным исходам и разработать стратегию реагирования на каждый из них.

5. *Выработка рекомендаций.* Формулируются стратегии и рекомендации для принятия решений и урегулирования конфликтов. Участники ситуационного анализа разрабатывают конкретные меры, направленные на предотвращение эскалации конфликта и достижение устойчивого мира. Рекомендации должны быть реалистичными и учитывающими интересы всех заинтересованных сторон.

Если в ситуационном анализе участвуют представители стран-стейкхолдеров, то его можно рассматривать как форму дипломатии второго трека. Основное преимущество ситуационного анализа заключается в его многомерном и всестороннем охвате предмета исследования, учёте различных перспектив и точек зрения, а также совмещении противоречивых дискурсов, включая политические. Это открывает возможности для выхода за границы одной научной дисциплины и использования всех её достижений. Решения, выработанные на основе этого подхода, редко представляются как окончательные и совершенные; они всегда являются компромиссами, которые устраивают большинство участников процесса.

Ситуационный анализ может быть как непрерывным, так и прерывистым процессом, где поиск решений и аргументов не прекращается между фазами активного диалога.

Вовлечённость в процесс анализа предполагает наличие опыта работы в сфере международных отношений. Многие эксперты имеют практический опыт работы политиками и дипломатами. Состав участников и представительство стран могут меняться, что предполагает гибкий формат сотрудничества. Основной принцип при отборе экспертов – настроенность на достижение результата.

Во время обсуждений учитываются все мнения, поддержанные большинством экспертов, что поднимает ценность взвешенных мнений и аргументов, отсекая крайние интерпретации. Широкая палитра мнений облегчает достижение консенсуса, так как разнообразие точек зрения размывает жёсткие противоречия и способствует диалоговому режиму. Координатор и его команда, в отличие от приглашённых экспертов, не заинтересованы в конкретном исходе решения. Их задача – найти эффективное решение, устраивающее все стороны. Они осуществляют подготовительную работу и проводят процесс ситуационного анализа в форме дипломатии второго трека.

В процессе ситуационного анализа основной круг проблем может расширяться, и предметом ожесточённых дискуссий могут стать и общие вопросы, такие как история, прогресс и идентичность (Thies 2002). Различия в подходах к изучению истории и современного состояния международных отношений часто разделяют дисциплинарные границы истории и политологии (Yetiv 2017: 19–20). Пересечения дисциплинарных областей создают новые пространства смыслов и обсуждений, порождая вопросы, связанные с реальностью человеческого существования и моральными ценностями.

Опыт Института востоковедения РАН

Как отмечалось ранее, Институт востоковедения Российской академии наук на протяжении десятилетий (начиная с 1977 г., когда его директором стал академик Е.М. Примаков) ведёт активную работу в области научной дипломатии как на академическом, так и на прикладном уровнях. Сотрудникам ИВ РАН удалось создать на базе Института постоянно действующую диалоговую площадку для регулярных встреч различных политических сил и общественных движений, направленных на обсуждение актуальных проблем стран Востока, включая урегулирование острых этнополитических конфликтов. Все эти мероприятия были согласованы с МИД России либо рекомендованы руководством Министерства, а результаты встреч доводились до сведения заинтересованных ведомств и министерств, которые высоко оценили работу учёных в данном направлении.

Одним из ключевых направлений деятельности Института является проведение сессий Дартмутской конференции, в том числе по таким важным вопросам, как межтаджикский и карабахский конфликты (Сондерс 2019: 142–213; Московский 2012). Эти мероприятия способствовали поиску путей урегулирования сложных этнополитических споров и содействовали миротворческим усилиям. Значительное внимание уделяется организации встреч руководителей палестинских партий и фронтов на диалоговой площадке ИВ РАН. Эти встречи предоставляют уникальную возможность для политических акторов обсудить ключевые вопросы и найти пути к компромиссам, что критически важно для устойчивого урегулирования конфликта.

¹ Вступительное слово министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с представителями палестинских движений и партий, Москва, 16 января 2017 года. *Официальный сайт МИД России*. 16.01.2017. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ps/1540648/> (дата обращения: 24.08.2024)

Вступительное слово министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с участниками Межпалестинского диалога, Москва, 12 февраля 2019 года. *Официальный сайт МИД России*. 12.02.2019. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ps/1453465/> (дата обращения: 24.08.2024)

Важным направлением работы Института является проведение встреч представителей сирийских проправительственных и оппозиционных движений². Эти мероприятия способствуют развитию диалога между конфликтующими сторонами, что важно для поиска долгосрочных решений кризиса. Анализ данных встреч позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на динамику конфликта, и разработать рекомендации для его урегулирования.

Институт активно участвует в международных проектах и дискуссиях, что способствует интеграции российских научных подходов в глобальный контекст. Участие в заседаниях Международного дискуссионного клуба «Валдай»³ и международных проектах Российского совета по международным делам позволяет обмениваться мнениями с ведущими мировыми экспертами и формировать комплексное понимание международных процессов.

Научный руководитель Института играет важную роль в работе сирийского Конституционного комитета в качестве старшего политического советника Специального посланника Генерального секретаря ООН по Сирии⁴. Этот вклад подчёркивает значимость экспертного участия ИВ РАН в международных миротворческих процессах. Участие В.В. Наумкина в работе Группы высокого уровня «Альянса цивилизаций» при Генеральном секретаре ООН⁵ и исполнение им обязанностей Посла доброй воли по АЦ⁶ свидетельствуют о высоком уровне доверия к экспертизе Института на международной арене.

Эксперты ИВ РАН активно участвуют в многосторонних и двусторонних конференциях и круглых столах, где обсуждаются важные международные вопросы. Встречи с официальными делегациями зарубежных государств, политических партий и общественных организаций по рекомендации МИД РФ способствуют укреплению международных связей и взаимопонимания.

Особое внимание заслуживает деятельность ИВ РАН по подготовке и проведению регулярных международных экспертных встреч на диалоговой площадке Института по формированию системы коллективной безопасности в Персидском заливе. Эти встречи позволяют анализировать текущие угрозы и выработать совместные стратегии для обеспечения безопасности в регионе.

² В Москве начинаются межсирийские консультации с участием оппозиции. ТАСС. 26.01.2015. URL: <https://tass.ru/politika/1720919> (дата обращения: 24.08.2024)

Москва за третью межсирийскую встречу в политическом урегулировании конфликта в Сирии. *Международная жизнь*. 29.06.2015. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/13404> (дата обращения: 24.08.2024)

³ Программа XII Ближневосточной конференции клуба «Валдай». *Валдайский клуб*. 16.02.2023. URL: <https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/programma-xii-blizhnovostochnoy-konferentsii-kluba-valday/> (дата обращения: 24.08.2024)

⁴ Виталий Наумкин: массированный удар США по Сирии – совсем не фантастика. *РИА «Новости»*. 11.01.2019. URL: <https://ria.ru/20190111/1549197289.html> (дата обращения: 24.08.2024)

⁵ Кофи Аннан сообщил о завершении формирования Группы высокого уровня «Альянс цивилизаций». *Официальный сайт ООН*. 14.12.2005. URL: <https://news.un.org/ru/story/2005/12/1079871> (дата обращения: 24.08.2024)

⁶ Виталий Наумкин: Культурное многообразие, демократия и хорошее управление. *Совет по внешней и оборонной политике*. 01.05.2013. URL: <https://www.svp.ru/news/3953/> (дата обращения: 24.08.2024)

Аналитические данные, полученные в ходе этих встреч, используются для разработки рекомендаций по политике и стратегии, что способствует укреплению стабильности в регионе.

Опыт разработки Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива

В качестве примера дипломатии второго трека в форме ситуационного анализа рассмотрим результаты экспертного диалога по вопросам формирования системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива в соответствии с предложенной РФ Концепцией⁷. В диалоге приняли участие учёные-востоковеды, эксперты, специализирующиеся на различных аспектах международных отношений (политических, экономических, военных и др.), дипломаты-практики, непосредственно занятые международными отношениями, а также практикующие или бывшие политики. Немаловажно, что в качестве акторов международных отношений рассматривались не только отдельные государства, но и международные организации, в том числе Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

В формате научной дипломатии на платформе ИВ РАН под модерацией научного руководителя института В.В. Наумкина была организована серия международных мероприятий по широкому комплексу вопросов, связанных с обеспечением безопасности в зоне Персидского залива. Как и в большинстве других случаев, их проведение было одобрено Министерством иностранных дел РФ, которое оказало консультативную и визовую поддержку трёх встреч видных российских и зарубежных экспертов. Основой проведённого в Москве обмена мнениями стала предложенная Россией Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива. Финансовую помощь оказывал Фонд поддержки исламской науки, культуры и образования⁸. Примечательно, что в ситуационном анализе на площадке Института востоковедения РАН неизменно принимали участие (в том числе и после начала СВО) представители большого числа государств не только Востока, но и Запада, в том числе и бывшие (а также и отдельные действующие) крупные политические и общественные деятели, продолжающие оказывать влияние на принятие решений в своих странах, а также представители международных организаций. Все они участвовали в ситуационных анализах в личном качестве.

⁷ О презентации российской Концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива. *Официальный сайт МИД России* 23.07.2019. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/1466427/ (дата обращения: 24.08.2024)

О российской Концепции обеспечения коллективной безопасности в зоне Персидского залива. *Официальный сайт МИД России* 24.08.2021. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/rossiyskaya_kontseptsiya_kollektivnoy_bezopasnosti_v_zone_persidskogo_zaliva/1466420/ (дата обращения: 24.08.2024)

⁸ Фонд поддержки исламской науки, культуры и образования. URL: <https://www.islamfund.ru/> (дата обращения: 24.08.2024)

Разность позиций участников проявилась сразу, на терминологическом уровне, когда эксперты разошлись в мнениях по поводу определения «Персидского» или «Арабского залива», и было принято нейтральное определение Залив.

Первая встреча состоялась 18–19 сентября 2019 г. В ней принимали участие помимо российских специалистов по региону и вопросам международной безопасности эксперты из 16 государств: Бахрейна, Великобритании, Германии, Индии, Ирака, Ирана, Йемена, Катара, Китая, Кувейта, Ливана, Марокко, Нидерландов, ОАЭ, Сирии, Франции. В результате интенсивных дебатов выявилась близость позиций зарубежных и российских представителей по вопросу о неотложности разработки основ вышеназванной системы коллективной безопасности. В то же время проявились немаловажные разногласия между участниками по отдельным параметрам предлагаемого российского проекта. С одной стороны, представитель ОАЭ, к примеру, подчеркнул, что в нём сделан слишком большой упор на негативную роль США в регионе, игнорируется якобы «экспансионистская политика Ирана в регионе». Согласно этой точке зрения, «экспансия Ирана» затрагивает Ирак, все страны Аравийского полуострова и Леванта. Эксперт в данном случае сузила границы региона до собственно Персидского залива, исключив из более широкой «зоны Залива» Израиль, имеющий ядерное оружие, и одновременно расширив их до Ливана, причём эта точка зрения была поддержана участниками из Бахрейна. С другой стороны, представители Ирака отметили, что российский проект концепции будто бы не уделяет достаточного внимания дестабилизирующей роли США, а также мирным инициативам Ирана, направленным на заключение и реализацию двусторонних мирных соглашений с арабскими государствами зоны Залива. А представитель Ирана отстаивал точку зрения на зону Залива как на небольшую акваторию, в которой «слишком много иностранных военных судов».

Участники подчеркнули значимость регионального и глобального уровней безопасности. Ни одна из стран региона не может обеспечить свою национальную безопасность, не прибегая к сотрудничеству с глобальными игроками, в первую очередь с США, а также с Китаем и Россией, оставаясь вне региональных союзов. При этом иранский представитель на той встрече указал на глубокий раскол в рядах ССАГПЗ, проявившийся в изоляции Катара по инициативе КСА и ОАЭ. Было понятно, что арабские государства Персидского залива рассчитывают в случае обострения конфликта с Ираном на военную защиту со стороны одного глобального игрока – США, а также на политическую роль в урегулировании этого конфликта двух других – России и Китая.

Обсуждая возможности регионального сотрудничества для решения проблем дефицита ресурсов, экологии, сглаживания социально-экономических дисбалансов, представители арабских стран (Бахрейна, Кувейта, Йемена) признавали остроту этих проблем, но отметили разобщённость и эгоистичность соседей по региону. Представитель ОАЭ воспользовался дискуссией на эту тему

для обвинения Ирана в отъёме водных ресурсов у Ирака, оставив без внимания аналогичные действия Турции в отношении Сирии и Ирака, не говоря уж об Израиле. На встрече в этом контексте говорилось о невозможности даже приступить к выработке коллективного решения перечисленных проблем без снижения уровня напряжённости между Ираном и арабскими государствами данной зоны, освобождения региона от ОМП, отказа от проталкивания «смены режимов» у соседей со стороны США. Катарский участник подчеркнул, что в настоящее время большинство стран региона фокусируются на вопросах безопасности, не рассматривая вызовы, связанные с нехваткой водных ресурсов, изменением климата, экономическими диспропорциями. Он предложил странам региона перейти от взаимных политических обвинений к поиску решений в сфере экономики и экологии. Представитель ОАЭ выступил за то, чтобы Китай как заинтересованная и влиятельная сторона играл более активную роль в решении проблем региона. Китайский представитель, в свою очередь, подчеркнул, что экономическое сотрудничество является основой безопасности, но и безопасность является необходимым условием для международной экономической деятельности. Он отметил важность запланированной на октябрь того года конференции в Китае, на которой будут обсуждаться практические шаги в рамках проекта «Один пояс – один путь».

Судя по высказанной индийским экспертом озабоченности его страны экологическим состоянием прилегающей к её территории акватории и судьбой семи миллионов эмигрантов, работающих в странах Залива, нами была подчеркнута желательность привлечения этого игрока Глобального Юга к участию в разработке и реализации ряд проектов, предлагаемых Россией.

В то же время иранский эксперт счёл российскую концепцию довольно общей и предложил сконцентрироваться вообще на совместной работе стран региона. Для этого, по его мнению, следует отказаться от политизации экономических и прочих проблем, перестать связывать их с вопросами безопасности. При этом, в отсутствие дипломатических отношений между рядом стран Залива решающую роль должна сыграть ООН, которая может создать многостороннюю платформу для переговоров. Одновременно следует осуществлять и двусторонние контакты там, где это возможно. В качестве примера можно было привести переговоры между Ираном и ОАЭ по пограничным вопросам.

По вопросу взаимодействия региональных игроков в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке арабские участники круглого стола не смогли высказать чёткой позиции. Основная идея всех их высказываний заключалась в том, что Иран своей политикой вмешательства во внутренние дела государств Ближнего Востока делает невозможным такое взаимодействие. Все стороны отмечали отсутствие у региональных игроков доверия друг к другу. В этой связи были затронуты вопросы враждебных медийных кампаний, недостатка достоверной информации, сложных психологических особенностей жителей региона, амбиций правящих групп и кланов.

Западные участники много внимания уделили сохранению СВПД, увязывая его с урегулированием конфликта в регионе. Французский, а также йеменский дипломаты говорили о необходимости подключения стран Персидского залива к выполнению этого соглашения, но не предложили каких-либо конкретных шагов.

Рассуждения представителей Франции, России и главы Международной кризисной группы об историческом опыте Хельсинского процесса, выстраивания мер доверия и гарантий безопасности в период Холодной войны разбились о замечание одного из арабских участников о невозможности переноса западного опыта на ближневосточную почву.

Во второй встрече, состоявшейся 15–16 ноября 2021 г., участвовали около сорока экспертов из 19 государств: России, Китая, США, Индии, Франции, Германии, Бельгии, Швейцарии, Великобритании, Египта, Ливана, Сирии, Турции, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Бахрейна, Ирака. В ходе встречи обсуждалась обновлённая редакция (с учётом сделанных замечаний экспертов) российской Концепции коллективной безопасности в зоне Залива⁹.

Обращало на себя внимание существенное изменение отношения международного экспертного сообщества к вышеупомянутой российской инициативе. Если в 2019 г. первую встречу проигнорировали США и Саудовская Аравия, то во второй встрече их представители принимали активное участие. Более того, многие эксперты (в том числе из Ирана, ОАЭ, Кувейта, Ирака и США) открыто выказали поддержку российской инициативе.

Работа на этот раз проводилась по шести секциям: «Региональная безопасность в зоне Персидского залива: два года спустя»; «Региональная безопасность в эпоху пандемии: новые прочтения»; «Региональная динамика в зоне Персидского залива: тенденции и перспективы»; «На пути к инклюзивной и всеобъемлющей системе безопасности в зоне Персидского залива: ключевые параметры системы»; «На пути к коллективной безопасности в зоне Персидского залива: механизмы» и «Перспективы разработки дорожной карты создания системы коллективной безопасности в зоне Залива».

Развернувшиеся в ходе заседания дискуссии продемонстрировали озабоченность участников эскалацией напряжённости в регионе и стремление к поиску конструктивных решений. Много раз повторялась мысль о необходимости создания нейтральной площадки для многостороннего диалога, в рамках которого необходимо перейти к обсуждению конкретных механизмов и параметров системы коллективной безопасности.

Ряд вопросов оставался предметом довольно острых дискуссий. В частности, это относилось к определению географических границ региона, охватываемого системой коллективной безопасности, роли в ней региональных и глобальных

⁹ В Институте прошла 2-я встреча по концепции безопасности в Персидском заливе. *Институт востоковедения РАН*. 01.12.2021. URL: <https://www.ivran.ru/novosti?artid=18264> (дата обращения: 24.08.2024)

акторов, форматам региональных договорённостей (двусторонние и многосторонние), соотношению российской инициативы с иными (в частности, с Багдадской, с посредническими усилиями Кувейта и Омана), роли соглашений Авраама, а также места Израиля в меняющейся региональной подсистеме отношений.

В ходе дискуссии участники высказали ряд соображений по реализации проекта Концепции. В частности, понравилась российская идея о выделении трёх кругов участников процесса, каждый из которых мог бы играть в нём собственную роль. Первый круг – собственно государства Залива, руководство которых может принимать решения по договорённостям о безопасности. Второй круг – не имеющие выхода в Персидский залив иные страны «большого» региона, включая Турцию, которые могут играть консультационную роль при выработке решений. Третий круг – внерегиональные акторы, в том числе США, КНР, Россия, Индия, Европа. Все они могут быть наблюдателями, медиаторами и гарантами соглашений.

Ливанский эксперт высказал соображение о том, чтобы начать выстраивание системы коллективной безопасности с картографирования региона, что подразумевает выработку консенсусных представлений о текущей ситуации в зоне Залива и инвентаризации региональных противоречий. В связи с этим была высказана идея о создании специальной рабочей группы, которая бы выполняла эту задачу. Кроме того, была высказана идея о создании специального консультативного органа и ряда иных, более мелких рабочих групп экспертного уровня для разработки конкретных параметров различных аспектов системы коллективной безопасности (экология, вода, энергетика, безопасность судоходства и т. д.), а также специальной миссии по предотвращению конфликтов.

На полях конференции высказывалась также идея о возможности вынесения Россией проблемы коллективной безопасности в Заливе для обсуждения на СБ ООН.

Единодушную поддержку встретили следующие предложения российских участников встречи:

1. Создать контактную группу в составе всех участников состоявшейся экспертной встречи;
2. Обратиться к заинтересованным внешнеполитическим ведомствам с просьбой внимательно изучить содержание предложенной Россией концепции коллективной безопасности в зоне Персидского залива и отреагировать на содержащиеся в ней идеи;
3. Поддержать предложение представителя Индии о выделении университетами и «мозговыми центрами» заинтересованных государств специальных стипендий для исследования проблем безопасности в Персидском заливе;
4. В рамках контактной группы продолжить обмен мнениями по концепции коллективной безопасности.

По итогам заседания было подготовлено три документа – стенограмма объёмом около 50 страниц и две аналитические записки, которые были направлены организаторами, в частности, в органы государственной власти РФ. Предложения участников были благожелательно встречены и использованы в работе МИД России. О результатах встречи были проинформированы российские дипломатические представительства за рубежом.

Кроме того, была достигнута договорённость о том, что после начала председательства России в Совете Безопасности ООН будет проведено специальное мероприятие с целью оповещения членов СБ ООН о результатах прошедшей встречи.

Наконец, 12–13 июня 2023 г. состоялась третья международная экспертная встреча. В ней приняли участие около сорока экспертов из 13 государств: России, Китая, Пакистана, Ирана, Ирака, Кувейта, ОАЭ, Катара, Саудовской Аравии, Египта, Ливана, Сирии, Алжира.

На встрече, проходившей в закрытом формате, с учётом изменений в международной обстановке обсуждались вопросы формирования системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива, том числе положения соответствующей российской Концепции, продвижение которой упоминается, в частности, в утверждённой в 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации¹⁰.

Обращала на себя внимание сохраняющаяся положительная динамика восприятия российских инициатив государствами региона. Несмотря на то, что к участию во встрече на этот раз не были приглашены представители недружественных государств, уровень представительства государств региона заметно повысился. Так, Саудовская Аравия направила на встречу не только участника, представлявшего королевство и в 2021 г., но и принцессу Латифу бинт Абдалла, представляющую как МИД королевства (в личном качестве), так и правящую семью. Катар также был представлен ответственным чиновником МИД эмирата. Иран представлял бывший посол ИРИ в Саудовской Аравии, Ирак – советник министра иностранных дел.

Работа велась в шести сессиях: «Региональная безопасность в зоне Персидского залива: новые тенденции», «Региональная безопасность в эпоху слома миропорядка: новые прочтения», «Региональная динамика в зоне Персидского залива: тенденции и перспективы», «На пути к инклюзивной и всеобъемлющей системе безопасности в зоне Персидского залива: ключевые параметры системы», «На пути к коллективной безопасности в зоне Персидского залива: механизмы», «Перспективы разработки дорожной карты по коллективной безопасности в зоне Персидского залива».

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). *Официальный сайт МИД России*. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 24.08.2024)

Состоявшиеся дискуссии показали, что, несмотря на наблюдающуюся в регионе разрядку (в том числе шаги по нормализации отношений между КСА и ИРИ, осуществлённые при посредничестве КНР), представители экспертного сообщества считают: для формирования устойчивой системы региональной безопасности сделано всё ещё недостаточно. Так, неясными остаются её основные параметры и механизмы реализации. Существует определённый консенсус относительно того, что подобная система не может быть создана без заметных успехов в урегулировании региональных конфликтов (прежде всего, сирийского и йеменского), решения проблемы распространения ОМУ и существенных подвижек в решении палестинской проблемы. Участники выразили согласие с необходимостью расширительного толкования вопросов безопасности и включения в повестку дня её экономических, продовольственных, технологических, экологических и гуманитарных аспектов. Эти невоенные аспекты безопасности привлекают, кажется, даже большее внимание, чем традиционные военные. Что касается последних, то вопросы гарантий безопасности, укрепления мер доверия, создания механизмов мониторинга и проверки фактов по-прежнему представлялись наиболее проблематичными. Несмотря на это, все были согласны с тем, что сегодня, в условиях некоторой деэскалации, элиты региона готовы к поиску компромиссов в большей степени, чем когда-либо ранее.

Поиск этих компромиссов, с точки зрения участников встречи, должен вестись, в том числе, через активизацию форматов дипломатии второго трека, в том числе с помощью научной дипломатии, по-прежнему остающихся недостаточно развитыми в рамках региона. Продвижение этих форматов, их организация и посредничество в них могло бы стать значимым вкладом России в формирование региональной системы безопасности.

Среди проблемных по-прежнему остаются некоторые вопросы, связанные с исторической и символической политикой, в том числе, даже, казалось, столь простая проблема, как использование в документах консенсусного названия региона. Именно это оказалось в центре внимания при обсуждении итогового документа.

Несмотря на имеющиеся противоречия между участниками, в результате дискуссий им удалось согласовать совместный документ. Ключевые упомянутые в нём рекомендации включают в себя формирование двух рабочих групп – по предотвращению конфликтов и по невоенным аспектам региональной безопасности, а также координационного комитета для организации их работы на российской площадке.

Текст документа был доведён до внешнеполитических ведомств стран-участниц, а также разослан МИД РФ в посольства России в государствах региона, в странах БРИКС, а также в представительства при ключевых международных организациях.

Помимо этого, по итогам заседания была подготовлена стенограмма встречи, об итогах совещания было доложено министру иностранных дел, который специально проинформировал о них руководителей внешнеполитических ведомств государств ССАГПЗ на состоявшемся в июле 2023 г. саммите Россия – ССАГПЗ¹¹.

В ходе экспертных дискуссий был выработан текст совместного, то есть согласованного экспертами из разных стран документа о создании системы коллективной безопасности в зоне Персидского залива (в том числе государства ССАГПЗ, Иран, Ирак и Йемен):

«Участники Третьей экспертной встречи приветствуют достижения государств Ближнего Востока в деэскалации конфликтов, укреплении взаимопонимания между ними, а также направленные на эти цели инициативы. Стороны-участники согласны в следующем:

1. *Установление системы коллективной безопасности в регионе должно быть важнейшим элементом глобальной и региональной стабильности в контексте становления нового многополярного миропорядка.*

2. *Система коллективной безопасности в зоне Персидского залива должна основываться на следующих принципах: приверженность всех государств международному праву, основополагающим положениям Устава ООН и резолюциям Совета Безопасности ООН, уважение независимости, суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела других государств, уважение многообразия социально-экономических укладов друг друга.*

3. *Система коллективной безопасности должна быть многосторонней, всеобъемлющей, инклюзивной, базирующейся на принципах поэтапности.*

4. *Региональная подсистема является неотъемлемой частью общей ближневосточной системы безопасности, тесно связанной с урегулированием наиболее острых кризисов и решением проблемы ядерного нераспространения.*

Участники рекомендуют следующие шаги для продвижения инициативы:

1. *Формирование двух рабочих групп:*

А) *Первая группа будет работать над предотвращением конфликтов, включая мониторинг, анализ региональной ситуации, механизмы проверки фактов, развитие мер доверия;*

Б) *Вторая группа будет работать над невоенными аспектами региональной безопасности, в том числе над мерами, направленными на укрепление экономической связанности региона и экологической, энергетической и социальной безопасности в нем.*

¹¹ Об участии министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в шестом заседании стратегического диалога Россия – ССАГПЗ. *Официальный сайт МИД России*. 10.07.2023. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1896187/2db7299143000b43b9450fd7f0859b5bb2f646dfb8fad859ee75e4258d95cb24b257e97f1fe44b7ee0c27fda7dae4f17d5cb414ec3a78 (дата обращения: 24.08.2024)

2. *Российская сторона сформирует координационный комитет для регулирования деятельности двух рабочих групп.*

3. *Четвёртая экспертная встреча будет организована в течение следующего года.*

4. *Эти заключительные положения должны быть доведены до внимания министерств иностранных дел участвовавших во встрече сторон.*

Москва, 12–13 июня 2023 г.

Институт востоковедения РАН».

Заключение

Реализация дипломатии второго трека в форме ситуационных анализов, предложенных Е.М. Примаковым, представляет собой важный вклад в развитие как научной дипломатии, так и практических подходов к урегулированию международных конфликтов. Этот метод, обладающий рядом существенных преимуществ, также имеет свои ограничения, которые следует учитывать при оценке его эффективности и потенциала.

Одно из главных преимуществ ситуационных анализов Е.М. Примакова в контексте дипломатии второго трека заключается в том, что они объединяют широкий круг экспертов и заинтересованных сторон для обсуждения и анализа сложных международных вопросов. В отличие от традиционной дипломатии, которая может быть ограничена формальными рамками и политическими соображениями, дипломатия второго трека позволяет создавать более гибкую и открытую платформу для обмена мнениями. Это способствует формированию доверия между участниками, что особенно важно в условиях затяжных конфликтов или отсутствия официальных переговорных каналов.

Метод ситуационного анализа также выделяется своей научной основой. Вовлечение экспертов из различных областей позволяет проводить глубокий и многомерный анализ проблемных ситуаций, учитывая широкий спектр факторов — от политических и экономических до культурных и исторических. Это обеспечивает всестороннее понимание конфликта и помогает разрабатывать более реалистичные и обоснованные рекомендации для его урегулирования.

Ещё одним значительным преимуществом является институциональная поддержка. Использование их результатов в официальной внешнеполитической деятельности России делает их частью более широкого дипломатического процесса. Это позволяет интегрировать результаты неофициальных обсуждений в официальные переговоры и стратегии, что увеличивает шансы на достижение устойчивых решений.

Наконец, фокус на долгосрочных стратегических целях, характерный для ситуационных анализов Е.М. Примакова, способствует не только разрешению текущих конфликтов, но и предотвращению будущих кризисов. Это делает данный метод особенно ценным в контексте формирования новых механизмов международной безопасности и стабилизации.

Об авторах:

Аликбер Калабекович Аликберов — доктор исторических наук, директор Института востоковедения Российской академии наук. 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12/1. Email: alikberov@mail.ru

Виталий Вячеславович Наумкин — академик РАН, научный руководитель Института востоковедения Российской академии наук. 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12/1. Email: director@ivran.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.39
Received: March 17, 2024
Accepted: August 08, 2024

Track-II Diplomacy in the Format of Situational Analysis: The Experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

 A.K. Alikberov, V.V. Naumkin
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120)

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: This paper examines the practice of implementing Track-II diplomacy as practiced by the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IORAS) in the form of situational analysis, a methodology developed by Academician Yevgeny Primakov. This approach represents an effective tool for resolving international conflicts and enhancing global security by combining science with diplomacy. Special attention is given to a series of three expert discussions on the Concept of Collective Security in the Persian Gulf region, held at IORAS from 2019 to 2023. These discussions demonstrated the method's ability to bring together a broad range of experts for in-depth interdisciplinary analysis of complex international situations. The practical focus of the results from these situational analyses makes them valuable for both policy recommendations and long-term strategic planning. The application

of this method fosters the creation of trustful relationships between conflicting parties and the establishment of sustainable mechanisms for international security. The paper also highlights the significance of this practice for the development of Russian foreign policy strategy and its contribution to the interdisciplinary study of international relations.

Keywords: Track-II Diplomacy, Situational Analysis, Yevgeny Primakov, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Scientific Diplomacy, International Conflicts, Interdisciplinary Approach, Collective Security, Persian Gulf, Russian Foreign Policy

About the authors:

Alikber K. Alikberov – Doctor of Historical Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 107031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka St., 12/1. Email: alikberov@mail.ru

Vitaly V. Naumkin – Academician of the Russian Academy of Sciences and the Scientific Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Address: 107031, Russia, Moscow, Rozhdestvenka St., 12/1. Email: director@ivran.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Agha H. et al. (ed.). 2004. *Track-II Diplomacy: Lessons from the Middle East*. MIT Press.
- Ashworth L.M. 2009. Interdisciplinarity and International Relations. *European Political Science*. №8. P. 16–24. DOI: 10.1057/eps.2008.11.
- Yetiv S.A. 2017. History, International Relations, and Conflict. *Advancing Interdisciplinary Approaches to International Relations*. Ed. by S.A. Yetiv. P. James. Berlin: Springer. P. 17–50. DOI: 10.1007/978-3-319-40823-1.
- McLaughlin M.S., Vasquez J.A. 2013. *Conflict, War, and Peace: An Introduction to Scientific Research*. London: Sage. 440 p.
- Shapiro M. 2012. *Studies in Trans-Disciplinary Method After the Aesthetic Turn*. Abingdon: Routledge. 224 p.
- Stevens C. 2008. *International Studies: An Interdisciplinary Approach to Global Issues*. Boulder, CO: Westview Press. 456 p.
- Thies C.G. 2002. Progress, History and Identity in International Relations Theory: the Case of the Idealist – Realist Debate. *European Journal of International Relations*. 8(2). P. 147–185. DOI: 10.1177/1354066102008002001.
- Alykberov A.K. 2022. Kompleksnost' vostokovedeniya, yego mezhdistsiplinarnyye i transdistsiplinarnyye perspektivy [Complexity of Oriental Studies, Its Interdisciplinary and Transdisciplinary Perspectives]. *Orientalistika*. 5(4). P. 722–733. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733. (In Russian)
- Alykberov A.K. 2023. *Chelovek i istoriya v tsifrovuyu epokhu: mnogomernyy podkhod* [Man and History in the Digital Age: A Multidimensional Approach]. Moscow: Nauka publ house. (In Russian)

Baranovskiy V.G., Kobrynskaia I.Ya., Utkin S.V., Frumkin B.E. 2019. Metod situatsionnogo analiza kak instrument aktual'nogo prognozirovaniya v usloviyakh transformatsii miroponyadka [The Method of Situational Analysis as a Tool for Current Forecasting in the Context of World Order Transformation]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 7–23. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-7-23 (In Russian)

Moskovskiy M.A. 2012. Dartmutskiy dialog: pervye shagi neformal'noy sovetsko-amerikan-skoj diplomatii [The Dartmouth Dialogue: The First Steps of Informal Soviet-American Diplomacy]. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya*. №3. P. 33–47. (In Russian)

Primakov E.M., Khrustal'ov M.A. 2006. *Situatsionnyy analiz v mezhdunarodnykh otnosheni-yakh* [Situational Analysis in International Relations]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya publ house. (In Russian)

Sonders G. 2019. *Ustoychivyy dialog v konfliktakh: Transformatsii i izmeneniya* [Sustained Dialogue in Conflicts: Transformations and Changes]. Moscow: Publ house «Aspekt Press». (In Russian)

Список литературы на русском языке

Аликберов А.К. 2022. Комплексность востоковедения, его междисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы. *Ориенталистика*. 5(4). С. 722–733. DOI: 10.31696/2618-7043-2022-5-4-722-733.

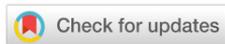
Аликберов А.К. 2023. *Человек и история в цифровую эпоху: многомерный подход*. Москва: Наука.

Барановский В.Г., Кобринская И.Я., Уткин С.В., Фрумкин Б.Е. 2019. Метод ситуационного анализа как инструмент актуального прогнозирования в условиях трансформации миропорядка. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 7–23. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-7-23

Московский М.А. 2012. Дартмутский диалог: первые шаги неформальной советско-американской дипломатии. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. №3. С. 33–47.

Примаков Е.М., Хрусталёв М.А. 2006. *Ситуационный анализ в международных отношениях*. Москва: Международные отношения.

Сондерс Г. 2019. Устойчивый диалог в конфликтах: трансформации и изменения. Пер. с англ. И.В. Поляничевой; под науч. ред. А.Г. Аксёненко, И.Д. Звягельской. Москва: Издательство «Аспект Пресс».

Особенности и развитие международных переговоров городов

М.И. Колыхалов

СИУ РАНХиГС

В статье рассматриваются особенности, основные направления и актуальные тенденции международных переговоров субнациональных территориальных единиц на примере городов. Сегодня, когда политическая система мира переживает глубокую трансформацию, активизируется международная деятельность негосударственных и субнациональных акторов, включая их участие в международном переговорном процессе. Одна из основных особенностей международных переговоров городов заключается том, что они проходят преимущественно в многоуровневом и многостороннем формате, что обуславливается смешанным государственно-негосударственным статусом городов. Соотношение позиции города и государства во внешних сношениях зависит от «степени свободы» в отношениях центра с субгосударственными территориальными единицами, а также от уровня экономического и политического влияния города; иногда позиция города может существенно отличаться от позиции государства. На международном уровне существует ряд специализированных институтов и механизмов, позволяющих городам координировать позиции и выработать общие подходы: Всемирная ассоциация объединённых городов и местных властей, Всемирная ассамблея местных и региональных органов власти, «Ассоциация Метрополио». Основное содержание повестки многосторонних переговоров городов сегодня составляют такие вопросы как: борьба с изменением климата, обеспечение безопасности от стихийных бедствий, соблюдение прав мигрантов и других перемещённых лиц, внедрение инноваций в городскую среду и управление. В свою очередь, для двусторонних переговоров городов, осуществляющихся на основе института побратимства, характерен фокус на гуманитарной сфере, научно-образовательном и культурном сотрудничестве. Наконец, к актуальным тенденциям международных переговоров городов относятся всё более активное использование цифровых технологий, а также географическая переориентация побратимских связей российских городов в сторону «мирового большинства».

Ключевые слова: город – международный центр влияния, государственно-негосударственные акторы, мегаполис, международный переговорный процесс, многоуровневые переговоры

УДК 327.3:352.07

Поступила в редакцию: 02.10.2023

Принята к публикации: 15.02.2024

Международные переговоры – важнейший инструмент и основная составляющая дипломатической деятельности. Они позволяют достигать ключевых договорённостей как в межгосударственных отношениях, в том числе при взаимодействии в рамках международных организаций, так и на субнациональном уровне (Лебедева 1993; Кременюк 2001).

В современных условиях, несмотря на значительное количество вооружённых конфликтов, вспыхнувших в мире в последние годы и свидетельствующих о вступлении трансформации мировой политической системы в активную фазу, новая система политической организации мира может быть сформирована только на основе переговорного процесса основных акторов – ведущих мировых держав (Лебедева 2016; Кременюк 2011, 2013). Следовательно, международные переговоры будут оставаться ключевым инструментом достижения важнейших решений в мировой политике (Zartman, Кременюк 2005).

Дипломатия городов представляет собой процесс реализации внешней политики на городском уровне. Она включает в себя: участие муниципалитетов в деятельности международных организаций и форумах лидеров местных властей; двустороннее сотрудничество и развитие института побратимства; участие в трансграничных экономических и социальных проектах; развитие институтов публичной дипломатии (Acuto 2013). Таким образом, международные переговоры городов являются важной составляющей переговорного процесса на международной арене, особенно в условиях нарастания конфронтации в мировой политике, когда переговоры между государствами всё чаще оказываются затруднены.

Эволюция международного переговорного процесса шла неравномерно, ускоряясь либо замедляясь в зависимости от ситуации в мировой политике: динамики основных геополитических процессов (Тюлин, Хрусталёв 1981; Исраэлян 1988), степени культурной гетерогенности основных участников международного взаимодействия (Cohen 1991), уровня развития демократических процедур (Сергеев 1999). Так, М.М. Лебедева показывает, что бурное развитие международных переговоров и, соответственно, их исследований пришлось на середину XX в., что было обусловлено появлением ядерного оружия и острой необходимостью урегулирования возникающих конфликтов дипломатическими невоенными методами (Лебедева 2020: 101; см. также: Кокошин, Кременюк, Сергеев 1988).

С другой стороны, по мнению М.А. Хрусталёва, активизация международных переговоров произошла в последнюю четверть XX в. в связи с окончанием Холодной войны. Более того, в этот период на смену традиционному двустороннему формату приходят многосторонние переговоры, а вместо ранее единого уровня сформировалась трёхуровневая конструкция, включающая в себя высший, дипломатический и экспертный уровни (Хрусталёв 2004: 66).

С развитием международной деятельности негосударственных акторов и субнациональных территориальных образований в конце XX – начале XXI вв., что трактуется исследователями как формирование субгосударственного уровня мировой политики (Колыхалов 2022а: 1686), международный переговорный процесс развивается и на уровне городов и местных властей.

На данном этапе происходит активизация участия местных властей в различных международных форумах, в конференциях и мероприятиях на базе международных организаций системы ООН, в частности, по проблематике изменения климата. Так, М. Циммерман отмечает, что с начала 1990-х гг. местные органы власти активно вовлекаются в Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата с целью разработки подходов к энергосбережению, новых концепций мобильности, экологичных материалов и других мер по защите климата. По мнению исследователя, местные органы власти способны действовать значительно быстрее в противостоянии новым климатическим вызовам, чем национальные правительства (Zimmermann 2009: 92).

Современная ситуация в международных переговорах оценивается исследователями как стагнирующая (Mautner-Markhof 2019), наблюдается определённое снижение активности переговорных процессов (как двусторонних, так и многосторонних) в традиционном межгосударственном формате. Частично это обусловлено децентрализацией конфликтных ситуаций, когда в качестве участников выступают нетрадиционные негосударственные акторы, а результаты договорённостей нередко денонсируются, как, например, в сложившейся практике США (Лебедева 2020: 101).

Вместе с тем смешанный (государственно-негосударственный) статус городских властей как актора мировой политики обуславливает особенность их участия в переговорных процессах: взаимодействие городов обычно встроено в многоуровневые переговорные форматы, подразумевающие сложные процедуры и механизмы принятия решений. Так, города сталкиваются со специфической проблемой согласования своей переговорной позиции с государством, которая в меньшей степени характерна для прочих негосударственных акторов (Tavares 2016). Это осложняет автоматический перенос на города выводов, полученных в результате исследований мирополитической роли транснационального бизнеса и гражданского общества, и, тем самым, подводит к постановке проблемы «городов – в частности, глобальные и мировые города – как субъекты международных переговорных процессов». Таким образом, исследовательский вопрос статьи можно сформулировать следующим образом: *в чём заключаются а) специфика формирования позиции городских властей в международном переговорном процессе; б) особенности механизмов и инструментов проведения международных переговоров городов; и в) роль глобальных и мировых городов в международных переговорах?*

Следует отметить, что международные переговоры городов имеют давнюю историю: международное взаимодействие полисов (городов-государств) эпохи Древней Греции и Древнего Рима заложило ряд дипломатических принципов современных международных отношений: институт проксении (гостеприимства) подразумевал обмен послами и проведение дипломатических переговоров, а цель посольства определялась вручаемыми старейшинами инструкциями, написанными на грамоте, состоявшей из двух сложенных вместе листов (δίπλωμα), что и дало термин «дипломатия». Дипломатическая деятельность союзов творческих людей, таких как «техниты» Диониса, которые, будучи послами доброй воли, способствовали сохранению культурного сотрудничества между полисами даже в периоды военных конфликтов, послужила прообразом института побратимства городов (Колыхалов 2023: 136).

Современная международная и, соответственно, переговорная деятельность городов осуществляется в ряде форм и направлений: многосторонний переговорный процесс в рамках специализированных международных организаций городов; участие в многоуровневых переговорах вместе с представителями региональных и центральных властей, бизнеса, научного сообщества; двустороннее сотрудничество на основе побратимских связей; международная деятельность мегаполисов в транснациональных сетях.

Особенности многосторонних и многоуровневых международных переговоров городов

Многосторонние переговоры городов – это активно развивающийся формат, что связано с растущим числом муниципалитетов, направляющих свои делегации для участия в переговорном процессе как в рамках постоянно действующих форумов и конференций, так и на площадках специализированных организаций ООН (Лебедева 2017: 136–137).

В многосторонних международных переговорах городов, как правило, участвуют также представители региональных и центральных властей, бизнес-сообщества, общественных организаций, исследовательские коллективы, что придаёт многосторонним международным переговорам городов *многоуровневый характер*.

Как отмечает Д.А. Савкин, «в вопросах организации общественной жизни в городах, построения механизмов управления и контроля за системами города государство превращается в заказчика и контролёра, а роль исполнителя играют местные власти, частные компании и НПО. Данные процессы характерны, конечно же, в большей степени для глобальных городов, управление которыми невозможно без многоступенчатого делегирования»¹.

¹ Савкин Д.А. 2010. *Глобальный город как актор мировой политики*. Дисс. канд. полит. наук. СПбГУ. С. 86.

Многосторонние переговоры городов призваны содействовать решению актуальных городских проблем. В данной связи следует отметить Всемирную организацию объединённых городов и местных властей (ОГМВ), которая в настоящий момент является крупнейшей организацией местных и региональных органов власти в мире².

Глобальная рабочая группа местных и региональных органов власти ОГМВ представляет собой *механизм координации и консультаций*, который объединяет основные международные сети местных органов власти³. Данный механизм предназначен для обсуждения и формирования стратегий деятельности городов и региональных органов власти по актуальным глобальным вопросам, таким как: изменение климата, программы развития городов, цели устойчивого развития, определённые Конференцией ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат). Для формирования единой политической позиции глобальная рабочая группа ОГМВ проводит с участием мэров городов и региональных лидеров со всего мира *Всемирную ассамблею местных и региональных органов власти*, чья роль в реализации программы развития городов была признана в итоговом документе Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию 2016 г.⁴.

Существование глобальной рабочей группы местных и региональных органов власти ОГМВ представляет собой важное достижение для международного движения городов. Местные органы власти являются единственным негосударственным актором, имеющим в своём распоряжении столь инклюзивный механизм координации позиций в глобальных политических процессах.

Вопросы, составляющие основное содержание многосторонних международных переговоров городов и направлений межгородского взаимодействия, отражены, в том числе, в положениях «Новой городской повестки дня», принятой на Хабитат-III в 2016 г.: борьба с изменением климата; обеспечение безопасности от стихийных бедствий; соблюдение прав мигрантов и других перемещённых лиц; внедрение инноваций в городскую среду и управление; обеспечение условий для лиц с ограниченными возможностями⁵.

Таким образом, благодаря наличию а) механизма координации и консультаций в виде Глобальной рабочей группы местных и региональных органов власти и б) механизма выработки единых политических решений в виде Всемирной ассамблеи местных и региональных органов власти, города – участники

² About us. *The World Organization of United Cities and Local Governments*. URL: <https://uclg.org/about-us/> (accessed 25.08.2024).

³ About us. *The Global Taskforce of Local and Regional Governments*. URL: <https://www.global-taskforce.org/about-us> (accessed 25.08.2024).

⁴ *New Urban Agenda*. Adopted at the United Nations Conference on Housing and Sustainable Urban Development (Habitat III) in Quito, Ecuador, on 20 October 2016. URL: <https://unhabitat.org/sites/default/files/2019/05/nua-english.pdf> (accessed 25.08.2024).

ОГМВ наращивают своё влияние на принятие решений в специализированной организации ООН – Конференции ООН по жилью и устойчивому городскому развитию (Хабитат).

Города – международные центры влияния в международном переговорном процессе

Согласно предлагаемому автором подходу, различные категории крупных городов (мегаполисов), тем или иным образом вовлечённых в глобальные процессы, не являются синонимичными и имеют существенные отличия. В то же время понятия «мировой город», «глобальный город», «международный город» можно объединить общим термином – «город – международный центр влияния», который трактуется как мегаполис, вовлечённый в международные процессы и играющий значимую роль в глобальной сети городов (Колыхалов 2022).

Города – международные центры влияния формируют транснациональную городскую сеть и осуществляют международные взаимодействия «поверх» национальных границ. Исследователи отмечают, что «наиболее важным является определение роли мегаполисов в многосторонней дипломатии городов в поле внешнеторговых или локально-политических процессов»⁶.

Важнейшим инструментом многосторонней дипломатии городов – международных центров влияния служит «Ассоциация Метрополио», которая является отдельной секцией в ОГМВ. «Ассоциация Метрополио» выражает интересы мегаполисов на международной арене, взаимодействуя со специализированными учреждениями ООН, Всемирной торговой организацией, иными структурами международного сотрудничества⁷.

По состоянию на 2023 г. участниками «Ассоциации Метрополио» были 147 крупнейших мегаполисов мира⁸. Для осуществления переговорного процесса Ассоциация организует ряд мероприятий для городских лидеров: всемирные конгрессы (раз в три года), а также ежегодные собрания, которые являются механизмами для обсуждения и принятия ключевых политических решений, формирования общих деклараций и посланий международным организациям⁹. В данных мероприятиях участвуют представители региональных и центральных властей, международных неправительственных организаций, научных и образовательных организаций, частного сектора, что свидетельствует о *многоуровневом характере данного переговорного процесса*¹⁰.

⁵ Конференция Хабитат-III. Организация Объединённых Наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/habitat3/> (дата обращения: 25.08.2024).

⁶ Савкин Д.А. 2010. *Глобальный город как актор мировой политики*. Дисс. канд. полит. наук. СПбГУ. С. 77.

⁷ Our work. *Metropolis*. URL: <https://www.metropolis.org/our-work> (accessed 25.08.2024).

⁸ Members. *Metropolis*. URL: <https://www.metropolis.org/members-list> (accessed 25.08.2024).

⁹ Congresses & Annual Meetings. *Metropolis*. URL: <https://www.metropolis.org/world-congress> (accessed 25.08.2024).

¹⁰ Montréal Declaration: 140 mayors express commitment to Paris goals. *EnviroNews Nigeria*. 23.06.2017. URL: <https://www.environewsnigeria.com/montreal-declaration-140-mayors-express-commitment-paris-goals/> (accessed 25.08.2024).

Таким образом, мегаполисы играют особую роль в международном переговорном процессе, формируя транснациональную городскую сеть. Их интересы на международной арене представляет «Ассоциация Метрополио», в рамках которой существуют механизмы многосторонних переговоров городов, осуществляемые преимущественно в многоуровневом формате.

Двусторонние международные переговоры городов

Этот классический формат международных переговоров активно проявляет себя в процессах формирования и развития побратимских связей городов. Побратимство как инструмент дипломатии городов зародилось в годы Второй мировой войны, в первую очередь, в целях взаимной поддержки крупных городов, подвергнувшихся существенным разрушениям. В дальнейшем данное движение продолжило развиваться, значительное число муниципалитетов стали устанавливать побратимские связи с городами других государств (Саямов 2021: 77).

Цели двусторонних отношений между местными органами власти могут быть различными: содействие развитию городов в развивающихся странах, пропаганда передовых практик, распространение ценностей, культурный, социальный или экономический обмен (Маркетти 2022: 88). Создавать и развивать партнёрские связи между городами призвана Международная организация городов-побратимов¹¹. В настоящее время в ней участвуют более 2500 городов в 134 странах мира (Саямов 2021: 78).

Международные переговоры городов-побратимов реализуются в двустороннем формате с акцентом на гуманитарное сотрудничество, взаимодействие в социально-экономической, научно-образовательной и культурной сферах. Этот вид международного взаимодействия осуществляется инструментами публичной дипломатии ввиду отсутствия участия официальных представителей центральных властей¹².

В условиях активной фазы противостояния ведущих мировых держав международные переговоры городов могут оказываться важным форматом осуществления международного взаимодействия данных стран. Так, 2 марта 2022 г., после начала специальной военной операции России на Украине, президент и генеральный директор международной организации «Породнённые города» Лерой Р. Аллала обратился к американским городам — участникам побратимского движения и призвал американские города не разрывать и не приостанавливать отношения с российскими городами-партнёрами, подчеркнув, что политика организации «направлена на то, чтобы призывать членов нашей

¹¹ *Sister Cities International (SCI)*. URL: <https://sistercities.org/> (accessed 25.08.2024).

¹² Савкин Д.А. 2010. *Глобальный город как актор мировой политики*. Дисс. канд. полит. наук. СПбГУ. С. 89.

организации и городские сообщества США поддерживать активные отношения между городами-побратимами, особенно сейчас, когда политические проблемы и сиюминутные действия угрожают разрушить те позитивные, конструктивные отношения, которые действовали между обычными людьми и сообществами на протяжении многих лет»¹³.

Таким образом, двусторонние международные переговоры городов осуществляются на основе института побратимства, преимущественно инструментами публичной дипломатии. Это, в свою очередь, обуславливает специфику предмета переговоров с акцентом на социально-экономическую, культурную и гуманитарную сферы. В условиях противоборства ведущих мировых держав на мировой арене международные переговоры городов позволяют поддерживать международное взаимодействие конфликтующих государств, как минимум, в отдельных сферах.

Соотношение позиций города и национального государства

С одной стороны, городские власти не являются в строгом смысле государственными структурами, с другой стороны, они связаны необходимостью следовать общегосударственной линии, в том числе в международных связях. Кроме того, вопросы международной деятельности муниципалитетов иногда не полностью урегулированы законодательно. В результате, как отмечают исследователи, субнациональные территориальные образования, в том числе муниципалитеты, имеют смешанный государственно-негосударственный статус (Артеев 2017: 94–95).

В рамках бюрократической концепции города рассматриваются как неотъемлемые части государства, административно-территориальные единицы государственного устройства, в то же время демократическая концепция признаёт за городами самостоятельность и автономность, основанную на выборном характере местных властей, являющихся, таким образом, полусуверенными демократическими образованиями (Маркетти 2022: 79–80).

Как следствие, при осуществлении международных переговоров городов, в зависимости от «степени свободы» во взаимоотношениях центр – субгосударственные территориальные образования, от уровня экономического и политического влияния города, а также от позиции главы местной администрации, возможны ситуации, когда позиция городских властей будет отличаться от позиции государства.

С одной стороны, влияние внешней политики государства на международную деятельность городов очевидно: так, из-за ухудшения двусторонних отношений России с Украиной и странами Запада был расторгнут ряд соглашений

¹³ Sieloff S. 2022. U.S. 'Sister Cities' Sever Relationships to Counterparts in Russia. *Bloomberg*. 04.03.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-04/how-u-s-cities-are-taking-sides-on-ukraine> (accessed 25.08.2024).

о побратимстве (например, Москвы с Вильнюсом, Варшавой, Чикаго, Таллинном)¹⁴. С другой стороны, можно привести и ряд примеров реализации относительно независимой политики городов во внешних сношениях, подтверждающих тезис о вариативности соотношения городской политики и позиции национального государства.

Показательными примерами значительных разногласий такого рода являются кейсы взаимодействия Лондон – Каракас и Стамбул – Сараево. В 2006 г. мэр Лондона Кен Ливингстон вместе с президентом Венесуэлы Уго Чавесом выдвинули план межгородского обмена: Лондон должен был активно продвигать положительный имидж Венесуэлы в Великобритании в обмен на сделку по субсидированию поставок топлива для лондонских автобусов. Данный план противоречил политике правительства Соединённого Королевства в отношении Венесуэлы, однако отсутствовали конституционные нормы, которые позволяли бы его запретить (как, впрочем, и недвусмысленно обосновать его допустимость). В случае с Сараево, во время визита в Боснию и Герцеговину в 2018 г. мэр Стамбула не стал встречаться с мэром Сараево из-за принадлежности последнего к политической партии, поддерживавшей тесные отношения с оппозиционной для мэра Стамбула турецкой партией (Маркетти 2022: 99–100).

Ряд городов – международных центров влияния, чтобы приобрести больше свободы во внешних сношениях, создают дочерние полугосударственные структуры для обсуждения и решения экономических, социальных, а также политических вопросов. В качестве примера можно привести *New York City Global Partners, Inc.* – некоммерческую организацию, связанную с бюро по международным делам мэрии Нью-Йорка, программу «Международный альянс» администрации Торонто, специализированные агентства Милана (*Eventing Milan*) и Лондона (*London & Partners*) (Маркетти 2022: 96).

Следует отметить ряд *актуальных тенденций* эволюции участия городов в международном переговорном процессе. Во-первых, под влиянием цифровизации расширяется практика проведения переговоров городов в дистанционном формате с использованием информационно-коммуникационных технологий (Сапо, Ваена 2013, 2015). Кроме того, цифровые технологии позволяют более качественно осуществлять подготовку к переговорам и анализировать их ход, в частности, на основе изучения открытых данных выявлять отношение населения муниципалитетов-контрагентов к переговорной проблематике (Лебедева, Зиновьева 2023: 150–151). Во-вторых, меняется вектор развития института побратимства, который во многом выступает основой международного переговорного процесса городов: происходит существенная деградация взаимодействия по направлению Россия – Запад, однако активизировалось развитие побратим-

¹⁴ Асадчий А. 2022. Брат ты мне или не брат. *Коммерсантъ*. 08.03.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249903> (дата обращения: 25.08.2024).

ских отношений городов России с городами Китайской Народной Республики, стран БРИКС, Ближнего Востока, постсоветского пространства, а также Африканского континента¹⁵.

Заключение

В условиях продолжающейся трансформации мировой политической системы, несмотря на растущее количество вооружённых конфликтов, которые вызваны стремлением государств и иных акторов мировой политики достигнуть своих целей военной силой, устойчивая новая политическая организация мира может быть сформирована только на основе переговорного процесса. В этих условиях международные переговоры городов играют важную роль, поскольку в городах – международных центрах влияния сосредоточены значительная часть населения мира, большинство экономических, финансовых, а также политических ресурсов. Кроме того, в условиях активной фазы противостояния ведущих мировых держав международные переговоры городов подчас становятся важным форматом осуществления полуофициального международного взаимодействия конфликтующих стран.

В результате исследования выявлена существенная специфика международных переговоров городов: они проводятся в основном в многостороннем и многоуровневом формате, с участием как представителей региональных и центральных властей, так и бизнеса, научных сообществ и акторов гражданского общества, что обуславливается смешанным государственно-негосударственным статусом городов. Позиция городов во внешних сношениях может существенным образом отличаться от позиции государства, в зависимости от «степени свободы» во взаимоотношениях центр – субгосударственные территориальные образования, от уровня экономического и политического влияния города и от позиции лидера городских властей. Ряд городов – международных центров влияния для участия в международном переговорном процессе создали полугосударственные некоммерческие структуры, обладающие ещё большей свободой действий и степенью автономии от позиции центральных властей.

С целью осуществления международных переговоров городов, для формирования единых подходов и позиции по актуальным вопросам международной повестки создан ряд институтов и механизмов, которые ввиду большого количества участников и сложности согласования их позиции отличаются многоуровневостью и включают в себя несколько форматов деятельности. Так, Всемирная организация объединённых городов и местных властей, которая

¹⁵ См., например: О подписании Соглашения об установлении побратимских связей между Нижним Новгородом и Браззавилем. *Посольство Российской Федерации в Республике Конго*. 27.07.2023. URL: https://congo.mid.ru/ru/embassy/news/o_podpisanii_soglasheniya_ob_ustanovlenii_pobratimskikh_svyazey_mezhdu_nizhnem_novgorodom_i_brazzavi/ (дата обращения: 25.08.2024).

является крупнейшей в мире организацией международного сотрудничества муниципалитетов, имеет механизм координации и консультаций позиций городов, а также механизм выработки единых политических решений. Кроме того, существуют механизмы взаимодействия городов с международными межправительственными организациями и транслирования предпочтений городов в их повестку.

Для двусторонних переговоров городов, осуществляющихся на основе института побратимства, характерен фокус на гуманитарной сфере, научно-образовательных и культурных направлениях сотрудничества. Данные связи поддерживаются инструментами публичной дипломатии, так как задействуют, в том числе, широкий круг негосударственных акторов.

Следует отметить особую роль в международном переговорном процессе мегаполисов, которые формируют транснациональную городскую сеть и реализуют свою «внешнюю» стратегию с использованием дочерних полугосударственных структур. На глобальном уровне мегаполисы представлены «Ассоциацией Метрополио», которая выступает ещё одним примером многосторонних переговоров городов.

Наконец, заметной тенденцией в международных переговорах городов становится всё более активное использование цифровых технологий для проведения переговоров в дистанционном формате, а также для анализа переговоров. Другой актуальной тенденцией является трансформация структуры института побратимства ввиду существенной деградации взаимодействия по направлению Россия – Запад, что компенсируется развитием побратимских связей российских городов с городами стран «мирового большинства».

Об авторе:

Максим Игоревич Колыхалов — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и отраслевых политик Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СИУ РАНХиГС). 630102, Россия, Новосибирск, Нижегородская ул., 6. ORCID: 0000-0002-3137-1889. E-mail: maxim_kolykhalov@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.3:352.07
Received: October 02, 2023
Accepted: February 15, 2024

Characteristics and Emerging Trends in International City Negotiations

 M.I. Kolykhalov
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-121-135](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-121-135)

Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (SIU RANEPa)

Abstract: The article examines key features, main directions, and current trends in international negotiations between subnational territorial units using the example of cities. In today's world, where the global political system is undergoing epochal change, the international activities of non-governmental and subnational actors, including their participation in international negotiations, have intensified. One of the key features of international city negotiations is that they occur mainly in a multilevel and multilateral format. This is due to the hybrid nature of cities, which are both state and non-state entities. The balance of power between cities and states in international relations depends on factors such as the degree of autonomy granted to sub-national units by the central government, as well as the level of economic and political influence held by cities. Sometimes, the position of a city may differ significantly from that of the state it belongs to. At the international level, there are several specialized institutions and mechanisms that allow cities to coordinate their positions and develop common approaches. These include the World Association of United Cities and Local Authorities, the World Assembly of Local and Regional Authorities, and the Metropolis Association. The main topics of today's multilateral negotiations between cities include combating climate change, ensuring protection from natural disasters, promoting the rights of migrants and other displaced people, and fostering innovation in urban environment and governance. In contrast, bilateral negotiations between cities, based on the institution of sister cities, focus more on the humanitarian, scientific, educational, and cultural spheres of cooperation. Finally, current trends in international city negotiations include the increasing use of digital technologies and the geographical reorientation of Russian cities' partnerships towards the countries of the "global majority."

Keywords: city – international center of influence, hybrid actors, international negotiation process, metropolis, multi-level negotiations

About the author:

Maxim I. Kolykhalov – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor of the Department of Public Administration and Industry Policy, Siberian Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (SIU RANEPa). 6 Nizhegorodskaya st., Novosibirsk, Russia, 630102. ORCID: 0000-0002-3137-1889. E-mail: maxim_kolykhalov@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Acuto M. 2013. *Global Cities, Governance and Diplomacy: The Urban Link*. Abingdon; New York: Routledge. 220 p.
- Cano J.A., Baena J.J. 2013. Retos en la implementación de las TIC para el proceso de negociación internacional. *Cuadernos de Administración*. 29(50). P. 153–163. DOI: 10.25100/cdea.v29i50.51 (In Spanish).
- Cano J.A., Baena J.J. 2015. Impact of Information and Communication Technologies in International Negotiation Performance. *Revista Brasileira de Gestão de Negócios*. 17(54). P. 751–768. DOI: 10.7819/rbgn.v17i54.1901
- Cohen R. 1991. *Negotiating across Cultures: Communication Obstacles in International Diplomacy*. New York: United States Institute of Peace Press. 193 p.
- Kremenyuk V.A. (ed.) 2013. *International Negotiation: Analysis, Approaches, Issues (2nd ed)*. San Francisco, CA: Jossey-Bass. 2013. 592 p.
- Kremenyuk V.A. 2011. Ideal Negotiator: A Personal Formula for the New International System. *Psychological and Political Strategies for Peace Negotiation: A Cognitive Approach*. Ed. by F. Aquilar, M. Galluccio. New York: Springer. P. 175–187. DOI: 10.1007/978-1-4419-7430-3_11
- Mautner-Markhof F. (ed.) 2019. *Processes of International Negotiations*. London and New York: Routledge. 554 p.
- Tavares R. 2016. *Paradiplomacy: Cities and States as Global Players*. New York: Oxford University Press. 272 p.
- Zartman W., Kremenyuk V. (eds.) 2005. *Peace versus Justice: Negotiating Forward - and Backward-Looking Outcomes*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield. 360 p.
- Zimmermann M. 2009. Local Governments in International Negotiations. *Environmental Policy and Law*. 39(2). P. 92–96.
- Arteev S. P. 2017. Teoreticheskie aspekty dejatel'nosti subgosudarstvennyh aktorov mezhdunarodnyh otnoshenij [Theoretical Aspects of the Activities of Substate Actors in International Relations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. №419. P. 93–98. DOI: 10.17223/15617793/419/12. (In Russian).
- Israeli V.L. 1988. *Tekhnologiiia dvustoronnikh i mnogostoronnikh peregovorov* [Technology of Bilateral and Multilateral Negotiations]. Moscow: Diplomaticheskaja Akademiia MID SSSR. 67 p. (In Russian).
- Khrustalev M.A. 2004. Metodologija analiza mezhdunarodnykh peregovorov [Methodology for the Analysis of International Negotiations]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2(3). P. 64–78. (In Russian).
- Kokoshin A.A., Kremenyuk V.A., Sergeev V.M. 1998. Voprosy issledovaniia mezhdunarodnykh peregovorov [Issues in the Study of International Negotiations]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. №10. P. 3–13. (In Russian).
- Kolykhalov M. I. 2022a. Osnovnye issledovatel'skie podhody, tendencii i sovremennye fenomeny koncepcii global'nyh gorodov [Basic Research Approaches, Trends and Contemporary Phenomena of the Concept of Global Cities]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 12(5). P. 1686–1696. DOI: 10.35775/PSI.2022.86.5.017 (In Russian).
- Kolykhalov M.I. 2022b. Teoreticheskie aspekty mezhdunarodnoi deiatel'nosti megapolisov v transnatsional'noi gorodskoi seti [Theoretical Aspects of the International Relations of Megacities in the Transnational Urban Network]. *Regionologija*. 30(4). P. 961–979. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979 (In Russian).

Kolykhalov M.I. 2023. Istoricheskie korni i etapy razvitiia mezhdunarodnoi deiatel'nosti gorodov, ikh vklad v formirovanie sovremennykh diplomaticheskikh printsipov i institutov [Historical Roots and Stages of Development of International Activity of Cities, Their Contribution to the Formation of Modern Diplomatic Principles and Institutions]. *Vlast'*. 31(2). P. 130–138. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9550 (In Russian).

Kremenyuk V.A. 2001. Novye issledovaniia mezhdunarodnykh peregovorov [New Studies of International Negotiations]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. №12. P. 100–106. DOI: 10.20542/0131-2227-2001-12-100-106 (In Russian).

Lebedeva M.M. 1993. *Vam predstoiat peregovory* [You Have Negotiations Approaching]. Moscow: Ekonomika. 156 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2016. Sistema politicheskoi organizatsii mira: «Ideal'nyi shtorm» [System of Political Organization of the World: “Perfect Storm”]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144 (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017. *Tekhnologiia vedeniia mezhdunarodnykh peregovorov* [How to Conduct International Negotiations]. Moscow: Aspect Press. 208 p. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2020. Mezhdunarodnye peregovory kak sotsial'nyi i gumanitarnyi resurs v mirovoi politike [International Negotiations as a Social and Humanitarian Resource in World Politics]. *Politicheskaiia nauka*. №3. P. 98–113. DOI: 10.31249/poln/2020.03.05 (In Russian).

Lebedeva M.M., Zinovieva E.S. 2023. Spetsifika mezhdunarodnykh peregovorov v epokhu tsifrovizatsii [International Negotiations in the Digital Age]. *Vestnik RUDN. International Relations*. 23(1). P. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156 (In Russian).

Marchetti R. 2022. *Diplomatiia gorodov* [Diplomacy of Cities]. Moscow: Knorus. 154 p. (In Russian).

Sayamov Yu.N. 2021. Diplomatiia gorodov i sviazi gorodov-pobratimov kak chast' narodnoi diplomatii i elementy mezhdunarodnykh otnoshenii [Diplomacy of Cities and Connections between Sister Cities as Part of Public Diplomacy and an Element of International Relations]. *Pobratimstvo gorodov: sostoianie, vozmozhnosti razvitiia, vyzovy, priority: mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia*. Tyumen: Tyumen State University Press. P. 71–80. (In Russian).

Sergeev V.M. 1999. *Demokratiia kak peregovornyi protsess* [Democracy as a Negotiation Process]. Moscow: MONF. 146 p. (In Russian).

Tyulin I.G., Khrustalev M.A. (eds.) 1981. *Voprosy modelirovaniia mnogostoronnikh diplomaticheskikh peregovorov* [Issues in the Modelling of Multilateral Diplomatic Negotiations]. Moscow: MGIMO. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Артеев С.П. 2017. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений. *Вестник Томского государственного университета*. №419. С. 93–98. DOI: 10.17223/15617793/419/12.

Израэлян В.Л. 1988. *Технология двусторонних и многосторонних переговоров*. Москва: Дипломатическая академия МИД СССР. 67 с.

Кокошин А.А., Кременюк В.А., Сергеев В.М. 1988. Вопросы исследования международных переговоров. *Мировая экономика и международные отношения*. №10. С. 3–13.

Кольхалов М.И. 2022а. Основные исследовательские подходы, тенденции и современные феномены концепции глобальных городов. *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 12(5). С. 1686–1696. DOI: 10.35775/PSI.2022.86.5.017

Колыхалов М.И. 2022b. Теоретические аспекты международной деятельности мегаполисов в транснациональной городской сети. *Регионоведение*. 30(4). С. 961–979. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979

Колыхалов М.И. 2023. Исторические корни и этапы развития международной деятельности городов, их вклад в формирование современных дипломатических принципов и институтов. *Власть*. 31(2). С. 130–138. DOI: 10.31171/vlast.v31i2.9550

Кременюк В.А. 2001. Новые исследования международных переговоров. *Мировая экономика и международные отношения*. №12. С. 100–106. DOI: 10.20542/0131-2227-2001-12-100-106

Лебедева М.М. 1993. *Вам предстоят переговоры*. Москва: Экономика. 156 с.

Лебедева М.М. 2016. Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО-Университета*. 2(47). С. 125–133. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-134-144

Лебедева М.М. 2017. *Технология ведения международных переговоров*. Москва: «Аспект Пресс». 208 с.

Лебедева М.М. 2020. Международные переговоры как социальный и гуманитарный ресурс в мировой политике. *Политическая наука*. №3. С. 98–113. DOI: 10.31249/poln/2020.03.05

Лебедева М.М., Зиновьева Е.С. 2023. Специфика международных переговоров в эпоху цифровизации. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 23(1). С. 144–156. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-1-144-156

Маркетти Р. 2022. *Дипломатия городов*. Москва: КноРус. 154 с.

Саямов Ю.Н. 2021. Дипломатия городов и связи городов-побратимов как часть народной дипломатии и элементы международных отношений. *Побратимство городов: состояние, возможности развития, вызовы, приоритеты: международная научно-практическая конференция*. Тюмень: Изд-во ТюмГУ. С. 71–80.

Сергеев В.М. 1999. *Демократия как переговорный процесс*. Москва: МОНФ. 146 с.

Тюлин И.Г., Хрусталёв М.А. (ред.) 1981. *Вопросы моделирования многосторонних дипломатических переговоров*. Москва: МГИМО.

Хрусталёв М.А. 2004. Методология анализа международных переговоров. *Международные процессы*. 2(3). С. 64–78.

The Promise and Failure of Israeli-Palestinian Peace Process in 1990s: A Literature Review

Vladimir Morozov¹, Ekaterina Shebalina¹, Sofia Melnikova^{1,2}

¹ MGIMO University

² Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: In 2023, the world marked 30 years since the start of the Oslo process, which sought to resolve the Israeli-Palestinian conflict. Given the ultimate breakdown of these negotiations, it is crucial to examine the evolution of academic research on this process, identifying its key themes and trends. This literature review focuses on both empirical and theoretical studies of the Oslo process, with a particular emphasis on research that investigates the reasons behind its failure. Such studies provide valuable insights for developing more effective models of negotiation and conflict resolution. Initially, the commencement of the Oslo negotiations was met with optimism in the academic community, with scholars highlighting the pivotal role of individual leaders in successfully launching the process. However, as the peace process faltered, the Israeli-Palestinian negotiations were analyzed through existing theoretical frameworks. Various scholars critically examined the Oslo Accords from the perspective of international law and highlighted economic factors that obstructed the path to a lasting peace. Other studies explored indirect influences on the peace process, such as public opinion and electoral dynamics, often employing Robert Putnam's "two-level games" theory. Nevertheless, these studies mainly address the immediate causes of the peace process's failure and do not fully account for the underlying motivations driving the behavior of actors in the negotiations. Research into the deeper causes of the Oslo process's collapse has highlighted socio-psychological barriers, such as the "conflict syndrome" and issues of ontological security. Scholars have investigated the roles of historical memory, collective trauma, and cultural identities in shaping negotiation outcomes. The rise of interdisciplinary approaches—combining insights from psychology, philosophy, and linguistics—has been essential for understanding the complex dimensions of this conflict. The diverse body of research and theories inspired by the Oslo peace process continues to influence the field of negotiation and conflict resolution studies, underscoring the enduring significance of this critical episode in diplomatic history.

Keywords: negotiation theory, Oslo Accords, protracted conflicts, ontological security, conflict syndrome, Israeli-Palestinian conflict, two-level games, Palestine Liberation Organization, Israel

UDC 327.56(569.4-076)

Received: October 12, 2023

Accepted: February 15, 2024

This year marks the 30th anniversary of the signing of the Oslo Accords, underscoring the importance of analyzing the evolution of scholarly assessments of the Palestinian-Israeli negotiation process—one of the most intricate cases in international politics. These negotiations have become a central focus in academic literature, particularly within the broader context of advancing theories of negotiation and conflict resolution since the signing of the Accords. The renewed escalation of the Palestinian-Israeli conflict in 2023 further emphasizes the critical need for scholarly inquiry in this area. Such research is essential for understanding the changing dynamics of the conflict, identifying emerging challenges, and providing nuanced perspectives that can inform policy responses and contribute to sustainable solutions amidst the region's heightened tensions.

Analyzing this body of research can shed light on how theoretical frameworks influence case studies and whether they enhance the understanding of specific negotiation contexts. The scholarly exploration of the Israeli-Palestinian negotiations has evolved in tandem with the peace process itself, heavily influenced by the unfolding trajectory of the conflict. Newly uncovered or gradually revealed data related to the conflict has enabled the academic community to revisit well-known events from alternative perspectives. Moreover, the development of new concepts and methodologies in conflict resolution, negotiation studies, and international relations in recent years has both required and facilitated a reexamination of the peace process through a more contemporary lens.

The Palestinian-Israeli peace process involves a multifaceted range of negotiation efforts, making it a complex subject of study. This research does not aim to provide a comprehensive overview of the entire scholarly trajectory surrounding the peace process or the numerous methodologies used to analyze it, given the breadth and depth of available literature. Instead, the article focuses specifically on works that are fully or partially devoted to the Oslo process and its consequences. The selected works are categorized into three distinct groups. The first group includes studies that delve into specific features of the Oslo negotiations, such as their strategic dynamics, key actors, and negotiation tactics. The second group consists of research that situates the Palestinian-Israeli peace process, particularly the Oslo negotiations, within the broader field of negotiation studies, thereby contributing to the development of general theories on negotiation and conflict resolution. The third group encompasses studies that critically examine the underlying causes behind the eventual failure of the Oslo negotiations.

The primary objective of this article is to identify prevailing trends within the research on this topic and to highlight the most influential theoretical frameworks employed. The analysis does not attempt to cover all studies related to the Oslo process or provide an exhaustive account of the diverse theoretical approaches in the field. Moreover, as a comprehensive review of Russian-language literature on the Israeli-Palestinian negotiation process has been effectively conducted by A.V. Gofman in his

article, “*The Oslo Accords as an Attempt to Settle the Palestinian-Israeli Conflict: Historiographic Aspect*” (Gofman 2017), this review focuses predominantly on English-language scholarly articles and monographs.

The Oslo process itself has been extensively analyzed in academic literature from various perspectives. Scholars have explored its historical context, the role of political leaders, the influence of international actors, and the legal and economic frameworks underpinning the negotiations. For instance, some studies focus on the micro-level dynamics of the negotiation process, such as the importance of trust-building measures and the strategic decisions made by key negotiators (Smith 2014). Others examine macro-level factors, such as international law and the structural conditions that shaped the peace process, including geopolitical considerations and the impact of third-party mediation efforts (Brown 2008; Miller 2012).

Additionally, there is a significant body of literature that seeks to understand the failure of the Oslo process by analyzing the deeper socio-psychological and structural barriers that prevented a lasting resolution. These studies often highlight the role of historical narratives, collective trauma, and issues of *ontological security* — the need for a sense of continuity and identity in conflict situations (Mitzen 2006; Kelman 2007). They argue that such factors created profound psychological and cultural obstacles that could not be easily overcome through negotiation alone.

Another critical area of research focuses on the intersection of negotiation strategies and political realities. Scholars have drawn on theories such as Robert Putnam’s “two-level games” to illustrate how domestic political constraints and international negotiations are interconnected, revealing how internal pressures and public opinion shaped the decision-making of Israeli and Palestinian leaders (Putnam 1988). This approach provides a nuanced understanding of why certain negotiation tactics were employed and how they ultimately influenced the peace process’s outcomes.

The interdisciplinary nature of recent research has been particularly valuable in advancing the understanding of the Oslo process. By integrating insights from psychology, philosophy, and linguistics, scholars have been able to develop more comprehensive frameworks that account for the complexity of the conflict. This trend reflects a broader shift in the field of conflict resolution studies, where single-discipline approaches are increasingly seen as inadequate for capturing the multifaceted nature of protracted conflicts like the Israeli-Palestinian one (Lederach 1997; Bercovitch and Jackson 2009).

Specific characteristics of the negotiation process

The early 1990s were marked by a renewed hope for resolving the ongoing crisis. This sense of optimism culminated in the Oslo peace process, which led to the conclusion of two agreements, Oslo I and Oslo II, in 1993 and 1995, respectively. These agreements, brokered under the auspices of Norway, were the result of secret negotiations between the parties involved. On September 13, 1993, in Washington, D.C.,

the “Declaration of Principles on Interim Self-Government Measures” was signed on the White House lawn, witnessed by the President of the United States and the Russian Foreign Minister.¹ The Declaration focused on several key issues, including elections in the West Bank and Gaza Strip, the withdrawal of Israeli troops from parts of the occupied territories—primarily from the Gaza Strip and the area around Jericho — and the initiation of negotiations. The agreement stipulated that within two years of its signing, the question of the permanent status of the West Bank and Gaza Strip would be addressed. These final status negotiations were expected to tackle core issues such as the status of Jerusalem, refugees, settlements, and security arrangements. However, the negotiations quickly stalled when it became apparent that each side interpreted the agreement as a foundation for pursuing opposing objectives. Israel viewed the agreements as an opportunity to integrate Jerusalem into the Jewish state while preserving settlements in Judea, Samaria, and the Gaza Strip. In contrast, the Palestinian leader Yasser Arafat saw the agreement as a victory in the struggle for national liberation, envisioning the creation of a sovereign state with East Jerusalem as its capital and the complete removal of Israeli settlements. Consequently, the international community began to question the effectiveness of the Oslo Accords in achieving a lasting settlement.

Examining the peace process by addressing individual issues — such as the status of Jerusalem², the rights of refugees, security arrangements, territorial disputes, and the achievement and negotiation of Israeli-Palestinian mutual recognition (Singer 2021), as well as its significance for each party and its definition from the perspective of international law (Arzt, Zughuib 1992) — has contributed to a deeper understanding of the peace process.

A substantial body of academic literature investigates *the reasons behind the successful initiation* of direct Israeli-Palestinian negotiations in the early 1990s (Shlaim 2005). The nature of the Oslo Accords has been effectively examined through the lens of the historical context that framed the negotiations, as explored in various analytical works (see, e.g., Chomsky 2017).

Some researchers attribute the successful initiation of negotiations to *the impact of individual personalities* on the negotiation process. Reflecting the trend of studying the role of key figures in negotiations, scholars have particularly focused on the influence of Israeli Prime Minister Yitzhak Rabin (1992–1995) and Palestinian leader Yasser Arafat on the course of the negotiations in Norway. Rabin’s professional trajectory and the evolution of his views regarding negotiations with the Palestinians, including the possibility and scope of territorial concessions, have been subjects of significant

¹ The Oslo Accords and the Arab-Israeli Peace Process. *Department of State Office of the Historian*. URL: <https://history.state.gov/milestones/1993-2000/oslo> (accessed 20.08.2024).

² Mustafa F.H. 2005. Problema Ierusalima v protsesse politicheskogo uregulirovaniia na Blizhnem Vostoke (1947–2004) [The Problem of Jerusalem in the Political Settlement in the Middle East (1947–2004)]. Ph.D. diss., RUDN University, Moscow. (In Russian).

interest (Makovsky 1996). Additionally, the analysis of the actions of Shimon Peres and Mahmoud Abbas, as well as their widely recognized memoirs detailing the peace negotiations of the early 1990s (Peres 1995; Abbas 1997), forms a substantial part of this thematic block (Weiner 1996: 667–704).

A significant and widely studied issue in the early 2000s was the role of mediators in conflict resolution. The secret negotiations between the Palestinian and Israeli sides in the 1990s, facilitated with the support of Norway (Jones 1999), continued to attract scholarly attention over the years. The effectiveness of the United States as an impartial mediator has been critically examined, with various studies questioning this role (Sanders 1999; Lasensky 2004).

Scientific studies focusing on the resolution of interstate conflicts involving non-state actors (Pearlman, Cunningham 2012) have provided new perspectives on the negotiation processes of the 1990s (Barak 2005). Research on asymmetric conflicts has led the academic community to conclude that applying standard templates for resolving interstate conflicts to different types of conflicts often fails to yield long-term positive outcomes. The Oslo negotiation process was an example of such a “different type of conflict” (Lustick 1997), as it would become evident by the mid-2000s.

Oslo Accords in the theory of negotiations and conflict resolution

The Oslo Accords represent a pivotal development in the field of negotiations and conflict resolution. This landmark agreement underscored the effectiveness of dialogue and diplomacy in addressing entrenched conflicts. By highlighting the importance of direct negotiations and mutual recognition, the Accords have become a prominent case study for scholars and practitioners, illustrating the complexities and challenges of negotiating peace in protracted conflicts. The Accords have significantly influenced subsequent negotiation efforts, providing a framework for understanding the delicate balance necessary for sustainable and equitable resolutions. Despite its difficulties and setbacks, the Oslo Accords continue to serve as a crucial reference point in the discussions on conflict resolution, offering insights into the complex dynamics of fostering understanding and cooperation between conflicting parties.

Some studies have contributed to the broader field of negotiation theory through an analysis of the Palestinian-Israeli peace process, particularly the Oslo process. These studies have advanced the understanding of negotiations by exploring concepts such as the zero-sum game and examining the relationship between theoretical frameworks and practical applications (Kibrik 2016).

In 1997, a special issue of *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice* was dedicated to examining the Oslo negotiations from multiple perspectives. This issue featured analytical works that made significant contributions to both the development of negotiation theory and the understanding of the Oslo peace process. Key contributions included essays on topics such as the communication system (Carcasson,

Putnam 1997), conflict management (Bercovitch 1997), and the roles of secrecy, the setting, the status of the initial participants, the nature of the third party, and the mediation process (Kelman 1997).

In his article “Explaining Oslo,” William Zartman employs ripeness theory to elucidate why Israel and the PLO were able to engage in direct negotiations. He also utilizes the theory of mediation to highlight the importance of seeking a settlement rather than a resolution, the effectiveness of a “weak” mediator as opposed to a “strong” one, and the nature of the resulting agreements (Zartman 1997).

Dean Pruitt’s study, “Ripeness Theory and the Oslo Talks,” is also grounded in Zartman’s theory of “ripeness.” According to this theory, conflict resolution is feasible only when the conflict has reached a certain stage of maturity or “ripeness” (Pruitt 1997), which refers to the point at which the parties recognize that maintaining the status quo incurs significant costs that they are unable to bear, leading them to perceive that reaching an agreement on relatively satisfactory terms for both sides is more advantageous (Zartman 2000).

Pruitt attributes the apparent success of the Oslo negotiations to the fact that all the necessary elements for achieving a positive outcome had reached a state of “ripeness.” According to his analysis, the parties to the conflict possessed significant motivation and optimism about the prospects of reaching a mutually acceptable agreement, which was further bolstered during the negotiations. He observes that mutual trust between the parties increased with each successive round of negotiations, a process that was also supported by the mediation efforts of the Norwegian side (Pruitt 1997).

Subsequent analyses of the Oslo talks also frequently employed negotiation theories, and vice versa. A notable example is the False Readiness (FR) theory, which was introduced through the examination of the Israeli-Palestinian peace process. This theory seeks to explain the repeated failures in resolving the conflict by focusing on prolonged negotiations that persist for decades without achieving peace agreements. The FR theory posits that the lack of a genuine commitment to resolving the conflict by any party inhibits the achievement of a successful outcome (Schwartz, Gilboa 2023).

Another example is the reassessment of Confidence Building Measures (CBMs) as a tool for conflict resolution through the lens of the Oslo Accords. The significance of CBMs is highlighted by the Oslo experience, as the lack of genuine commitment from both sides and the absence of a solid foundation for a lasting peace agreement led to the ineffectiveness of these measures during the initial stages of the negotiations. This contributed to the overall failure of the peace process, as discussed in the next section (Bzostek, Rogers 2014).

Among the various theories employed to enhance the understanding of the Oslo Accords was Relational Order Theory (Hoobler, Donohue 2002). This theory facilitated the analysis of the relational context that developed during the initial Oslo negotiations and helped determine whether this context influenced the parties' ability to engage in good-faith bargaining.

The analysis of negotiation strategies employed during the Oslo process is also a widely studied topic. For instance, Are Hovdenak's work, "Trading Refugees for Land and Symbols: The Palestinian-Israeli Negotiation Strategy in the Oslo Process," extensively examines the PLO's strategy concerning the refugee issue. Hovdenak argues that the PLO was prepared to forgo the right of return in exchange for territorial concessions from Israel. However, the lack of face-saving gestures from Israel prevented the PLO from publicly presenting its proposal (Hovdenak 2009).

A range of studies has examined indirect factors influencing the negotiation process, including the impact of public opinion on negotiations (Shamir, Shikaki 2005), electoral processes (Rynhold, Steinberg 2004), and the influence of domestic political characteristics and circumstances on negotiating positions, party strategies, and the tools of international pressure. These studies often draw on Robert Putnam's "two-level games" theory (Putnam 1988). For instance, the political shifts in Israel, including changes in the ruling party, led to frequent and radical changes in the country's foreign policy, which affected the pace and nature of the peace process with the Palestinians. Particular attention has also been given to analyzing the position, rhetoric, and policies of the Israeli coalition government led by Benjamin Netanyahu (1996–1999), which prioritized security and territorial guarantees over peace with the Palestinians. Similarly, the internal conflict between Hamas and Fatah in Palestine was seen as a significant factor contributing to the failure to establish peace (Lieberfeld 2008).

The reasons for the ultimate failure of negotiations

In the immediate aftermath of the Oslo I, much of the academic research conveyed a cautious optimism regarding the prospects for a future settlement. While the studies did not explicitly declare the inevitability of a comprehensive agreement, there was a prevailing belief that the creation of two states for two peoples was the only viable option for Israel if it intended to continue developing a prosperous and secure Jewish state. The agreements reached in Norway were largely regarded as a solid foundation for a future peace agreement (Hagopian 1997), with particular emphasis on the importance of mutual recognition and the potential for establishing a security regime acceptable to both sides³.

While the prevailing trend in the 1990s was a generally positive assessment of the ongoing negotiations, there were also several "prophetic" studies by leading political scientists and international experts that criticized the agreements reached. For instance, Edward Said highlighted the significant asymmetry in the concessions made by the parties, arguing that the extremely unsatisfactory outcomes for the Palestinians

³ Building Peace: The Israel-PLO Breakthrough (Part 2). *The Washington Institute for Near East Policy*. October 15, 1993. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/building-peace-israel-plo-breakthrough-part-ii> (accessed 20.08.2024).

would inevitably lead to the failure of the agreements (Said 1996: 3–21). Additionally, some articles criticized the Oslo process for undermining the Palestinian legal claim to sovereign statehood (Hagopian 1997). Other studies expressed skepticism about the agreements by analyzing internal divisions within both groups (Kriesberg 2000) and identifying active opposition to the accords among certain interest groups in Israel, Palestine, and the United States as a factor likely to hinder the success of the Oslo process (Lustick 1997).

By the late 1990s, it became evident that the Oslo process had reached an impasse, a development that was reflected in academic literature. Scholars began to explore the reasons behind the deadlock, and by the early 2000s, the majority of theoretical studies focused on identifying the causes of the Oslo process's failure (1993–1995) and the collapse of the Camp David summit (2000)⁴. Following the outbreak of the Intifada and the rising number of casualties, the optimism of the 1990s gave way to a reassessment of the agreements' outcomes and efforts to gauge the prospects for a new peace process (Zreik 2003).

In a significant number of analytical papers, scholars openly discuss the “end of the Oslo process”⁵. The peace process was often described as frozen or even no longer viable as a political reality, facing harsh criticism when reviewed from historical and theoretical perspectives (Barak 2005; Malik 2001). While some studies debated whether Israel or the Palestinians bore more responsibility for the collapse of the process, many others questioned whether the Oslo process failed due to improper implementation or because it was inherently flawed⁶.

A substantial body of research has focused on critiquing the Oslo Accords from the perspective of international law (Imseis 2000), analyzing the main provisions, structure, and phases of implementation. Scholars frequently highlight issues such as vague language, unclear timelines, unresolved key issues, and unbalanced concessions, with some arguing that the concessions made by the Palestinian side were significantly greater than those made by Israel (Malik 2001; Watson 2000). Furthermore, legal analyses of the Oslo Accords over time suggest that the prospects for achieving sustainable peace remain elusive (Falk 2017).

John Quigley provides an in-depth analysis of the failure of the 2000 negotiations in his comprehensive work, *The Case for Palestine: An International Law Perspective*. He attributes this failure to Israel's reluctance to negotiate based on established principles of international law. Quigley argues that over the past century, Israel has consistently

⁴ ICG. 2002. A Time to Lead: The International Community and the Israeli-Palestinian Conflict. *International Crisis Group*. Middle East Report N° 1. URL: <https://www.crisisgroup.org/sites/default/files/01-a-time-to-lead-the-international-community-and-the-israeli-palestinian-conflict.pdf> (accessed 20.08.2024). P. 3–12.

⁵ Lovatt H. 2020. The end of Oslo: A New European Strategy on Israel-Palestine. *European Council on Foreign Relations*. URL: <https://ecfr.eu/publication/the-end-of-oslo-a-new-european-strategy-on-israel-palestine/> (accessed 20.08.2024).

⁶ Rynhold J. 2008. The Failure of the Oslo/ Process: Inherently Flawed or Flawed Implementation? *The Begin-Sadat Center for Strategic Studies (Bar-Ilan University)*. Mideast Security and Policy Studies No. 76. URL: <https://besacenter.org/wp-content/uploads/2008/03/MSPS76.pdf> (accessed 20.08.2024).

ignored key principles of international law, particularly the right to self-determination, leading to a perpetually destructive cycle of conflict that ultimately doomed the Oslo process. He contends that Palestinians have a stronger legal claim to Jerusalem than Israelis, that Palestinian refugees should be repatriated to areas including those within Israel's borders, and that Israel should withdraw from territories occupied in 1967 (Quigley 2005).

Economic aspects have also garnered significant attention from researchers studying the Palestinian-Israeli negotiation process (Levine 1995). Several analysts, drawing on data from the IMF and the World Bank, observed that despite the clear emphasis in the Oslo Accords on the importance of fostering strong economic relations between Israel and the Palestinians, the socio-economic conditions in the Palestinian territories continued to deteriorate. This decline hindered the resumption of peace negotiations and indirectly contributed to the intensification of terrorist activities among the increasingly impoverished and radicalized Palestinian population (Dessus 2004).

The Oslo Accords underscored the significance of establishing a robust economic relationship between Israel and the Palestinians. The preamble to the economic agreement between Israel and the Palestine Liberation Organization (known as the "Protocol"), signed in April 1994 in Paris, explicitly states that both parties viewed the strengthening of economic ties as a crucial step toward achieving a just, lasting, and comprehensive peace. However, just a few years after the signing of the Paris Protocol, it became evident that the Palestinian economy was plunging into a deep crisis. This decline was exacerbated by Israel's stringent policies, particularly the severe restrictions on the number of Palestinians permitted to work in Israel, which were implemented in response to terrorist attacks by Palestinian extremists.

In the 1970s and 1980s, Palestinians constituted over 30% of the Israeli labor force; however, by 1996, this figure had plummeted to 7%. Consequently, the share of factor incomes from abroad in the GDP of the Palestinian Authority decreased from 35% to 6%. This abrupt structural shift in the economic relationship between the Palestinian and Israeli economies precipitated a severe economic crisis. Effective demand in the Palestinian economy declined sharply, and unemployment soared to 34% in the West Bank and Gaza by 1996 (Ibid).

Some works criticize the Oslo Accords for ignoring the stark disparity between the Israeli and Palestinian economies, which created an imbalance between the negotiating parties (Arnon, Spivak 1998). Others emphasize that Palestine's growing economic dependence on Israel following the agreements has undermined the viability of the two-state solution (Selby 2003).

In general, the failure of the Oslo agreements over the past decades has been attributed to various factors, including the absence of a clear negotiating direction, deficiencies in the agreements themselves, inadequate and incomplete implementation, and the disproportionate influence of domestic political agendas on leaders' foreign policy decisions. Additional reasons cited include the continued expansion of Jewish settlements near Jerusalem and in other areas of the occupied territories, as well as

significant violations of Palestinian rights. Some critiques also argue that the leadership of the Palestinian Authority failed to counteract the growing intolerance towards Jews that had developed over decades of conflict, did not foster the establishment of an open democratic political system, and neglected to advance the Palestinian economy (Kriesberg 2015).

The excessive influence of elite groups in the negotiations, the opposition from Israeli settlers who rejected the agreements, and the division within Israeli society between supporters and detractors of the accords (Krylov 2011) are also noted as significant factors affecting ultimate failure. Overall, the negotiation process is often characterized as superficial, demonstrative, and largely unproductive in achieving long-term peace and stability for both Israelis and Palestinians (Golan 2014).

In our view, while the aforementioned studies are certainly informative and effectively describe the events, they do not fully explain the underlying reasons behind the behavior of each side. In other words, despite being aware of the detrimental nature of their actions, both the authorities and the societies involved in the negotiations pursued steps that ultimately undermined the positive outcomes of the Oslo agreements. Therefore, we will now focus on studies that seek to elucidate the deeper motivations behind such behavior, as these insights are crucial for developing a more comprehensive theory of negotiations and conflict resolution.

In Robert Rothstein's work, *How Not to Make Peace: "Conflict Syndrome" and the Demise of the Oslo Accords*, the author introduces the concept of a "conflict syndrome," particularly prevalent in protracted conflicts. Arguing that the influence of this syndrome is frequently underestimated or even ignored, he characterizes the "conflict syndrome" as a collection of attitudes, biases, and prejudices that, after decades of violent conflict, become deeply ingrained within the power elites and societies of the conflicting parties. These entrenched perspectives are resistant to change, even in the aftermath of peace agreements or temporary truces⁷. While some elements of the syndrome may appear trivial, they collectively exert a significant impact on peace processes and shape the decisions of each side.

The primary outcome of the "conflict syndrome" is a persistent distrust that fosters a fear of deception, leading to minimal concessions and excessive demands from the opposing side. The prolonged and contentious relationship between Palestinians and Israelis serves as a quintessential example of the "conflict syndrome" in practice. Breaking the vicious cycle perpetuated by this syndrome can only be achieved by addressing and overcoming the mutual prejudices held by the parties involved. This mutual distrust is a fundamental factor contributing to the failure of peace negotiations (Abramov 2016).

⁷ Rothstein R.L. 2006. How not to make peace: "Conflict syndrome" and the demise of the Oslo accords. *United States Institute of Peace*. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/PWmarch2006.pdf> (accessed 20.08.2024).

“Radical disagreement” is another relatively recent concept developed to elucidate why various conflict resolution strategies fail to address or even identify the root causes of conflicts. Central to resolving protracted conflicts is the recognition of profound differences between the parties, which involves identifying the “critical distance” between their fundamental beliefs or “truths.” The core issue is not necessarily the manner in which negotiations are conducted, but rather the entrenched conviction of the parties that peaceful efforts will not alter their foundational beliefs. Instead, these efforts are perceived to merely reinforce their existing views and exacerbate the difficulty of reaching a resolution (Ramsbotham 2010). The Palestinian-Israeli conflict remains a prominent case for analyzing these concepts (Ramsbotham 2013).

An interesting topic is the study of historical aspects that influence the psychology of society and determine its behavior in conflicts and peace negotiations (Kelman 1999), and the study of how identities impact peace process, Oslo process, in particular (Ricarte 2023). Contemporary research highlights the significant role of collective memory of the Holocaust in perpetuating the intractable nature of the Palestinian-Israeli conflict. Some scholars argue that for Israeli society, the Palestinian-Israeli conflict, by creating a context in which Israelis maintain a dominant position, to some extent serves as a mechanism for addressing and processing the traumatic memories of the Holocaust (Wistrich 1997; Bar-On, Sarsar 2004; Achar 2010; Levanon 2021). The Holocaust has thus become, on one hand, a central element of Jewish identity and, on the other hand, a potent political instrument, influencing both internal dynamics within Israeli society and its external relations (Wistrich 1997). Meanwhile, according to Gert Krell, the origins of the persistent failure of the Palestinian-Israeli peace process, as well as the fundamental causes of the conflict itself, predate the era of Nazism and the Holocaust. He argues that Europe’s broader historical responsibility towards both Israelis and Palestinians is rooted in earlier phenomena such as European nationalism, anti-Semitism, colonialism, and imperialism, which adversely affected Jews and Arabs well before the 20th century⁸.

Research on ontological security (e.g., Steele 2008) offers an additional theoretical framework for analyzing Israeli-Palestinian negotiations. For instance, in his work “Ontological Security and the Israeli-Palestinian Peace Process: Between Unstable Conflict and Conflict in Resolution,” Amir Lupovici posits that international conflicts stem from social anxiety and fear, which are fundamental human emotions. He differentiates between fear and anxiety, defining anxiety as a general emotion that influences behavior, while fear is described as a response to specific threats. Lupovici argues that conflicts serve to manage existential anxieties by identifying specific threats, establishing meaning systems that clearly delineate friends from enemies, and setting moral

⁸ Krell G. 2015. *Shadows from the Past: The Nazi-Regime, the Holocaust, and Germany's Relationship towards the Israeli-Palestinian Conflict*. *Peace Research Institute Frankfurt*, Working Paper No. 26. URL: https://www.prif.org/fileadmin/HSEFK/hsefk_publicationen/PRIF_WP_26.pdf (accessed 20.08.2024).

standards that are defended, thereby fostering social cohesion. Although conflicts engender physical insecurity, they paradoxically contribute to a sense of ontological security by transforming public anxiety into fear of concrete threats, thereby providing meaning to human existence through the defense of one's way of life or value system. This process is reinforced by authorities through the mechanism of securitization, which enhances the perception of specific threats. Lupovici attributes the failure of the Palestinian-Israeli peace process to this social psychological dynamic, suggesting that a successful resolution would disrupt the "comfortable" psychological state of a well-defined enemy image (Lupovici 2015).

In the 1990s, theoretical studies examining the impact of moral and ethical norms on negotiators' behavior gained prominence, leading to the development of the so-called axiological approach. Currently, research into the role of values as a factor in the failure of the Palestinian-Israeli peace process has become even more prevalent. The Palestinian-Israeli conflict is frequently framed as a struggle over sacred values for both parties. These aspects of the conflict are notable because the loss of control over certain elements—such as security for Israelis or the sacred status of Jerusalem for both Palestinians and Israelis—cannot be compensated for financially, thereby complicating the situation from the perspectives of negotiation theory and conflict resolution theory (Sheikh, Ginges, Atran 2013). Additionally, several studies address religious issues within this context (Atran, Axelrod, Davis 2007; Reiter 2010).

A central concept within the axiological approach is that of "justice," as discussed in the seminal article "Negotiations as a Search for Justice," published in 1996 by five leading negotiation scholars (Jensen et al. 1996). This article is widely regarded as marking the inception of a new scholarly direction. In the context of the Palestinian-Israeli conflict, the issue of divergent perspectives on justice has recently received significant attention as a major impediment to achieving a peaceful resolution (Tapper, Sucharov 2019). Both Israelis and Palestinians perceive the world differently and have contrasting views on what constitutes a just world order. A key question posed within this framework is how each party currently perceives the problem, whether it is possible to alter their perceptions of reality, and whether these perceptions are reconcilable⁹.

Issues of justice and respect for human dignity are closely associated with the concept of transitional justice, which serves as a legal mechanism for addressing conflicts and reconciling with a shared traumatic past. Recent studies have explored the potential application of this mechanism to the Palestinian-Israeli conflict as a means of transforming and resolving the dispute. In this context, there have been proposals for establishing special commissions to investigate and document human rights violations on both sides (Bracka 2021).

⁹ Izydorczyk M. 2006. Security vs. Justice—Israel and Palestine: Diverging Perceptions of the Middle East Conflict since the Beginning of the Second Intifada and their Influence on the Peace Process. *The George C. Marshall European Center for Security Studies*. No. 004. URL: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/occasional-papers/security-vs-justice-israel-and-palestine-diverging-perceptions-middle-east-conflict-beginning-second> (accessed 20.08.2024).

In summary, the Palestinian-Israeli conflict exemplifies a deeply entrenched and protracted dispute rooted in conflicting identities. This situation arises when one side's establishment of national identity and pursuit of territorial self-determination is historically contingent upon the denial of the other side's identity (Kelman 2007). The Oslo talks held significant promise, as their main diplomatic achievement was precisely the recognition of Israel's right existence and security, in addition to the endorsement of UN Security Council Resolutions 242 and 338 and the establishment of the Palestinian Authority. This marked the initial acknowledgment of each side as a legitimate negotiating partner (Strombom, Kapshuk 2022). Despite its ultimate failure, it is important not to overlook the positive outcomes of the 1993–2000 negotiation process.

Conclusion

The extensive body of research and the array of perspectives on the Israeli-Palestinian peace process have significantly enhanced the understanding of historical events and have enriched broader discussions on conflict resolution, diplomatic strategy, and the complex factors influencing negotiations. As scholars continue to analyze the intricacies of this critical period, the insights gained from the Oslo Accords remain valuable for advancing both the study and practice of resolving complex and protracted conflicts.

The Oslo Accords have not only shaped Israeli-Palestinian relations but have also made significant contributions to the field of negotiation theory. Scholars have utilized ripeness theory to elucidate the success of the Oslo talks, highlighting the conditions necessary for conflict resolution. Concepts such as “false readiness” and “confidence building measures”, as demonstrated by the Oslo Accords, have deepened our understanding of persistent conflicts and the necessity of authentic commitment. The analysis of negotiation strategies during the Oslo process underscores the complexities of managing concessions and face-saving measures. Additionally, research on public opinion, electoral processes, and domestic politics, grounded in Putnam's “two-level games” theory, reveals the multifaceted influences on negotiation outcomes.

Finally, the investigation of the underlying reasons for the failure of the peace process has brought attention to socio-psychological barriers, including the “conflict syndrome” and issues of ontological security. Scholars have explored the influence of historical memory, collective trauma, and cultural identities on negotiation outcomes. The emergence of interdisciplinary approaches — incorporating psychology, philosophy, and linguistics — has been essential for understanding the complex dimensions of the conflict. Axiological approaches have emphasized the significance of sacred values, perceptions of justice, and ethical norms in shaping the behavior of negotiators. Central themes have included the recognition of conflicting identities and the necessity of mutual recognition and respect.

As it has now become clear, the Oslo Accords represent not only a significant historical milestone in diplomatic efforts but also a rich source for theoretical exploration, providing valuable insights for both negotiators and scholars. The diverse studies and theories inspired by the Oslo peace process continue to influence the research on negotiations and conflict resolution, highlighting the enduring impact of this pivotal moment in diplomatic history.

About the authors:

Vladimir M. Morozov – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Diplomacy, Vice-Rector for HR, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO). 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0003-2429-9150

Ekaterina O. Shebalina – Ph.D. in History, Research Fellow, Institute of International Studies, Associate Professor, Department of Romance Languages, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO). 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0002-6830-8912. E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Sofia V. Melnikova – Ph.D. in History, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO). 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454. ORCID: 0000-0001-5797-041X.

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

The publication was supported by MGIMO University Priority 2030 program.

УДК 327.56(569.4-076)
Поступила в редакцию: 12.10.2023
Принята к публикации: 15.02.2024

Взлёт и падение израильско-палестинского мирного процесса в 1990-е: обзор исследований

 В.М. Морозов¹, Е.О. Шебалина¹, С.В. Мельникова^{1,2}
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-136-154](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-136-154)

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

² Институт востоковедения РАН

Аннотация: В 2023 г. мир отметил 30-летие с момента начала процесса Осло, направленного на урегулирование израильско-палестинского конфликта. Учитывая итоговый провал этих переговорных усилий, уместно рассмотреть основные направления научных исследований этого процесса, определить их ключевые темы и тенденции. При анализе как эмпирических, так и теоретических работ, посвящённых процессу Осло, особое внимание уделяется исследованиям, выявляющим причины провала переговоров, поскольку они указывают перспективные направления для разработки более эффективных моделей ведения переговоров и разрешения конфликтов. Начало переговоров в Осло первоначально было встречено академическим сообществом с оптимизмом, причём учёные подчёркивали ключевую роль отдельных лидеров в успешном запуске процесса. Параллельно с тем, как мирный процесс заходил в тупик, израильско-палестинские переговоры были проанализированы в рамках существующих теоретических моделей, при этом исследователи критически оценивали соглашения в Осло с точки зрения международного права и выделяли экономические факторы, препятствовавшие достижению прочного мира. В других исследованиях рассматривались косвенные факторы, влияющие на мирный процесс, такие как общественное мнение и электоральная динамика, часто с опорой на теорию «двухуровневых игр» Роберта Патнэма. Однако эти исследования в первую очередь направлены на выявление непосредственных причин провала мирного процесса и не позволяют объяснить фундаментальные мотивы, лежащие в основе поведения участников переговорного процесса. Исследование глубинных причин провала процесса Осло привлекло внимание к социально-психологическим барьерам, включая «конфликтный синдром» и проблемы онтологической безопасности. Учёные исследовали влияние исторической памяти, коллективной травмы и культурной идентичности на исход переговоров. Появление междисциплинарных подходов, объединяющих психологию, философию и лингвистику, сыграло решающую роль в понимании сложных аспектов конфликта. Разнообразные теории, вдохновлённые мирным процессом в Осло, продолжают влиять на развитие исследований в области переговоров и урегулирования конфликтов, подчёркивая непреходящее значение этого поворотного момента в истории дипломатии.

Ключевые слова: теория переговоров, соглашения Осло, «затяжные» конфликты, онтологическая безопасность, конфликтный синдром, палестино-израильский конфликт, двухуровневые игры, Организация Освобождения Палестины, Израиль

Об авторах:

Владимир Михайлович Морозов – кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, проректор по кадровой политике МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0003-2429-9150

Екатерина Олеговна Шебалина – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра европейских исследований ИМИ, доцент кафедры романских языков МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0002-6830-8912. E-mail: shebalina.e.o@my.mgimo.ru

Софья Владимировна Мельникова – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН; преподаватель МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. ORCID: 0000-0001-5797-041X

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Публикация подготовлена при поддержке Программы развития МГИМО «Приоритет 2030».

References:

- Abbas M. 1997. *Through Secret Chennels. The Road to Oslo, Senior PLO Leader Abu Mazen's Revealing Story of the Negotiations with Israel*. Reading: Garnet Publishing Ltd. 252 p.
- Achar G. 2010. *The Arabs and the Holocaust: The Arab-Israeli War of Narratives*. New York: Metropolitan Books. 400 p.
- Arnon A., Spivak A. 1998. Economic Aspects of the Oslo Process. *Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture*. 5(3). URL: <https://pij.org/articles/388/economic-aspects-of-the-oslo-process> (accessed 20.08.2024).
- Arzt D.E., Zughuib K. 1992. Return to the Negotiated Lands: The Likelihood and Legality of a Population Transfer Between Israel and a Future Palestinian State. *New York University Journal of International Law and Politics*. Vol. 24. P. 1399–1513.
- Atran S., Axelrod R., Davis R. 2007. Sacred Barriers to Conflict Resolution. *Science*. 317(5841). P. 1039–1040. DOI: 10.1126/science.1144241
- Bar-On D., Sarsar S. 2004. Bridging the unbridgable: the Holocaust and Al-Nakba. *Palestine-Israel Journal of Politics, Economics and Culture*. 11(1). URL: <https://pij.org/articles/17> (accessed 20.08.2024).
- Barak O. 2005. The Failure of the Israeli-Palestinian Peace Process, 1993-2000. *Journal of Peace Research*. 42(6). P. 719–736. DOI: 10.1177/0022343305057889
- Bercovitch D. 1997. Conflict Management and the Oslo Experience: Assessing the Success of Israeli-Palestinian Peacemaking. *International Negotiation*. 2(2). P. 217–235. DOI: 10.1163/15718069720847951
- Bercovitch J., Jackson R. 2009. *Conflict Resolution in the Twenty-First Century: Principles, Methods, and Approaches*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Bracka J. 2021. *Transitional Justice for Israel/Palestine: Truth-Telling and Empathy in Ongoing Conflict*. Springer Cham. 387 p. DOI: 10.1007/978-3-030-89435-1
- Brown N.J. 2008. *The International Politics of the Middle East*. Oxford: Oxford University Press
- Bzostek R., Rogers A. 2014. Oslo +20: Reassessing the Role of Confidence Building Measures. *The Social Science Journal*. 51(2). P. 250–259. DOI: 10.1016/j.soscij.2013.11.002
- Carcasson S., Putnam D. 1997. Communication and the Oslo Negotiation: Contacts, Patterns, and Modes. *International Negotiation*. 2(2). P. 251–278. DOI: 10.1163/15718069720847979
- Chomsky N. 2017. The Oslo Accords: Their Context, Their Consequences. *The Oslo Accords: A Critical Assessment*. Ed. by P. Bauck, M. Omer. The American University in Cairo Press. P. 1–12. DOI: 10.5743/cairo/9789774167706.003.0001
- Dessus S. 2004. A Palestinian Growth History, 1968–2000. *Journal of Economic Integration*. 19(3). P. 447–469
- Falk R. 2017. After Oslo: A Legal Historical Perspective. *The Oslo Accords: A Critical Assessment*. Ed. by P. Bauck, M. Omer. The American University in Cairo Press. P. 67–78. DOI: 10.5743/cairo/9789774167706.003.0007
- Golan G. 2014. *Israeli Peacemaking since 1967: Factors behind the Breakthroughs and Failures*. London: Routledge. 246 p. DOI: 10.4324/9781315766225
- Hagopian E.C. 1997. Is the Peace Process a Process for Peace? Retrospective Analysis of Oslo. *Arab Studies Quarterly*. 19(3). P. 1–28.

- Hovdenak A. 2009. Trading Refugees for Land and Symbols: The Palestinian Negotiation Strategy in the Oslo Process. *Journal of Refugee Studies*. 22(1). P. 30–50. DOI: 10.1093/jrs/fen039
- Hoobler G. Donohue A. 2002. Relational Frames and Their Ethical Implications in International Negotiation: An Analysis Based on the Oslo II Negotiations. *International Negotiation*. 7(2). P. 143–167. DOI: 10.1163/138234002761384945
- Imseis A. 2000. Law, Reality, and the Oslo 'Peace' Process. *Oxford Journal of Legal Studies*. 20(3). P. 469–476. DOI: 10.1093/ojls/20.3.469
- Jones D. 1999. The Oslo Peace Accords and the Radical Intimacy of the Hearth. *Cambridge Review of International Affairs*. 13(1). P. 224–238. DOI: 10.1080/09557579908400287
- Kelman H. 1997. Some Determinants of the Oslo Breakthrough. *International Negotiation*. 2(2). P. 183–194. DOI: 10.1163/15718069720847933
- Kelman H. 1999. The Interdependence of Israeli and Palestinian National Identities: The Role of the Other in Existential Conflicts. *Journal of Social Issues*. 55(3). P. 581–600. DOI: 10.1111/0022-4537.00134
- Kelman H. 2007. Social-Psychological Dimensions of International Conflict. *Peacemaking in international conflict: methods & techniques. Revised edition*. Ed. by I.W. Zartman. Washington, D.C.: US Institute of Peace Press. P. 61–107.
- Kibrik R. 2016. Sovereignty as It Should Be: Theoretical Gaps and Negotiations for Peace in Israel/Palestine. *International Negotiation*. 21(3). P. 440–472. DOI: 10.1163/15718069-12341338
- Kriesberg L. 2000. Negotiating the Partition of Palestine and Evolving Israeli-Palestinian Relation. *The Brown Journal of World Affairs*. 7(1). P. 63–80.
- Kriesberg L. 2015. Negotiating Conflict Transformations. *Handbook of International Negotiation: Interpersonal, Intercultural, and Diplomatic Perspectives*. Ed. by M. Galluccio. Cham: Springer. P. 109–122. DOI: 10.1007/978-3-319-10687-8_9
- Lasensky S. 2004. Paying for Peace: The Oslo Process and the Limits of American Foreign Aid. *Middle East Journal*. 58(2). P. 210–234. DOI: 10.3751/58.2.13
- Levanon O.S. 2021. Under a Constant Shadow: The Israeli–Palestinian Conflict and the Traumatic Memory of the Holocaust. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 27(1). P. 58–66. DOI: 10.1037/pac0000499
- Levine M. 1995. Palestinian Economic Progress Under the Oslo Agreements. *Fordham International Law Journal*. 19(4). P. 1393–1418.
- Lieberfeld D. 2008. Secrecy and "Two-Level Games" in the Oslo Accord: What the Primary Sources Tell Us. *International Negotiation*. 13(1). P. 133–146. DOI: 10.1163/138234008X298002
- Lustick I.S. 1997. The Oslo Agreement as an Obstacle to Peace. *Journal of Palestine Studies*. 27(1). P. 61–66.
- Lupovici A. 2015. Ontological Security and the Israeli-Palestinian Peace Process: Between Unstable Conflict and Conflict in Resolution. *Conflict Resolution and Ontological Security: Peace Anxieties*. Ed. by B. Rumelili. London: Routledge. P. 33–51. DOI: 10.4324/9781315796314-4
- Makovsky D. 1996. *Making Peace with the PLO: The Rabin Government's Road to the Oslo Accord*. Boulder, CO: Westview Press. 250 p.
- Malik I. 2001. Analysis of Oslo Accords. *Strategic Studies*. 21(2) P. 134–145.
- Miller R. 2012. *Divided against Zion: Anti-Zionist Opposition in Britain to a Jewish State in Palestine, 1945–1948*. London: Routledge
- Mitzen J. 2006. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma. *European Journal of International Relations*. 12(3). P. 341–370.
- Pearlman W., Cunningham K.G. 2012. Nonstate Actors, Fragmentation, and Conflict Processes. *The Journal of Conflict Resolution*. 56(1). P. 3–15. DOI: 10.1177/002200271142966

- Peres S. 1995. *Battling for Peace: A Memoir*. New York: Random House. 350 p.
- Pruitt D.G. 1997. Ripeness Theory and the Oslo Talks. *International Negotiation*. 2(2). P. 237–250. DOI: 10.1163/15718069720847960
- Putnam R. D. 1988. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games. *International Organization*. 42(3) P. 427–460. DOI: 10.1017/S0020818300027697
- Quigley J. 2005. *The Case for Palestine: An International Law Perspective*. Duke University Press. 360 p. DOI: 10.1215/9780822386766
- Ramsbotham O. 2010. *Transforming Violent Conflict: Radical Disagreement, Dialogue and Survival*. Abingdon: Routledge. 288 p. DOI: 10.4324/9780203859674
- Ramsbotham O. 2013. Is There a Theory of Radical Disagreement? *International Journal of Conflict Engagement and Resolution*. 1(1) P. 56–82
- Reiter Y. 2010. Religion as a Barrier to Compromise in the Israeli-Palestinian Conflict. In *Barriers to Peace in the Israeli-Palestinian Conflict*. Ed. by Y. Bar-Siman-Tov. Jerusalem: Konrad-Adenauer-Stiftung Israel; Jerusalem Institute for Israel Studies. P. 228–263.
- Ricarte J. 2023. *The Impact of Protracted Peace Processes on Identities in Conflict: The Case of Israel and Palestine*. Cham: Palgrave Macmillan. 256 p. DOI: 10.1007/978-3-031-16567-2
- Rynhold J., Steinberg G. 2004. The Peace Process and the Israeli Elections. *Israel Affairs*. 10(4). P. 181–204. DOI: 10.1080/1353712042000283748
- Said E.W. 1996. *Peace and Its Discontents: Essays on Palestine in the Middle East Peace Process*. New York: Vintage Books. 188 p.
- Sanders J. 1999. Honest Brokers? American and Norwegian Facilitation of Israeli-Palestinian Negotiations (1991–1993). *Arab Studies Quarterly*. 21(2). P. 47–70.
- Singer J. 2021. The Israel-PLO Mutual Recognition Agreement. *International Negotiation*. 26(3). P. 366–390. DOI: 10.1163/15718069-bja10026
- Schwartz A., Gilboa E. 2023. The False Readiness Theory: Explaining Failures to Negotiate Israeli-Palestinian Peace. *International Negotiation*. 28(1). P. 126–154. DOI: 10.1163/15718069-bja10059
- Selby J. 2003. Dressing Up Domination as “Cooperation”: The Case of Israeli-Palestinian Water Relations. *Review of International Studies*. 29(1). P. 121–138. DOI: 10.1017/S026021050300007X
- Sheikh H., Ginges J., Atran S. 2013. Sacred Values in the Israeli–Palestinian Conflict: Resistance to Social Influence, Temporal Discounting, and Exit Strategies. *Annals of the New York Academy of Sciences*. 1299(1). P. 11–24. DOI: 10.1111/nyas.12275
- Shamir J., Shikaki K. 2005. Public Opinion in the Israeli-Palestinian Two-Level Game. *Journal of Peace Research*. 42(3). P. 311–328. DOI: 10.1177/0022343305052014
- Shlaim A. 2005. The Rise and Fall of the Oslo Peace Process. In *International Relations of the Middle East*. Ed. by L. Fawcett. Oxford: Oxford University Press. P. 241–261.
- Smith D. 2014. *The State of the Middle East: an Atlas of Conflict and Resolution*. Routledge.
- Steele B. J. 2008. *Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State*. London: Routledge. 215 p. DOI: 10.4324/9780203018200
- Strombom L., Kapshuk Y. 2022. Tracing Responses to Recognition in the Oslo Peace Process and its Aftermath—The Interlinkage between Relational and Internal Ontological Security. *Conflict Resolution Quarterly*. 39(3). P. 315–332. DOI: 10.1002/crq.21333
- Tapper A.H., Sucharov M., eds. 2019. *Social Justice and Israel/Palestine: Foundational and Contemporary Debates*. Toronto: University of Toronto Press. 296 p.
- Watson G.R. 2000. An Overview of the Oslo Accords. *The Oslo Accords: International Law and the Israeli-Palestinian Peace Agreements*. Oxford: Oxford University Press. P. 41–54. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198298915.003.0002

Weiner J.W. 1996. An Analysis of the Oslo II Agreement in Light of the Expectations of Shimon Peres and Mahmoud Abbas. *Michigan Journal of International Law*. 17(3). P. 667–704.

Wistrich R.S. 1997. Israel and the Holocaust Trauma. *Jewish History*. 11(2). P. 13–20.

Zartman I.W. 1997. Explaining Oslo. *International Negotiations*. 2(2). P. 195–215. DOI: 10.1163/15718069720847942

Jensen L., Zartman I.W., Pruitt D. G., Young H.P., Druckman D. 1996. Negotiation as a Search for Justice. *International Negotiation*. 1(1). P. 79–98. DOI: 10.1163/157180696X00304

Zartman I.W. 2000. Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond. In *International Conflict Resolution After Cold War*. Washington, D.C.: The National Academies Press. P. 225–250.

Zreik R. 2003. The Palestinian Question: Themes of Justice and Power: Part I: the Palestinians of the Occupied Territories. *Journal of Palestine Studies*. 32(4). P. 39–49. DOI: 10.1525/jps.2003.32.4.39

Abramov S.M. 2016. Izrail' i Palestina: ispytanie peregovornym protsessom (na primere «Oslo-1» i «Oslo-2») [Israel and Palestine: The Challenge of Negotiation Process (“Oslo-1” and “Oslo-2” Cases)]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*. 8(4/1). P. 29–41. (In Russian).

Gofman A.V. 2017. Soglasheniia Oslo kak popytka uregulirovaniia palestino-izrail'skogo konflikta: istoriograficheskii aspekt [The Oslo Accords as an Attempt to Settle the Israeli-Palestinian Conflict: the Historiographical Aspect]. *Chelovek i obshchestvo*. No. 4. P. 10–14. DOI: 10.21661/r-466068 (In Russian).

Krylov A.V. 2011. Palestino-izrail'skii peregovorni protsess posle podpisaniia norvezhskikh soglashenii (1996-2001) [Palestinian-Israeli Negotiation Process after Norwegian Agreements (1996–2001)]. *Israel, Russia and Russian-Speaking Jewry in the Context of the International Politics. Proceedings of the Eighteenth Annual International Conference on Jewish Studies. Volume III*. Moscow: Center “Sefer”. P. 133–149. (In Russian).

Morozov V.M., Melnikova S.V., Shebalina E.O. 2023. Evoliutsiia otsenok soglashenii Oslo v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh [Evolution of Assessment of the Oslo Agreements in Contemporary International Relations]. *Vostok (Oriens)*. №5. P. 104–115. DOI: 10.31857/S086919080024658-0 (In Russian).

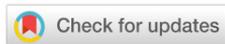
Список литературы на русском языке:

Абрамов С.М. 2016. Израиль и Палестина: испытание переговорным процессом (на примере «Осло-1» и «Осло-2»). *Историческая и социально-образовательная мысль*. 8(4/1). С. 29–41.

Гофман А.В. 2017. Соглашения Осло как попытка урегулирования палестино-израильского конфликта: историографический аспект. *Человек и общество*. №4. С. 10–14. DOI: 10.21661/r-466068

Крылов А.В. 2011. Палестино-израильский переговорный процесс после подписания норвежских соглашений (1996–2001). *Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики: к 20-летию юбилею восстановления дипломатических отношений между СССР/Россией и Израилем: Материалы XVIII Международной ежегодной конференции по иудаике. Том III*. Москва: Центр «Сэфер». С. 133–149.

Морозов В.М., Мельникова С.В., Шебакина Е.О. 2023. Эволюция оценок соглашений Осло в современных международных отношениях. *Восток (Oriens)*. №5. С. 104–115. DOI: 10.31857/S086919080024658-0

Неудавшееся миротворчество: миссия Франческо да Колло и Антонио де Конти в Москву (1518–1519)

 О.Ф. Кудрявцев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

В статье рассматривается миротворческая миссия Франческо да Колло и Антонио де Конти, послов императора Священной Римской империи Максимилиана I, к великому князю Московскому Василию III 1518–1519 гг.. Основной задачей миссии было примирение Великого княжества Московского с Польско-Литовской унией, чтобы привлечь силы обеих держав к планировавшемуся совместному выступлению европейских христиан против Османской империи, чья экспансия на Юго-Востоке Европы представляла серьёзную угрозу. Центральным объектом исследования выступает составленный по итогам поездки отчёт Франческо да Колло, который не только описывает ход переговоров, но и раскрывает уникальные детали российской дипломатии и придворных традиций начала XVI в.. Статья демонстрирует, что церемонии, такие как приёмы, застолья и охоты, играли ключевую роль в дипломатических практиках того времени. Отдельное внимание уделяется описанию да Колло своих взаимодействий с Василием III и его приближёнными, которое показывает первостепенную значимость личных встреч и неформальных контактов в дипломатическом процессе эпохи. Несмотря на усилия посланников, миссия смогла добиться лишь заключения годового перемирия: непреодолимыми препятствиями для всеобъемлющего мира оказались территориальные разногласия, включая спор о принадлежности Смоленска, а также проблема возвращения из Польши захваченных русских военнопленных. Наконец, отчёт да Колло также иллюстрирует механизмы формирования образа Московии как восточной, деспотической державы, представляя собой один из самых ранних примеров конструирования России как «Другого» для Европы Нового времени.

Ключевые слова: Московия, Россия, Священная Римская Империя, Франческо да Колло, Василий III, дипломатические переговоры, дипломатический церемониал

«И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам...»
А.С. Грибоедов

Посольство Сигизмунда Герберштейна 1517 г. в Москву закончилось безрезультатно. Цель его состояла в том, чтобы содействовать примирению враждовавших между собой двух крупнейших государств Восточной Европы – объединённых династической унией Польши и Литвы, с одной стороны, и России, – с другой. Агрессия Османской империи, широко развернувшаяся не только на Переднем Востоке, но и в Европе, представляла непосредственную и очень серьёзную угрозу для христианских государств Юго-Восточной и Центральной Европы. Правитель крупнейшего государственного образования региона император Священной Римской Империи Максимилиан I Габсбург, как и папа римский, прилагал все усилия, чтобы достичь единства христианских государей для организации совместной борьбы с османами. К ней он имел в виду приобщить Польско-литовскую унию и Россию, направив их вооружённые силы не на войну друг с другом, а на общее дело противодействия османской экспансии, на что, в частности, указывал Франческо да Колло в составленном по итогам его дипломатической миссии в Москву отчёте: «Переговоры о мире между Светлейшим Королём Польши Сигизмундом и Великим Князем Московским Василием, проведённые в 1518 г. Сиятельными Господами Франческо да Колло, рыцарем, дворянином из Конельяно, и Антонио де Конти, Падуанским дворянином, посланниками Его Величества Императора Максимилиана Первого. Сочинено упомянутым Госп. рыцарем Франческо. С рассказом о самом путешествии и о северных странах, о Рифейских и Гиперборейских горах, об истинном происхождении реки Танаис и о Меотийских болотах»¹. В нём он также упоминал о безрезультатности предшествующих посольств к Сигизмунду, королю Польши, великому князю Литвы и государю Красной Руси (Sigismondo Re di Polonia, gran Duca di Lithuania, e dominator della Russia rossa), и Василию, великому государю всея Руси и великому князю Московии (il gran Basilio Dominator de tutta la Russia, e gran Duca di Moscouia); в частности, он вёл речь о посольстве Сигизмунда Герберштейна,

¹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace tra il Serenissimo Sigismondo Re di Polonia, et Gran Basilio Principe di Moscouia hauuto dalli Illustri Signori, Francesco da Collo, Cauallier, Gentil'huomo di Conegliano, et Antonio de Conti, Gentil'huomo Padouano, Oratori della Maestà di Massimilian, Primo Imperatore l'anno 1518. Scritta per lo medesimo Sig. Cauallier Francesco. Con la relatione di quell' uaggio, et di quei paesi settentrionali, de' monti Riphei, et Hiperborei, della uera origine del fiume Tanaï, et della Palude Meotide. Padoa, per Lorenzo Pasquati. P. 1v et passim.* См. подробнее о международно-политической ситуации, возникшей в Европе в связи с османской агрессией: (Карамзин 1842: 56–57; Соловьев 1989: 251–252; Писаревский 1895: 18; Uebersberger 1906: 112–158; Зимин 1972: 186–193; Хорошкевич 1980: 205–210; Кудрявцев 1997: 7–10; Сеницына 1997: 35–37).

вернувшегося домой с двумя посланцами-москвитами Владимиром Племянниковым и толмачом Истомой Малым (dopo il ritorno dell'ultimo suo oratore il Sig. Sigismondo Herberstain con li due di Moscouia Valodimera Plemetico, e isthoma interprete). Проявляя настойчивость, Максимилиан I, собственным владениям которого в Центральной Европе османы представляли уже непосредственную угрозу, сразу нарядил новое посольство в Московию, возложив его тяготы на собственные плечи Франческо да Колло и Антонио де Конти – теперь уже им предстояло проделать, по откровенному признанию автора, «весьма длинный небезопасный путь»². Заслуживает внимания сохранившееся в рукописной версии труда Да Колло его пояснение о том, что выбор сотоварища – Антонио де Конти был произведён им самим с согласия императора Максимилиана, по видимому, желавшего исключить возможность каких-либо разногласий между членами посольства, способных пагубно сказаться на результатах их миссии³. Что касается Антонио де Конти, то А.А. Зимин полагал, будто тот был папским легатом (Зимин 1972: 190; См. также: Симчич 1996: 35. Прим. 26), а это означало бы, что посольство было направлено не одним, но двумя суверенами; впрочем, никаких доказательств этому историк не приводит.

Вместе с императорскими посланцами возвращались восвояси упомянутые выше московские дипломаты. Кроме Да Колло и Де Конти в состав посольства входил также племянник Герберштейна Джованни делла Торре (Giovanni della Torre)⁴, имя которого произносилось по-немецки как фон Турн (von Thurn), в русских же документах он значился как Ян Фонтурн⁵. Конечно же, были ещё лица не дипломатического ранга, сопровождавшие посольство, – слуги и охрана.

Императорские посланцы были снабжены инструкциями, в которых чётко обозначалась цель их миссии: всячески содействовать примирению москвитов с поляками и литовцами или, по крайней мере, заключению соглашения о пятилетнем перемирии между ними; предписывалось также агитировать и российского государя, и польского короля участвовать своими войсками «в общем предприятии всего христианского мира против турок, вечных врагов христианского имени»⁶. В инструкциях несколько раз приводился титул российского правителя Василия III с небольшими и несущественными вариациями, но неизменным

² "...senza altra interposizione di tempo poner il peso di tal pratica sopra le spalle mie, e del Magnifico Sig. Antonio de Conti gentil'huomo Padouano, e grauarci di si lungo, et sinistro camino..." (Collo Fr. da. 1603. *Trattamento di pace*. P. 1v-2r).

³ "...mi lasso arbitrio di elegger collega a uoto mio perche il uiaggio mi fosse men noioso et con più piacer si comportasse... et io chiamai per collega misser Antonio Conte Padouano..." (Da Collo Fr. 1558. *Trattato Moscovitico con gli accidenti come in quello viaggio di 2000 miglia*. Cracovia. P. 2rv). Рукопись хранится в библиотеке Ягеллонского университета в Кракове – Bibliotheca univ. iagell. Cracoviensis. Mf. 11726, шифр: RKPSBJ 7149). См. также: (Симчич 1996: 11).

⁴ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 2r.

⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Санкт-Петербург, Москва, 1851. Т. I. Стлб. 411.

⁶ "...perche con le communi forze di tutta la Christianità si prenda l'impresa contra Turchi sempiterni nemici del nome Christiano" (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 3v).

оставалось признание его герцогом (то есть князем) Владимирским и Московским, а также великим князем и государем всея Руси и обращение к нему как к «брату нашему дражайшему»⁷.

Посланники также везли с собой письмо Максимилиана I к Василию III, в котором упоминалось об особой обязанности императора иметь попечение обо всём христианском мире (*s'appartiene per lo carico, che teniamo di tutta la Christiana Republica di haver cura*) и в силу этого стремиться к миру и согласию между христианскими государями; вот с этой миротворческой миссией добиться согласия между ним и королём Польским направлены к российскому правителю Франческо да Колло и Антонио де Конти.

Особое поручение императора

Помимо решения международно-политических проблем посольство должно было внести ясность в один серьёзный вопрос научного свойства. Возник он как раз накануне отправки императорских представителей в Москву.

Как пишет Да Колло, 28 апреля 1518 г. затребованные императором посланцы должны были из Инсбрука перебраться в г. Галле, где находился двор. Как раз в это время императору был преподнесён «Трактат о двух Сарматиях, Европейской и Азиатской», созданный, как сказано, «известным краковским медиком и философом»⁸. Речь, конечно, идёт о получившем вскоре широчайшую известность космографическом произведении (1 изд. – 1517 г.) Матвея Меховского, которого Да Колло, не называя его по имени, характеризует вроде бы объективно и даже положительно, но, как очевидно из контекста, с определённо иронической интонацией⁹. Далее Да Колло, весьма точно передавая основные выводы трактата, пишет, что в нём Птолемей, величайший авторитет в космографии и других науках, обвинялся в невежестве и в больших ошибках при описании севера, в особенности же когда утверждает, что река Танаис (то есть Дон), отделяющая Азию от Европы, берёт начало в Рифейских горах, отрицая наличие в этом северном регионе каких-либо Рифейских и Гиперборейских гор.

Услышав всё это, император, сведущий в космографии и с большим уважением относящийся к Птолемею, дал, как уверяет Да Колло, ему «специальное задание исследовать со всей возможной тщательностью истину», выяснив,

⁷ “il Serenissimo Principe Basilio Duca di Volodimeria, e di Moscouia, et gran prencipe de tutti I Russi Signore e fratello nostro Carissimo” (Ibid. P. 1v-2r). См. близкую формулу: (Ibid. P. 4r). Чуть выше в пояснительном тексте самого Да Колло Василий III обозначен сходным образом как “il gran Basilio Dominator de tutta la Russia, et gran Duca di Moscouia” (Ibid. P. 2v).

⁸ “...oue [in Halla] Cesarea Maestà si trouaua essendole stato presentato un trattato delle due Sarmatie Europea, et Asiatica, composto da un famoso medico, et philosopho Cracouiense...” (Ibid. P. 5v). См. изд. трактата: Mathias de Miechow. *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis*. Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. Москва, Ленинград, 1936.

⁹ См. также наблюдения: (Симич 1996: 12). Слово “famoso” (в выражении “famoso medico, et filosofo Cracouiense”) можно передать не только как «известный», но и как «пресловутый».

справедливы ли утверждения польского учёного, в частности о том, что река Танаис имеет истоки в каких-то скоплениях воды и болотах в Московитских пределах, в Рязанской земле¹⁰. И подобное специальное задание очень пришлось по душе Да Колло (*a me fu carissimo*), готовому послужить и в этом случае Его Императорскому Величеству.

Путь в Москву

В конце апреля 1518 г. посольство Максимилиана I к Василию III тронулось в путь. Перед этим московитские послы, ехавшие вместе с императорскими дипломатами, «были одарены одеждами, деньгами, серебром и другими вещами». Вместе со всеми выехал из Галле «монах Николай, папский посол, и господин посол Сигизмунд Герберштейн, направлявшийся в Венгрию». Как известно, Герберштейн недавно вернулся из Московии (Хорошкевич и др. 2008: 85–89) и, конечно же, консультировал новых послов, ехавших ему на смену; папским послом был монах Николай Шонберг¹¹. Да Колло называет несколько австрийских городов, их минула вся большая компания по дороге к Вене, достигнув которую дипломаты разошлись: Шонберг и Герберштейн направились в Венгрию, а Да Колло и Де Конти вместе с русскими через Богемию поехали в Польшу¹². Да Колло пунктуально указал все остановки в Моравии и Силезии прежде чем они достигли «Кракова, королевской столицы и главного города Польского королевства»¹³. Здесь уже вёл переговоры с королём о заключении с московитами пяти или шестилетнего перемирия гонец Джованни делла Торре (фон Турн); в поддержку предложения посольства, уговаривая короля его принять, выступил маркграф Бранденбургский. Но король затребовал для объяснений самих послов, от имени которых перед ним с изложением целей своей миссии выступил Да Колло¹⁴.

В случившемся конфликте польская сторона обвиняла князя Московского, будто бы нарушившего двусторонние договорённости¹⁵; больше же всего её раздражение вызывал переход Смоленской крепости (*la Roca de Smolenzco*) к московитам, без возвращения которой, как заявляли поляки, невозможен никакой мир¹⁶. Камнем преткновения для двустороннего урегулирования была

¹⁰ "...sua Maestà... mi diede specialissimo carico di inuestigar con ogni possibil diligentia il vero, et se possibil fosse, che costui solo doppo tanti secoli hauesse con ragion descritto tal fallacia, soggiogendo specialmente prefatto fiume traher origine da certa colluue d'aque, et palludi nelle parti Moscouitice et region Rezensè..." (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 6v).

¹¹ О деятельности Николая Шонберга как папского посла в Литву и Москву см.: (Шмурло 1937: 106–107; Сеницына 1997: 38–41).

¹² Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 7rv.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 7v-9v.

¹⁵ "...I Consiglieri regii habbiano incolpato il duca di Moscouia della transgressione, et uiolation de patti, che tra essi principi erano..." (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 10v).

¹⁶ Ibid. P. 10v-11r.

также проблема русских пленных, после битвы при Орше 1514 г. (Карамзин 1842: 43; Соловьев 1989: 239; Шмурло 1937: 101–103; Граля 1992: 46–50) в большом числе находившихся на территории Польши и Литвы¹⁷.

Миновав Польшу, посольство вступило на территорию Литвы; границей двух союзных государств служило находящееся к востоку от города Люблина «небольшое болото» (*vna picciol palude con rosa quantità d'acqua*). В начале июня посольство достигло города Брест (Press), его замок, как отмечено, построен из дерева и хорошо укреплен; дополнительной защитой могла быть и болотистость вокруг замка, так что Да Колло со спутниками, по его уверению, пришлось целый день ехать на лошадях «по деревянной улице» (*per tutto un giorno caualcar per una strada di legname*), то есть по деревянным настилам из брёвен, связанных между собой¹⁸.

В Бресте возникла проблема: императорское посольство намеревалось ехать дальше через Вильну, главный город Великого Княжества Литовского, но поляки выставили требование, чтобы московитские послы направлялись иным путём – лесами и болотами (*per le selue, et per le paludi*). В этих условиях посланцы императора решили проявить солидарность со своими коллегами-московитами и ехать с ними, вместе подвергаясь испытаниям, которые им уготовит фортуна¹⁹. В связи с чем, держа путь на восток, они должны были не только делать привалы, но и ночевать под открытым небом в лесах и болотах (*si conviene dormire nei boschi, et paludi*). Из достаточно крупных городов они миновали Слоним, а затем Новогрудок, название которого Да Колло передаёт как «новый город» (*Nouigroth Cittanoua*). Затем он упоминает в краковской рукописи город Минск как владение князя Меншовича (*una Terra del Duca Mensbouich*). Ещё несколько дней посольство ехало лесами, пока не достигло реки Березины, по словам Да Колло, «отделяющей Литву от Руси» (*arriuammo al fiume Borexina, che diuide la Lithuania dalla Russia*). Далее оно прибыло в город Борисов (*Barizosph*), а затем на берег реки Робор (*il fiume Robor*), «у которой, – сказано в тексте, – за несколько лет перед этим состоялось великое и кровопролитное сражение между московитами и поляками, в ходе его было разбито и убито более восьмидесяти тысяч московитских кавалеристов²⁰. Речь идёт об упомянутой выше Оршанской битве лета 1514 г., победителями в которой действительно были поляки и литовцы, хотя цифра русских потерь у Да Колло многократно завышена.

Следующим пунктом, которого достигло посольство, стало местечко Лиониш (*vn loco detto Lionisch*), а за ним Орша, как подчёркнуто, «известный и большой литовский город с сильной крепостью под управлением герцога»,

¹⁷ Ibid. P. 11r. О русских пленниках см. также: (Соловьев 1989: 239).

¹⁸ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 13r. См. в этой связи сообщения о мощёных дорогах других иноземцев: (Ключевский 2023: 126–128).

¹⁹ “*facemmo resolutione di far ancor noi la strada de boschi acquosa, et paludosa, lasciando il uiaggio per la Città, et sottoporci con essi ambasciatori di Moscouia ad ogni incommodo di fortuna...*” (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 13v).

²⁰ Ibid. P. 13v-14r.

то есть князя; город этот «окружает большая река Борисфен, на их, то есть местном, языке именуемая Днепр» (la qual [Terra] circonda il gran fiume Boristhene detto Dneper in quell linguaggio). Тут же Да Колло даёт географическую справку о Днепре, сообщая информацию сколь неточную, столь и ненадёжную. Эта знаменитая река, пишет он, вытекает из Белой и Великой Руси Светлейшего князя Московского, причём в Белой Руси она протекает через Полоцк и Киев, забранный у московитов королём Польши, если верить Да Колло, затем, пройдя несколько городов, включая Оршу, она достигает пределов Красной Руси и проходит через славный город Львов, а далее, минуя Тавриду, Херсонес и земли крымских и перекопских татар, впадает в Евксинское [=Чёрное] море²¹. Среди прочих неточностей укажем лишь некоторые: конечно, ни Полоцк, ни Львов не стоят на Днепре, а Орша находится выше по его течению, чем Киев, крымские и перекопские татары – один и тот же народ.

За Днепром посольство прибыло в город Дубровну (Dobroffna), возле которого оно переправилось через другую реку, Кропивну (Cropiffno), окрасившуюся после битвы, как гласит молва, в цвет крови, сообщает Да Колло, снова возвращаясь к сражению при Орше. Послов сопровождал большой отряд всадников; были отправлены гонцы в Смоленск, чтобы сообщить московитским властям о прибытии императорского посольства и получении от них разрешения ехать ему дальше к их государю (al prencipe loro). На московитской границе послов встречало «множество людей во главе с неким сатрапом, облачённым в золотоканую одежду»²². Сразу заставляет обратить на себя внимание слово «сатрап», заимствованное из политического лексикона, который широко использовался для описания государственных режимов и общественных отношений стран Востока. Здесь же, в тексте Да Колло, он был применён для обозначения и характеристики московского должностного лица, что соответствующим образом настраивало на восприятие всего остального материала о Московии. Количество встречающих и парадное одеяние «сатрапа» свидетельствовали, что к первому приему иноземных гостей русские власти, как могли, приготовились; из отечественных документов известно, что к посольству выехал представитель смоленского наместника князь Александр Стригин в сопровождении детей боярских, и встретились они на реке Взруб²³.

²¹ "... questo fiume insigne dessende dalla Russia bianca, et grande del Serenissimo Prencipe di Moscouia, et per essa Ruscia (sic!) bianca toccando Poluzch, et Chiouia, Città di essa prouincia, tolte dalle mani de Moscouiti per lo Re di Polonia, fa il suo corso, uenendo a Smozath, Drogoluisa, et orsa, come di sopra, entra nella Ruscia rossa et tocca Leopoli Città insigne di essa prouincia, et passata la Taurica, Chersonesso, et le Terre del Chrimpsi, et pericopsi del Tartaro entra nel mar Eusino..." (Ibid. P. 14v).

²² "...apparue gran numero di gente di essa prouincia, alle quali precedeua un certo Satrapa, vestito di vestimenti d'oro..." (Ibid. P. 14v).

²³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1851. Санкт-Петербург, Москва. Т. I. Стлб. 339, 340.

Поскольку Россия находилась в состоянии войны с Польшей и Литвой, то враждующие стороны для препровождения посольства во владения московитов договорились об однодневном перемирии из уважения к императору и его посланцам (*la Tregua per un sol giorno per rispetto della Cesarea Maestà, et de suoi Oratori*)²⁴. Да Колло свидетельствует о живописных подробностях этого дня перемирия: русские, поляки и литовцы ходили в гости друг к другу, общались вполне дружелюбно, веселились и пировали, напиваясь допьяна²⁵.

При переходе на русскую сторону императорские представители предъявили грамоты на имя московского государя, после чего их передали встречавшим, как сказано у Да Колло, двух посланцев с тридцатью шестью людьми их окружения, а также сорок две лошади, сундуки, кровати и повозки, причём истребовали от принимающей стороны, то есть от русских властей, специальную расписку в получении имущества с обязательством всё вернуть сполна без какого-либо ущерба. И такая расписка с обязательством была выправлена сатрапом и скреплена печатью герцога, то есть князя, Бориса Ивановича Горбатого²⁶, капитана, то есть смоленского наместника великого князя Василия, «Божьей милостью императора (то есть царя) и государя всея Руси» (*l'Illustre Duca Boris Garbati Innouich Capitano del gran Sig. Basilio per Dio gratia, Imperator, et Signor di tutta la Russia...*).

Правда, что касается всего состава посольства, то данные отечественных источников иные, в них указано двадцать шесть человек и двадцать пять лошадей, говорится также о девяти литовских слугах²⁷.

Третьего июля польский и литовский конвой посольства был отпущен, его теперь сопровождал со своими людьми облачённый в золотую одежду пристав Андрей (*vn'Andrea vestito di vestimenti d'oro*), известный по русским документам как Андрей Кулешин²⁸. Именно с ним посольство перешло на территорию Московии. Чтобы указать географическое положение этой страны, Да Колло пишет, что если двигаться к ней от Кракова, то, помимо Польши, будет по правую сторону Молдавия, или Малая Валахия, расположенная за Красной Русью (*Russia Rossa*), а также страна крымских татар, по левую же – Нижняя Мазовия (*Matouia – sic!*), Самогития, Ливония, Курляндия²⁹. Здесь, в московитских пределах, их встретил уже упомянутый смоленский наместник князь Борис Иванович

²⁴ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 14v-15r.

²⁵ "...passarono dall'vna all'altra parte reciprocamente Moscouiti, et Polachi, et Lituani, trattando amicheuolmente insieme, godendosi et ricreandosi fin'alla vbriachezza..." (Ibid. P. 15rv).

²⁶ "... hauendogli dimostrato le lettere nostre drizzate al suo Prencipe, il prefato Marchese de Moiloua se gli presentò, con dirgli, ecco che in nome del Rè io ui consegno due Oratori con trenta sei familiari suoi, et quaranta due Caualli, facendo espressa, et particular mentione delli cassi, de' letti, et de' Carri, che con noi haueuamo de' quali in nome del Prencipe Vostro douete farmi la riceuuta, con obligo di farne di essi à tempo debito, et sempremai l'integral restitution con ogni buona fede, et senza diminutione di alcuna cosa; cosi essendo stato il predetto Satrapa à ritrouar il soprannominato Signor Duca Boris Garbati, portò la carta di riceuere sigillata con l'obligo della restitutione ricercata..." (Ibid. P. 15r).

²⁷ Памятники дипломатических сношений... 1851. Т. I. Стлб. 340.

²⁸ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 15r; Памятники дипломатических сношений... 339.

²⁹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 15r.

Горбатый, сопровождаемый шестью тысячами всадников³⁰. Далее следуют церемонии: князь даёт посольским поцеловать руку, спрашивает об их состоянии и здоровье, обнимает их и отводит в свой шатёр, где угощает обедом и даёт выпить медовуху (*dandoci à bere il Meduno*), знаменитый напиток, изготовленный из мёда, земляники и других плодов, цветом и вкусом, как вино; однако, тут же добавляет Да Колло, никто не может её приготовить, если ему не разрешит государь, а равно и потреблять³¹. Так с первых же шагов в Московии начинается знакомство Да Колло и всей делегации со страной, не только с дипломатическими обычаями, но и с её устоями и повседневной жизнью.

Ещё несколько дней посольство провело в дороге, останавливаясь на ночлег в лесах и продвигаясь по деревянным настилам, устроенным в болотах (*per strade di legno sopra le paludi fabricate*), пока шестого июля не достигло Смоленска, прежде находившегося в литовских владениях, поясняет Да Колло, а затем силой захваченного москвитами; из-за него-то между ними и литовцами продолжается война. Город окружён стенами из дерева, столь хорошо обработанного и пригнанного, что заслуживает имени твердыни (*che meritano nome di forte*); кроме того, с одной стороны их окружают болота, с другой – «большая река Борисфен» (=Днепр)³². Затем на лодке (*montati in barca*) посольство добралось до Дорогобужа, города³³, как уточняется, в Белой Руси (*Ruscia Bianca*), «величиной и укреплениями не меньшего, чем Смоленск». 27 мая посольство отправилось дальше и достигло «княжеского двора» (*Corte ducale*), в котором проживало тысячу человек, а после – не указанного по имени некоего большого города, открытого, расположенного среди болот (*arriuammo ad una Terra grande, ed aperta, posta nei paludi*). После него, проследовав ещё два «княжеских двора», находившихся в лесах, посольство добралось до «Можайска, города³⁴, не имеющего стен, большого и богатого, с цитаделью из дерева, хорошо защищённой; в нём посланников отвели в церковь Св. Николая, который из-за многих чудес, им совершенных, там весьма почитается»³⁵. Да Колло действительно зафиксировал культ Св. Николая Можайского.

³⁰ По мнению О. Симчич, цифра конного сопровождения сильно преувеличена и, вероятнее всего, реально было около шестисот всадников (Симчич 1996: 40. Примеч. 68).

³¹ *Da Collo Fr. 1603. Trattamento di pace. P. 15v.*

³² *Ibid. P. 15v-16r.*

³³ В работе О. Симчич (Симчич 1996: 24) этот город неверно идентифицирован с Дрогобычем.

³⁴ О. Симчич (Симчич 1996: 24) переводит слово «Терра» буквально как «земля», хотя по контексту видно, что в данном и других случаях «Terra» обозначает город. См. то же значение слова «Terra» в текстах Барбаро и Контарини: (Скржинская 1971: 118, 142 и в др. местах). См. там же: Предметно-терминологический указатель С. 272 – «terra di Moscovia».

³⁵ «...in Moxaisco, Terra, quantunque senza muraglia, grande, et grassa, con una Rocca di legno, molto forte, nella qual fummo condotti alla Chiesa di San Niccolò, che per la frequenza de miracoli per lui fatti, è iui in grandissima veneratione» (*Da Collo Fr. 1603. Trattamento di pace. P. 16r.*)

Встреча посольства в Москве и его размещение

После ночёвки на ещё одном «государевом дворе» (*vn'altra corte del prencipe*) на следующий день вся посольская компания приблизилась, наконец, к Москве (*alla Città di Moscouia*). Их встречала знатная делегация: господа герцог (то есть князь) Иван Иванович Ярославский (*l'illustrissimo Sig. Duca Giouanni Iuanouich Ioroslaiensi*), которому через несколько лет предстоит править посольство к императору³⁶, и Иван Юрьевич Поджогин (*il Sig. Giouanni Iargouich podzoi*) – их Да Колло называет, как вслед за ним Герберштейн, большими людьми, или лицами (*grande presso la sua Maestà, gran personaggio presso di se [Prencipe]*)³⁷, и «одними из высших советников» (*de' supremi Consigieri*); упомянут также «господин пристав Фёдор Борисович» (*il Sig. Theodoro Borisouich deputato*), среди встречавших находились и те самые московитские послы, которые были спутниками императорских дипломатов, но за несколько дней до этого покинули своих коллег, чтобы затем встретить их у Москвы вместе с большой конной свитой – по прикидке Да Колло, было более тысячи лошадей³⁸.

Состоялась церемония встречи. Приветственную речь начал пристав Фёдор Борисович, когда спешили и приехавшие, и встречавшие. Перелагал его слова на латынь Истома (*Istoma interprete*), вместе с русскими послами вернувшийся от императора³⁹; с ним был ещё один переводчик Влас (*Biasio*), известный не только участием в дипломатических миссиях, но и помощью Максиму Греку в переложении церковных текстов⁴⁰. От имени императорских посланцев с ответной речью выступил Да Колло. Иноземным гостям по обычаю каждому предоставили лошадь с золотой сбруей, на них они сели и направились в город, где на улицах их ожидало множество народа, облачённого в придворные одежды (*per le strade staua una quantita innumerabile di populo, vestito di vestimenti della Corte*). Разместили гостей в двух больших дворах, изготовленных, как принято в этой стране (*ad vsò del paese*), из дерева и наказали ни под каким предлогом не выпускать за пределы помещений ни одного из литовцев, находившихся у них на службе, ибо такова воля государя. Затем императорских посланцев навестили многие советники и знатные люди двора (*molti Consigieri, et nobili, della Corte*), надо полагать бояре, чтобы сообщить о назначенном на завтра приёме у государя.

³⁶ *Fabri I. Moscovitarum iuxta mare glaciale religio // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Составитель, автор вводных статей, примечаний, указателей - О.Ф. Кудрявцев. М., 1997. С. 143-203.*

³⁷ *Da Collo Fr. 1603. Trattamento di pace. P. 16r. Ср. пояснение Герберштейна: «Они потому прибегают к титулу «большой человек» (*magnum homo, grosser man*), что это определение "большой" прилагается ко всем важным особам» (Герберштейн С. *Записки о Московии*. М., 2008. Т. I. С. 523-525). См. также: (Симичич: 41. Примеч. 72].*

³⁸ *Da Collo Fr. 1603. Trattamento di pace. P. 16r.*

³⁹ Об толмаче Истоме см.: Герберштейн С. *Записки о Московии*. Т. I. С. 508–515; Т. II. С. 461. Примеч. 857, а также Гамель 1865: 162–164).

⁴⁰ См. подробнее о Владе Игнатъеве: (Гамель 1865: 172, 173; Соболевский 1903: 184–189; Зимин 1972: 323, 324; Сеницына 1977: 62–64; Россия в первой половине XVI в. 1997: 206. Прим. 8).

На следующий день утром к ним явились три знатных господина и предупредили, что после публичного приёма послов им предстоит частная аудиенция, на которой будут обсуждены секретные вопросы (*le cose secrete*) с несколькими советниками⁴¹.

Дипломатические приёмы и переговоры

Вскоре после этого визита к императорским посланцам явились всё те же князь Иван Иванович Ярославский и Иван Юрьевич Поджогин во главе ста и более знатных людей двора, чтобы сопроводить гостей пред очи государя; с обеих сторон улиц, по которым они ехали, находились «люди отлично и единообразно одетые в придворных нарядах из казны государя, расшитых золотом и шёлком – предивное, чудесное зрелище»⁴². Да Колло, немало повидавший на своём веку и в дипломатических миссиях, тем не менее был поражён и восхищён тем, что предстало его взору в Москве.

Поблизости от крепости, то есть Кремля, к послам и их сопровождению с полагающимися приветствиями выступила новая группа во главе с неким сатрапом (*con un Satrapa*), а у ворот дворца – ещё одна «чудесно одетая и украшенная» (*mirabilmente uestita, et addobata*) группа, глава которой, в свою очередь, произнес церемониальное приветствие, то же самое было у первых дверей дворца – опять гостей встречала с соответствующими речами группа роскошно одетых придворных, затем – у вторых, но когда делегация подошла к третьим, за которыми находился государь, ей навстречу вышла следующая группа богато одетых людей, и её начальник спросил пришедших, кто они? На что получил ответ: посланцы Императорского Величества. Был задан ещё вопрос: что им угодно? Они ответили: явиться к Светлейшему Государю. Тогда стоящий у дверей громким голосом возвестил: «Посланцы Максимилиана, избранного Римского Императора, просят разрешения войти к великому Государю». И мы слышали, свидетельствует Да Колло, как сам государь на своём русском языке (*in lingua sua Ruthena*) сказал: «Пусть войдут посланцы Брата нашего Дражайшего Максимилиана, избранного Римского Императора и верховного Короля»⁴³.

Далее Да Колло даёт подробное описание российского государя, его окружения и сложных дворцовых церемоний. Войдя в залу, сообщает Да Колло, они увидели «Светлейшего Государя сидящим на Величественном Троне, облачённым в золотые одежды с серебряными [вышитыми] цветами, в белом головном уборе, вокруг него сидели советники и князья его, и среди них два маленьких сына царя Казанских татар (*due figliuoli giounni dell'Imperator de Tartari di*

⁴¹ Da Collo Fr., 1603. P. *Trattamento di pace*. 17v-18r.

⁴² "...genti vestite egregiamente, et uniformemente con vesti della corte, ò dell'errario d'esso Prencipe, d'oro e di seta cosa di gran marauiglia, et d'vn singolare spettacolo" (Ibid. P. 18r).

⁴³ Ibid. P. 18rv.

Casania), которые были взяты в плен и обращены в христианскую веру». Ещё у дверей, при входе императорские посланцы почтительно поклонились, приглашённые следовать дальше, на середине зала они снова поприветствовали поклоном государя и находившихся по обе стороны от него, затем им был сделан знак пройти к специально приготовленному для них сидению, устроенному напротив государя. После небольшого перерыва, который Да Колло называет отдыхом (*doppò un poco di riposo*), через переводчика им предложили говорить⁴⁴.

С пространной речью выступил Да Колло. Начал он с главного, с того, что его господин, император, стремится к установлению мира и согласия (*di indurre pace e concordia*) между московским государем и королём польским, и это будет на пользу и к выгоде той и другой стороны и пойдет на благо «общему христианскому делу» (*il beneficio commune della Christiana Republica*). Он напомнил, что этой же цели была посвящена накануне, в 1517 г., состоявшаяся миссия в Москву Сигизмунда Герберштейна⁴⁵, советника и посланца Его Императорского Величества (*Sigismondo Herberstain consigliere et oratore di Sua Cesarea Maestà*).

Едва Да Колло начал говорить, произошёл серьёзный дипломатический инцидент, который, впрочем, разрешился благополучно. Дело в том, что императорский посланец, нарушая принятые обычаи, пропустил полагающиеся приветствия своего императора; не услышав их, русский государь разгневанно поднялся и спросил, где же приветствия его дражайшего брата Максимилиана (*egli si leuò in piedi, et quasi con isdegno ci disse, doue sono le salutationi del fratel nostro Carissimo Massimiliano, eletto imperator de' Romani, et supremo Re*); узнав, что они будут сказаны в своё время, ниже, он успокоился и занял своё место. Когда было произнесено имя Максимилиана, российский государь снял головной убор (*cauata la bereta di testa*), когда же дошло до приветствий императора, он приказал оратору замолчать и, опять сняв головной убор, спустился по ступеням с трона, протянул руку посланцам императора как его представителям и спросил о здоровье брата своего и на это получил ответ, что в момент отбытия посольства тот был здоров. После чего Да Колло разрешено было продолжать свою речь⁴⁶.

Далее он в деталях стал описывать нависшую над христианским миром опасность в лице повелителя турок-османов султана Селима, его победы на суше и на море, покорение Греции с перечислением всех её частей, государственных образований Балканского полуострова, «Европейской Сарматии» (отдельно упоминаются Каффа и Меотийские болота, или Азовское море), Малой Азии и её провинций, «части Скифии, сиречь Тартарии», захват Константинополя, Трапезунда, многочисленных территорий на Ближнем и Среднем Востоке,

⁴⁴ Ibid. P. 18v-19r.

⁴⁵ См. о миссии Герберштейна 1517 г.: (Хорошкевич 2008: 65, 88 и в др. местах).

⁴⁶ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 22v. См. также: (Симич 1996: 26).

а также в Северной Африке; более того, под его властью оказались четыре патриарших престола – Антиохийский, Александрийский, Иерусалимский и Константинопольский – семь азиатских церквей, к коим писал апостол Иоанн, а также «гробница Давида и – о чём ужаснее и неприятнее всего говорить – гробница Христа, Искупителя нашего (il Sepolcro di Christo Redentor nostro), вместе с Вифлеемом, Назаретом, горой Синай и другими местами таинства страстей этого нашего Спасителя». Итожа перечень османских завоеваний, Да Колло заключал: вот, чтобы спастись от «вечного врага христианской веры» и сохранить то немного, что осталось от Европы (di questo poco restante d'Europa), нужно добиться согласия и союза христиан (Concordia, et vnion de' Christiani). Ибо ни один из христианских государей не в состоянии противостоять столь сильному противнику. Призывом прекратить войну между христианами, забыть взаимные обиды и направить оружие на общую борьбу с врагами Христовыми заканчивается речь Да Колло⁴⁷, а с нею вместе парадная, открытая часть переговоров.

Затем государь повелел перевести посланцев императора в другое помещение, куда явились также их русские коллеги, названные поименно: Григорий Федорович, Георгий Дмитриевич, как сказано, казначей (Thesoriero), уже известный Иван Юрьевич Поджогин – все они представлены как «главные советники» (consiglieri supremi); кроме них были Григорий Манцой и господин Труффа «главные секретари» (il Sig. Gregorio Manzoi, et il Sig. Truffa secretari supremi), то есть дьяки⁴⁸.

Начались переговоры, долгие, тяжёлые, изнурительные, прерываемые пирами, впрочем, не менее обременительными для послов, и охотой. Происходил не только устный обмен мнениями и предложениями, вручались и памятные записки, как замечал Да Колло, «для более зрелого обдумывания (per più matura consideratione)» аргументов, с которыми выступали стороны. Московские представители хотели видеть конкретные мирные условия, которые учитывали бы их интересы; посланцы императора настаивали на том, чтобы прежде частных вопросов добиться от российского государя согласия на заключение мирного соглашения с королем Польским⁴⁹.

«Пьянство стало нашим спасением»: московитское застолье

По ходу переговоров гости были приглашены на обед к российскому государю. Да Колло описывает это мероприятие довольно подробно. Его с товарищем посадили за столом, ближайшим к государю; на некотором удалении от государя

⁴⁷ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 19r-22v.

⁴⁸ Ibid. P. 22v.

⁴⁹ "...noi respondemmo di non poter uenir à secreto, nè à particular alcuno de articoli della pace, se prima non habbiamo dall'istesso serenissimo prencipe l'intentione, et disposition sua alla pace, et spettarsi alla Serenità sua il dichiarare se uuole, o se intende di hauer pace col Sereniss. Re di Polonia, et medesimamente sotto quali conditioni voglia, o intenda di hauer essa pace" (Ibid. P. 23v).

за его же столом располагались советники и важные персоны числом около двадцати (*li suoi Consiglieri, et grandi intorno a XX*); за столом посланников напротив Да Колло – князь Иван (*il Sig. Duca Giouani*), по-видимому, Иван Иванович Ярославский, с коллегами, а за посланниками – их слуги (*li nostri famigliari*), однако не было литовцев, коим запрещалось покидать их жилище.

Внимание Да Колло привлёк находящийся в центре зала высокий до потолка поставец (*credentiera*) со множеством серебряных ваз и приборов большой ценности, по-видимому, служивший демонстрации богатства и роскоши русского государя. То же впечатление должно было производить и само пиршественное действо, организованное и обставленное с претензией на великолепие.

На пиру государь лично разрезал хлеба, посылая их с полагающимися словами участникам пира, угощали мёдом, который подавался как напиток. Причём всякий раз, когда императорским посланцам посылали и доставляли кушанья от государя, все должны были подниматься на ноги, снимать головные уборы и стоять так, пока гости принимали эти кушанья, коих было великое множество, на серебряной посуде, и разносились они людьми в золотых одеждах. В конце обеда князь встал и предложил выпить в честь «дражайшего нашего брата Максимилиана мёда из бокала в форме ладьи» (*vn bichiero di Medone in forma di naue*); осушив его, государь велел наполнить его снова и подносить каждому посланцу, и надлежало пить, даже если не было желанья и аппетита, хотя этот напиток, признается Да Колло, «в частности мне был неприятен» (*quantunque questa beuanda à me in particolare fosse molesta*).

После застолья вернувшись домой, посланцы императора нашли у себя накрытый по распоряжению великого князя стол с вазами и посудой из серебра. Уже известный нам пристав Федор Борисович через переводчика довёл до их сведения пожелание государя, чтобы они (названы поимённо Франческо и Антонио) продолжали радоваться и веселиться после того, как «повидали нас и предстали пред нашими очами», для чего им были посланы ранее их принимавшие «родственник наш князь Иван Иванович [Ярославский] и советник Иван Юрьевич [Поджогин]». Таким образом княжеский пир имел продолжение, императорским посланцам надо было снова садиться за стол (*ci fu bisogno di nouo seder à tauola et compir tutta la giornata in bere*). Помогло им неожиданное обстоятельство. Они увидели, что москвичи напились допьяна, и в этом было спасение западных дипломатов, ибо те, будучи совершенно пьяными, не в состоянии были понуждать своих европейских коллег пить, что им надлежало бы делать. По остроумному предположению исследователей, подобные попойки могли устраиваться в надежде на то, что в нетрезвом состоянии послы могли проговориться и выдать важные секреты; отчего и говорилось «поить посла» (Ключевский 2023: 40; Симчич 1996: 27).

В последующем, пишет Да Колло, дважды в день их приветствовали и посещали от имени великого князя различные советники, и непременно участниками этих встреч были пристав с переводчиком. На первое августа императорские

посланцы были приглашены к государю, который накануне прислал им от своего стола осетров, пирогов и другой снеди, а также четыре кувшина разнообразных медов. В назначенный день императорских представителей сопровождали к великому князю для приветствий, после чего их отвели в другое место дворца, где их ожидали четверо из главных советников и два секретаря, то есть дьяка, и у всех в руках была бумага с инструкциями и каждый выступал, строго следуя принятым правилам, всякий раз указывая перечень всех полагающихся титулов. Началось рассмотрение вопросов, связанных с заключением мирного соглашения, возможно, первое предметное обсуждение проблемы. Дискуссия, судя по всему, шла трудно и долго, Да Колло – что примечательно – даже указывает её продолжительность – непрерывных пять часов (*per cinque hore continue*). По предложению императорских представителей, московские участники переговоров согласились письменно изложить свои позицию и предложения. Соответствующую записку они передали своим западным коллегам уже вечером⁵⁰. Своим содержанием она близко напоминала речь, с которой выступил Да Колло перед российским государем: те же ссылки на турецкую угрозу, на захваты султана Селима в Европе, Азии и Африке, на подчинение османам христианских церквей Востока, те же призывы к совместным действиям (*general speditione*) христианских государей против опасных захватчиков и в этой связи признание необходимости великому князю Московскому замирииться с королём Польским; но одновременно русские дипломаты указали на препятствия к такому примирению, сославшись в частности на неготовность к нему польской стороны (*ma quella pace non seguita all' hora, non per mancamento nostra, ma per mancamento della parte di esso Re*), которой следовало бы прислать представителей для переговоров, и подняв вопрос о древнерусском наследстве, частично оказавшемся под властью польского короля: речь идёт о «русских городах, являющихся, как настаивали московиты, нашим родовым достоянием» (*tenendo sotto di se [Re Sigismondo] ingiustamente quelle Città della Russia patrimonio nostro*)⁵¹. Ещё одним камнем преткновения между Россией и польско-литовской унией были «обиды», чинимые сестре великого князя королеве (вдове польского короля Александра) и великой княгине Елене (*ingiuste cause siano state fatte alla sorella nostra Regina, et gran Duchessa Helena*)⁵², о которых часто упоминается в русских дипломатических документах⁵³.

Значительное время прошло в безрезультатных переговорах, и Да Колло объявил, что готовится к отъезду, не без лукавства объясняя своё намерение тем, что здесь, в Москве, он тратит время попусту (*infruttuosamente*), без какой-либо выгоды и чести для своего государя, вернувшись к которому, он смог

⁵⁰ Ibid. P. 25rv.

⁵¹ Ibid. P. 25v-27v.

⁵² Ibid. P. 27v и в других местах.

⁵³ Дочь Ивана III и сестра Василия III была выдана замуж в 1495 г. за великого князя Александра, позже ставшего королем. См.: (Соловьев 1989: 97 и далее).

бы с большей пользой служить ему; и эти слова императорского посланца задела российского правителя (le quali mie parole potero forse operar alcuna cosa nell'animo di esse Prencipe), так что к Да Колло в покои были направлены три соверника и два секретаря, дабы выяснить серьёзность его намерений. В итоге было решено направить к императору прикомандированного к посольству гонца Джованни делла Торре, чтобы донести ему о переговорах и, как надеялись в Москве, об «обидах» (l'ingiurie), которые русский правитель терпит от польского. С тем 14 августа и уехал Делла Торре, получивший от российского государя в качестве подарков дорогую одежду, соболей, горностаев и золотые монеты⁵⁴.

Великокняжеская охота

Особым знаком внимания в отношении императорских посланцев было их приглашение на великокняжескую охоту. Похоже, звали их не раз⁵⁵. Да Колло описал охоту с собаками и соколами, состоявшуюся, как сказано, четвёртого декабря (A 4 di Decembre). Похоже, в дате ошибка, и, поправляя её, О. Симчич обоснованно указывает четвёртое сентября (Симчич 1996: 27)⁵⁶. Как бы то ни было, описанная Да Колло охота представляла собой, по-видимому, очень зрелищное действо. За посланцами императора явились все те же Иван Иванович Ярославский, Иван Юрьевич Поджогин с приставами и тремьятами (!) конными дворянами. Охотились на расстоянии мили от города, в красивом лесочке посреди больших открытых лугов при участии двух тысяч всадников, разбитых на отряды, были также двести пеших с двумястами отборными собаками большой величины и красоты и еще всадники с двумястами соколами разных пород, кречетами и иными ловчими птицами по преимуществу белого цвета. Сам великий князь на белом коне, облаченный в белое бархатное одеяние с золотыми вышивками, руководил охотой; он поприветствовал императорских посланцев рукопожатием и пожаловал им по собаке. По приказу государя были спущены в лес гончие псы, и из него стали выбегать зайцы и лисицы в таком множестве, что борзые поначалу были в замешательстве, кого им преследовать и хватать; за час (doppò lo spatio d'un hora) – считает нужным уточнить Да Колло – было добыто восемьдесят зайцев и лисиц; этот этап охоты был завершён, и Да Колло получил от великого князя в подарок ещё одну собаку, которую императорский посланец похвалил за её охотничьи качества. Не довольствуясь этой потехой, государь повелел всем скакать в другое место с ручьями, болотцами, прудами,

⁵⁴ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 33r-35r.

⁵⁵ Ibid. P. 35v-36r.

⁵⁶ Да Колло рассказывает, в частности, о соколиной охоте на перелетных птиц (см. ниже), для которой начало декабря – время невозможное, ибо эти птицы давно должны были покинуть пределы Центральной России и улететь на юг.

«искусно сделанными и устроенными (*artificiosamente fabricati, et ordinati*)», где было изобилие уток, гусей, журавлей и цапель. Великому князю доставляло большое удовольствие из своих рук выпускать соколов и кречетов и наблюдать, как они бьют в небе журавлей и других птиц; на сей раз добыча составила более семидесяти уток.

«Послы, словно пленники»: откровенный разговор с российским государем?

По завершении охоты все направились в усадьбу государя (*ad una corte*), мастерски устроенную с дворцами из дерева, очень красивыми, садами и лужайками. Здесь, по-видимому, в одном из дворцов было установлено позолоченное кресло (*cathedra dorata*) со скамейкой для ног, а также сидения, покрытые коврами. Кресло занял государь, с одной стороны от него разместились восемнадцать советников, главными среди них были упомянутые уже юные сыновья хана (*dell'Imperator*) казанских татар, с другой – посланцы императора с князем Иваном Ивановичем и другими лицами из их сопровождения (*et altri nostri conduttori*), а за ними около трёхсот разных представителей знати и егеря. Угощали дынями, яблоками и другими яствами, а также медами, коих было в изобилии. Сам государь через своих слуг посылал то одному, то другому из присутствовавших угощения, называя каждого по имени, что должно было удивить Да Колло, ибо их всего насчитывалась добрая тысяча человек (*nominando ben mille co'l proprio nome*).

Ему и его коллеге, то есть Антонио де Конти, пишет Да Колло, тоже приходили эти дары от государя; конечно же, полагалось много пить, о чём их просили, в особенности когда провозглашались тосты за императора⁵⁷.

В этой обстановке веселья и праздника российский правитель решил побеседовать с Да Колло и спросил его о том, что он может сказать – нет, не об охоте и как она организована, – а о его собственном могуществе и его государстве (*della grandezza sua, et del suo stato*). Дипломат тут же нашёлся и ловко повернул разговор в выгодном для себя направлении; он сумел польстить державному собеседнику и спровоцировать нужную для себя его реакцию: как бы между прочим он заметил, что многие государи даже вместе не смогли бы устроить столь прекрасную и грандиозную охоту, что же касается могущества российского государя и его державы, то о них он никакими сведениями не располагает, а равно не сможет удовлетворить любознательности своего императора, просившего его разузнать о реке Танаис и о Рифейских горах, поскольку с самого начала ему было воспрещено с кем-либо общаться. Впрочем, говорит далее Да Колло, продолжая провоцировать своего собеседника, он считает

⁵⁷ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 36r-37v.

российского государя очень могущественным, «хотя в чём именно заключается это могущество, он не может сказать из-за некоего препятствия, или затруднения (*per un certo mancamento*), о котором и говорить-то мне нельзя», замечает Да Колло, ещё больше повышая градус интереса собеседника.

Слова Да Колло попали в цель. Василий III, желая узнать, о каком таком препятствии или затруднении идёт речь, стал всячески просить императорского посла объяснить ему это и обещал, что его слова не будут иметь дурных последствий, поэтому пусть посол говорит обо всём открыто (*io douesi dir il tutto liberamente*). И вот тогда, пишет Да Колло, он сказал: «...что же я могу рассказать или сообщить о великости вашего государства или о Вашем могуществе и достоинстве, если мы, посланцы Вашего Брата императора Максимилиана, отправленные к великому государю Василию, императору и повелителю всея Руси и многих царств, едва прибыв, были взяты под охрану, словно пленники, и было запрещено нам общение, как если бы мы были посланы врагом».

Но этого мало; Да Колло ещё больше подзуживает великого князя, заметив: «...если бы меня попросили поведать о государе татар и о его государстве, то я мог бы сказать кое-что, потому что я находился в его царстве недолго как человек свободный; так же я мог бы рассказать о султани Вавилонии, о Французском королевстве, Испанском, Английском и многих других, где я бывал, проживая в них свободно. Но что же я могу сообщить о государстве Вашей Светлости, где я нахожусь, как пленник?»⁵⁸. Василию III ничего не оставалось, как улыбнуться и, обращаясь к своим советникам, признаться, что Франческо – он назвал императорского посла по имени – заслужил его доверие, поскольку он, дескать, тот человек, который превознесет его имя, увидев и изведав многое, посему государь повелел посвятить императорского посланца в секреты и внутреннюю жизнь его государства (*i secreti, et l'intimo dello stato nostro*), разрешить свободное посещение различных частей страны и городов, встречаться с любыми людьми откуда бы то ни было, более того «приказал призвать каких-то своих людей с Волги и из других мест, хорошо знающих разные области», дабы они дали Да Колло нужные ему сведения о разных вещах и, в свою очередь, получили информацию от него.

Да Колло упоминает, что ему удалось всё-таки побывать в разных частях страны (*con essermi transferito in diuerse parti*), однако, в каких именно, почему-то не уточняет. Приходили к нему также разные люди, надо полагать, исполняя повеление государя, называет же он только Николая Любекского, или Булева, «прославленного врача, весьма сведущего в разных науках, в особенности же в космографии и астрологии», и Утрина Базеровича, «человека универсального

⁵⁸ Ibid. P. 37v-38v. См. также: Симчич 1996: 28, 29.

(sic!) и очень опытного», которые, по признанию Да Колло, просветили его настолько, что относительно новых и неизвестных вещей он стал в достаточной мере осведомлён⁵⁹.

В только что приведённых сообщениях некоторые обстоятельства заставляют обратить на себя пристальное внимание. Удивительно, что российского человека, жителя далёкой и, по понятиям европейцев того времени, варварской страны, Утрина Базеровича, Да Колло определяет так, как могли характеризоваться величайшие представители ренессансной эпохи – вроде Леона Баттиста Альберти, Джованни Пико делла Мирандола, Леонардо да Винчи, которые как бы воплощали собой идеал универсального, или всеомеренного, человека (*l'uomo universale*), разрабатываемый в гуманистической мысли и культуре Возрождения⁶⁰. Конечно, Утрин Базерович при всей полноте и широте своих практических знаний о русской стране не мог сравниться по разносторонности дарований, научных интересов и свершений с наиболее значительными деятелями ренессансной культуры. Но уже то, что Да Колло применяет к нему такую же характеристику, какую использовали и для них, говорит о том, что этот представитель далёкого от просвещённой Европы русского мира какими-то своими интеллектуальными качествами вызывал уважение габсбургского дипломата, приверженного, вне всякого сомнения, ценностям своей культуры и цивилизации.

Возникает ещё один и вполне законный вопрос: в какой мере можно полагаться на верность и точность пересказанной Да Колло его беседы с российским государем? Ведь, само собой разумеется, её протокольной записи он не вёл и общал о ней, если всё же допустить, что такая беседа между ними действительно состоялась, опираясь на свою память. Впрочем, зададим вопрос и себе: что заставляет нас сомневаться в правдивости рассказа Да Колло? Есть ли для этого серьёзные основания? Имеются. И речь идёт не о каких-то невольных и вполне объяснимых ошибках или недоразумениях, но о несомненной и откровенной мистификации, проще говоря – лжи. Вспомним, попрекая Василия III тем, что живёт он в Московии поднадзорно, как пленник, императорский посланец утверждает, будто он находился у татар и был свободен, что на таком же положении он был у султана Вавилонии (имелся в виду Египет), во Франции, Англии, Испании⁶¹. Во Франции он действительно был с миссией к королю Франциску Ангулемскому и в Испанию он тоже наведывался, однако уже после возвращения из Москвы. А вот его визиты к татарам, к султану Вавилонии/Египта – явная выдумка, не был он в этих странах ни «как свободный» (*come libero*), ни

⁵⁹ "... con l'esser uenuti à me diuersi, tra quali un maestro Nocolò Lubicense medico celeberrimo, et in diuerse scientie, et particolarmente nella Cosmographia, et Astrologia peritissimo, et vgrino Bazerouich huomo uniuersale, et de gran pratica, del quale io farò mentione à suo loco, et tempo, restai di molte cose noue et incognite basteuolmente instrutto..." (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 38v).

⁶⁰ См. подробнее: (Гарэн 1986: 137, 236 и в др. местах; Ревякина 2000: 129–145; Кудрявцев 2008: 287–302).

⁶¹ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 38r.

в каком-то другом качестве. Эта ложь бросает тень подозрения на всё то, что он рассказал о беседе с великим князем Московским. Такая беседа вполне могла состояться, ничего невозможного в том, что российский государь переговорил с представителем императора после охоты на досуге, нет. Но нельзя не заметить, что Да Колло представил себя в самом привлекательном свете – он и опытный, ловкий дипломат, который сумел загнать державного собеседника в подготовленную им ловушку и приобрести существенные выгоды для себя в виде свободы передвижения по стране и общения, и в то же время – прямодушный, если не дерзкий обличитель деспотии российского государя, не терпящего никакой свободы, даже дипломата, приехавшего к нему с важной миссией от императора. Обе роли характеризовали Да Колло с самых выгодных сторон, кто бы ни был читателем его труда – чиновные лица, которым доступны документы императорской канцелярии, или же все, кого на Западе интересовали космографические описания – в том случае, если бы этот труд пожелал напечатать сам ли автор или кто-то другой. Кстати заметить, любой читатель должен был догадаться, что за государство посещает Да Колло уже с самого начала, когда он повествует, как вступает на московскую территорию и его встречает местный чиновник-администратор, которого Да Колло называет сатрапом (*un certo Satrapa*)⁶², а так именовали царских наместников в восточных деспотиях античные авторы. То есть получается, что Да Колло не только переиграл российского государя на дипломатическом уровне, но и заставил косвенным образом признать ущербность установленных в его государстве порядков, направленных на решительное ограничение свободы, поскольку Василию III под влиянием доводов Да Колло пришлось их в отношении хотя бы него отменить. Теперь, после сказанного задумаемся вот о чём: мог ли Да Колло по своему почину вести речи, очевидно порочащие российского государя и его страну? Как частное лицо теоретически, конечно, мог, если бы его удостоили в этом качестве аудиенции на высшем уровне. Но Да Колло состоял на службе у своего императора и получил от него чёткие инструкции, о чём вести речь и чего добиваться. В этом случае какая бы то ни было самодеятельность дипломатического представителя исключается. Ибо она может привести к полному провалу его столь важной для императора и всего христианского мира, столь дорогой, трудной и опасной для дипломатов их миссии в далекую Московию. Да Колло – и это очевидно – знал, в какую страну и к какому правителю он едет. С деспотом же – а именно таким воспринимал Василия III Да Колло – вести вольные речи, чтобы потешить своё самолюбие, продемонстрировав порочность политической системы, которую тот возглавляет, опасно, крайне опасно. Ведь реакция деспота на них непредсказуема, они могли дорого обойтись говорящему. Конечно, Да Колло не робкого десятка, раз он согласился возглавить долгое, тяжёлое, чреватое большими

⁶² Ibid. P. 14v.

испытаниями посольство. Поэтому нет никаких сомнений, что Да Колло готов был рисковать своей свободой и даже жизнью. Но мог ли он рисковать делом, которое доверил ему император?! Ведь если бы великий князь разгневался на Да Колло за его слова, то он – нет, ни в коем случае не казнил бы дерзкого обличителя российской деспотии и не бросил бы его в темницу, а скорее всего отправил бы восвояси с письмом к императору следующего содержания: дескать, «Брат мой возлюбленный», не тех людишек ты ко мне присылаешь для переговоров, или – выражаясь языком современных международно-правовых понятий – объявил бы его *persona non grata*. И с каким лицом Да Колло вернулся бы к императору? И чего ради он проделал этот нелёгкий долгий путь в пугающую, малопонятную, расположенную на крайнем северо-востоке страну Московию? Поэтому с большой долей вероятности следует заключить, что фантазией габсбургского дипломата являются не только его, якобы, миссии к татарам и султану Вавилонии, но и содержание всей беседы с российским государем, если только – повторимся – таковая имела место. Ибо разрешение путешествовать по стране и общаться с разными людьми помимо тех, которые предназначены были для ведения переговоров с императорскими посланцами, Да Колло мог получить от великого князя иным образом и даже скорее через своих русских партнёров.

Продолжение переговоров и банкетов. Отъезд послов

После охоты императорские посланцы с частью добычи и подаренными им псами в сопровождении большого числа всадников (Да Колло пишет о пятистах) вернулись в Москву. 14 сентября стало известно о вторжении большой массы татар во владения великого князя, навстречу которым выступило войско во главе с двумя его братьями, сам же он отправился «в свой город Волок» (в итальянском тексте читаем: «*uerso Volha sua Città*»⁶³; русские документы с определённой указывают Волок⁶⁴). Здесь же Да Колло упоминает о примечательном инциденте с посланниками хана казанских татар (*gli oratori dell'Imp. de Tartari di Casania*): они выразили недовольство полученными дарами, и им их обменяли «на другие, более дорогие и ценные, так что они уехали вполне удовлетворённые»⁶⁵.

Возобновились и переговоры с советниками великого князя по поводу русско-польского перемирия. Продолжались они всю осень и большую часть декабря 1518 г. Между тем к представителям императора вернулся их гонец Джованни делла Торре с посланием к ним от их господина, датированным июлем 1518 г.,

⁶³ Ibid. P. 38v.

⁶⁴ Памятники дипломатических сношений... Стлб. 411. См. также: Симчич 1996: 29.

⁶⁵ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 39r.

с тем же предписанием содействовать достижению перемирия, столь необходимого для организации совместного отпора османам. На что был получен ответ русской стороны.

Василий III вернулся в столицу из Волока 16 октября. Переговоры перемешались пирами, завершающимися далеко за полночь полным опьянением, если верить Да Колло, всех русских (*fino alla vbriachezza di cadauno di essi*)⁶⁶. После одного из таких веселых времяпрепровождений (*starsene allegri secondo il loro costume, rinouando il beuere*) на следующий день великий князь почтил своих гостей из Империи милостями и знаками внимания (*fauori, et gratie*), к таковым относилось в частности осуществлённое, надо полагать по их просьбе, «освобождение из-под стражи одного знатного человека, брата государевой жены (!) по имени Угрин, впавшего в немилость»⁶⁷. В рукописной версии говорится о «свояке князя» (*suo cognato*)⁶⁸. Исходя из сходства имен, предполагали, что этот Угрин, брат супруги великого князя Соломонии, идентичен с упомянутым Да Колло прежде Угрином Базеровичем, или Угрином Баграковым; хотя это предположение следует отвергнуть, ибо странно, что такое родство Да Колло никак не отметил⁶⁹. Впрочем, в русских документах сказано, что Да Колло ходатайствовал за опального по просьбе «магистра Ливонского», тогда как рукописная версия его труда гласит, будто об этом его просили русские советники, выполняя поручение «госпожи княгини»⁷⁰.

Достичь соглашения о перемирии мешал целый ряд спорных вопросов, с которыми пришлось иметь дело императорским посланцам. Так, великий князь настаивал на возвращении русских военнопленных (*la restitution de' prigioni*)⁷¹, а также русских городов и земель, его, как он утверждал, наследия, захваченных некогда Литвой и Польшей, которые «король Сигизмунд до сих пор держит за собой неправдой»⁷². Наконец, великий князь требовал признать Смоленск, незадолго перед тем, в 1514 г., взятый его войсками, российским владением и согласиться на включение его в пространный титул государя, тогда как поляки добивались, наоборот, его возвращения под власть короля⁷³.

После долгих и изнурительных переговоров осени – начала зимы 1518 г. императорским посланцам Франческо да Колло и Антонио де Конти удалось добиться кое-каких результатов, но они были гораздо меньше ожидавшихся. В итоге было достигнуто соглашение о перемирии между великим князем

⁶⁶ Ibid. P. 41v. Cp.: Ibid. P. 49r.

⁶⁷ "... in particolare la liberatione di vn gentil'huomo, fratello della moglie di esso Principe per nome Vgrino, che era caduto nella disgratia sua" (Ibid. P. 41v).

⁶⁸ Da Collo Fr., 1558. *Trattato Moscovitico*. P. 103r.

⁶⁹ См. в этой связи наблюдения: (Симич 1996: 30, 42. Примеч. 84).

⁷⁰ Памятники дипломатических сношений... Стлб. С. 433, 434; Da Collo Fr. 1558. *Trattato Moscovitico*. P. 103r.

⁷¹ Da Collo Fr., 1603. *Trattamento di pace*. P. 11r, 35r, 42r и в др. местах.

⁷² "... le Città della Russia nostro patrimonio, le quali il Rè Sigismondo anco hoggidi ritiene sotto di se ingiustamente" (Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 27v). См. также: Ibid. P. 31r, 34rv, 45r.

⁷³ Ibid. P. 10v, 11r, 47r.

Василием III и королём Сигизмундом I, однако не на пять лет, как предлагал император, или хотя бы на два-три года, чего добивались на месте уже его представители, а лишь на один год⁷⁴, до Рождества 1519 г.

Незадолго до отъезда, 29 декабря, посланцы императора были приглашены на обед к великому князю. Перед этим им преподнесли два дорогих шитых золотом и подбитых собольим мехом одеяния, в которые они по повелению российского государя должны были облачиться. За доблесть, как сказано в тексте, государь их почтил военными знаками отличия (*ornati delle insegne militari*)⁷⁵ и просил, чтобы и перед своим государем Максимилианом I они появились в этих же нарядах, которые бы свидетельствовали об их достойном поведении при дворе великого князя и заслуженной ими у него милости. Поэтому они были ещё одарены соболями, белками, горностаями, позолоченными кубками, а также лошадьми, санями, рыбами, медом и деньгами⁷⁶.

Сам обед проходил, как обычно, в роскошной обстановке. Гостей проводили вначале через зал, уставленный кушаньями, подаваемыми в позолоченной очень дорогой посуде, и ввели в другой зал, где тоже были накрыты большие столы и находился высокий почти до потолка поставец с позолоченными вазами и блюдами, слуги, облачённые в шитые золотые одеяния разносили угощения на золотой посуде; и длилось пиршество с десяти часов вечера до шести часов ночи, в завершении которого великий князь подозвал Франческо да Колло и Антонио де Конти к себе и предложил им выпить по полному кубку в честь его «дражайшего брата Максимилиана, избранного римского императора, верховного короля и великого государя». Затем вместе со всё тем же князем Иваном Ивановичем и другими обычными провожатыми они отправились в свои покои, и дорогу им освещало столь много факелов, что, казалось, было светлее, чем днём; дома же их ожидало продолжение банкета, ибо повелением великого князя у них были накрыты столы и им надо было опять пить в честь государя до полного опьянения всех⁷⁷.

В последний день месяца толмач Истома передал посланцам письмо Василия III к Максимилиану I, в котором подробно обсуждалась проблема перемирия с королем Сигизмундом I. Третьего января 1519 г. им был вручен ещё один документ на латинском и русском языках (*in lingua Ruthena, et Latina*) с изложением той же проблемы. Четвёртого января 1519 г. уже перед самым

⁷⁴ "... facemmo proposta di due, ouero di tre anni, et in fine fu concluso di anno vno" (Ibid. P. 46v). См. также: Ibid. P. 47v, 49r.

⁷⁵ О. Симич (Симич 1996: 30) не без основания видит в этом некий аналог европейского обряда посвящения в рыцари.

⁷⁶ Da Collo Fr. 1603. *Trattamento di pace*. P. 47r.

⁷⁷ "... facemmo ritorno à gli alloggiamenti nostri accompagnandosi il Sig. Duca Giovanni, et altri soliti con molti nobili, et con così gran copia de lumi, che superar pareuan la chierezza del giorno per meza lega continua, et quiui giunti, trouati apparate le mense per commandamento del Prencipe fummo astretti à sedere da bel nouo, et à tornar à bere in honor di esso prencipe sino ad una total vbrachezza di essi tutti" (Ibid. P. 48v-49r).

отъездом императорских посланцев им были пожалованы через казначея новые дары великого князя в дополнение к ранее упомянутым – серебряные вазы с позолотой.

Обратный путь описан Да Колло предельно лаконично: «мы [то есть императорские посланцы – О.К.] ехали той же дорогой, по которой ранее прибыли [в Москву – О.К.]». Возвращаясь домой, от короля Сигизмунда, принявшего их ласково, они узнали о смерти императора; выборы нового задержали их в Центральной Европе. Отчёт о московитском посольстве они давали правительственным чиновникам в Вене, а затем – в Инсбруке и на собрании князей, съехавшихся для избрания нового императора, наконец, самому новому императору Карлу V⁷⁸.

Об авторе:

Кудрявцев Олег Фёдорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991 Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект 27, корпус 4. ORCID: 0000-0002-6766-9505. E-mail: demetr22@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC 94:327(436:470)“1518/1519”

Received: June 16, 2024

Accepted: August 15, 2024

Unsuccessful Peace-making: the Mission of Francesco da Collo and Antonio de Conti to Moscow (1518–1519)

 O.F. Kudriavtsev

[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-155-182](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-155-182)

Moscow State Lomonosov University

⁷⁸ Ibid. P. 51r.

Abstract: This article explores the peace mission of Francesco da Collo and Antonio de Conti, envoys of Emperor Maximilian I of the Holy Roman Empire, to Grand Prince Vasily III of Moscow in 1518–1519. The mission aimed to mediate between Moscow and the Polish-Lithuanian Commonwealth, seeking to align both states for a planned united Christian campaign against the Ottoman Empire, whose expansion in Southeastern Europe posed a serious threat. The study centers on da Collo's report from the mission, which not only chronicles the negotiations but also provides rare insights into Russian diplomacy and courtly traditions of the early 16th century. The article underscores the critical role of ceremonial practices, such as receptions, banquets, and hunts, in the diplomatic culture of the period.

Particular focus is given to da Collo's accounts of his interactions with Vasily III and his entourage, highlighting the crucial importance of personal meetings and informal contacts in the diplomatic process of the time. Despite the envoys' efforts, the mission achieved only a temporary one-year truce, with insurmountable barriers to a comprehensive peace including territorial disputes—especially over the control of Smolensk—and the issue of repatriating Russian prisoners of war from Poland.

Furthermore, da Collo's report serves as an early illustration of how Muscovy was constructed as an eastern, despotic power, offering one of the first examples of Russia being depicted as the “Other” in early modern European thought. The study sheds light on the complex dynamics of diplomacy in this era and reveals how these interactions contributed to the broader European perception of Russia as an alien and adversarial state.

Keywords: Moscovia, Russia, Holy Roman Empire, Francesco da Collo, Vasiliy the 3rd, diplomatic negotiations, diplomatic ceremonial

About the author:

Oleg F. Kudriavtsev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Medieval History, Lomonosov Moscow State University. 27 Lomonosovskiy prospect (korpus 4), GSP-1, Moscow, Russia, 119991. ORCID: 0000-0002-6766-9505. Moscow. E-mail: demetr22@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Uebersberger H. 1906. *Oesterreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*. Wien; Leipzig: W. Braumuller. 581 s. (In German)

Hamel I.H. 1865. Anglichane v Rossii v XVI - XVII stoletiyah [The Englishmen in Russia of the 16–17th Centuries]. *Prilozhenie k VIII tomy zapisok Imperatorskoy Akademii Nauk* [Supplement to the VIIIth Volume of the Records of the Emperor's Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. 179 p. (In Russian).

Garin E. 1986. *Problemi italianskogo Vosrozhdenia* [The Problems of the Italian Renaissance]. Moscow: “Progress”. 495 p. (In Russian).

Gralya I. 1992. Motivi “Orshanskogo triumfa” v yagellonskoy propagande [The Motives of the “Orsha's Triumph” in the Jagellonian Propaganda]. *Problemi russkoy istorii i kulturi feodalizma* [The Problems of the Russian History and Culture of the Feudalism]. Moscow, P. 46–50. (In Russian).

Zimin A.A. 1972. *Rossia na poroge Novogo vremeni (Ocherk politicheskoy istorii Rossii pervoy treti XVI veka)* [Russia in the Beginning of the New Times (Essays of the Political History of Russia of the First Third of the 16th century)]. Moscow: “Nauka”. 452 p. (In Russian).

Karamsin N.M. 1842. *Istoria gosudarstva Rossiyskogo* [The History of the Russian State]. Book II. Vol. VII. Moscow: V tipografii Eduarda Prazha. 526 p. (In Russian).

Klyuchevskiy V.O. 2023. *Skasaniya inostrantsev o Moskovskom gosudarstve* [The Foreign Records Dedicated to the Moscow State]. Moscow: "Yurayt". 286 p. (1 Ed. – Moscow, 1866). (In Russian).

Kudriavtsev O.F. 1997. *Zhishn' za tsarya: russkie v vospriyatii evropeitsev pervoy polovini XVI veka* [A Life for the Tzar: the European's Perception of Russians in the First Half of the 16th Century]. *Rossiya v pervoy polovine XVI veka: vsglyad is Evropi* [Russia in the First Half of the 16th Century: a Glance from Europe]. Prepared by O.F. Kudriavtsev. Moscow: "Russkiy mir". P. 6–34. (In Russian).

Kudriavtsev O.F. 2008. *Florentiyskaya Platonovskaya akademiya. Ocherk istorii duhovnoy zisni renessansnoy Italii* [The Florentine Platon Academy. An Essay in the History of Intellectual Life of the Renaissance Italy]. Moscow: "Nauka". 478 p. (In Russian).

Pisarevskiy G. 1895. *K istorii snosheniy Rossii s Germaniyei v nachale XVI veka* [About the History of the Relations between Russia and Germany in the Beginning of the 16th Century]. *Chteniya v obzestve istorii i drevnostey rossiyskih* [The Records of the Society of Russian History and Antiquities]. Book 2. P. 1–21. (In Russian).

Revyakina N.V. 2000. *Chelovek v gumanisme italianskogo Vosrozdheniya* [A Man in the Italian Renaissance Humanism]. Ivanovo: Isd-vo Ivanovskogo universiteta. 323 p. (In Russian).

Rossiya v pervoy polovine XVI veka: vsglyad is Evropi [Russia in the First Half of the 16th Century: a Glance from Europe]. 1997. Prepared by O.F. Kudriavtsev. Moscow: "Russkoe slovo". 403 p. (In Russian).

Skrsinskaya E.Ch. 1971. *Barbaro I Contarini o Rossii. K istorii italo-russkikh svyasey v XV veke* [Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italo-Russian Relations in the 15th Century]. Leningrad: Nauka. 273 p. (In Russian).

Sinit'syna N.V. 1977. *Maxim Grek v Rossii* [Maximos the Greek in Russia]. Moscow: Nauka. 332 p. (In Russian).

Sinit'syna N.V. 1997. *Dva mira: vosmoznosti vsaimoponimaniya* [Two Worlds: the Possibilities of the Mutual Understanding]. *Rossiya v pervoy polovine XVI veka: vsglyad is Evropi* [Russia in the First Half of the 16th Century: a Glance from Europe]. Prepared by O.F. Kudriavtsev. Moscow. P. 35–62. (In Russian).

Sobolevskiy A.I. 1903. *Perevodnaya literatura Moskovskoy Rusi. Bibliograficheskiye materialy* [The Literature Translations of Moscow Russia, the 16–17 Centuries. The Bibliographical Materials]. *Sbornik otdeleniya russkogo yasika i literature Imperatorskoy akademii nauk* [The Collection of Works of the Department of the Russian Language and Literature of the Emperor's Academy of Sciences]. Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. Nauk. 74(1). 460 p. (In Russian).

Soloviev S.M. 1989. *Sochineniya* [The Works]. Moscow: "Misl'". 783 p. Book III. (In Russian).

Choroshkevich A.L. 1980. *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnih otnosheniyah konza XV -nachala XVI vekov* [The Russian State in the International Relations of the End of the 15th and the Beginning of the 16th centuries]. Moscow: "Nauka". 295 p. (In Russian).

Choroshkevich A.L. 2008. *Sigismund Herberstein I ego Sapiski o Moskovii* [Sigismund Herberstein and His Rerum Moscovitarum Commentarii]. *Herberstein S. Sapiski o Moskovii* [Herberstein S. Rerum Moscovitarum Commentarii]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy misli. Vol. II. P. 7–258. 295 p. (In Russian).

Shmurlo E.F. 1937. *Rim i Moskva. Nachalo snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Papskim prestolom (1462–1528)*. [Rome and Moscow. The Beginning of the Relations of the Moscow State with the Popes (1462–1528)]. *Sapiski russkogo istoricheskogo obschestva v Prage*. Praga Cheshskaya; Narva [The Records of the Russian Historical Society in Prague]. Prague; Narva: Tiskla knihtiskarna Petra Duska v Ricanech. Book 3. P. 91–136. (In Russian).

Simchich O. 1996. *Diplomaticeskaya missiya posla Maximiliana I Francesco da Collo I ego "Relazione di Moscovia"* [The Diplomatic Mission of Maximilianus' the I Ambassador Francesco da Collo and His "Relazione di Moscovia"]. *Francesco da Collo. Donoshenie o Moskovii* [Francesco da Collo. "Relazione di Moscovia"]. Moscow: "Nasledie". P. 5–43.

Список литературы на русском языке:

Гамель И.Х. 1865. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. *Приложение к VIII тому записок Императорской академии наук*. Санкт-Петербург: Типография Имп. Акад. Наук. 179 с.

Гарэн Э. 1986. *Проблемы итальянского Возрождения*. Москва: «Прогресс». 495 с.

Граля И. 1992. Мотивы «оршанского триумфа» в ягеллонской пропаганде. *Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Чтения памяти В.Б. Кобрин*. Москва. С. 46–50.

Зимин А.А. 1972. *Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.)*. Москва: «Наука». 452 с.

Карамзин Н.М. 1842. *История государства Российского*. Москва: В типографии Эдуарда Праца. Кн. II. Т. VII. 526 с.

Ключевский В.О. 2023. *Сказания иностранцев о Московском государстве*. Москва: «Юрайт». 286 с. (1 изд. – М., 1866).

Кудрявцев О.Ф. 1997. Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. Составитель, автор вступительных статей, примечаний, указателей - О.Ф. Кудрявцев. Москва: «Русское слово». С. 6–34.

Кудрявцев О.Ф. 2008. *Флорентийская Платоновская академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии*. Москва: «Наука». 478 с.

Писаревский Г. 1895. К истории сношений России с Германией в начале XVI века. *Чтения в обществе истории и древностей российских*. Кн. 2. С. 1–21.

Ревякина Н.В. 2000. *Человек в гуманизме итальянского Возрождения*. Иваново: Изд-во Ивановского ун-та. 323 с.

Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. 1997. Составитель, автор вступительных статей, примечаний, указателей - О.Ф. Кудрявцев. Москва: «Русский мир». 403 с.

Симчич О. *Дипломатическая миссия посла Максимилиана I Франческо да Колло и его "Relazione di Moscovia"*. *Франческо да Колло. Доношение о Московии*. Москва: «Наследие». 1996. С. 5–43.

Синицына Н.В. 1977. *Максим Грек в России*. Москва: «Наука». 332 с.

Синицына Н.В. 1997. Два мира: возможность взаимопонимания. *Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы*. Москва: «Русский мир». С. 35–62.

Скржинская Е.Ч. 1971. *Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в.* Ленинград: «Наука». 273 с.

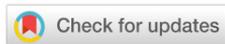
Соболевский А.И. 1903. *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. Наук. Т. 74. N 1. 460 с.

Соловьев С. М. 1989. *Сочинения. Кн. III*. Москва: «Мысль». 783 с.

Хорошкевич А.Л. 1980. *Русское государство в системе международных отношений конца XV– начала XVI в.* Москва: «Наука». 295 с.

Хорошкевич А.Л. и др. 2008. Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии». *Герберштейн С. Записки о Московии*. Перевод А.И. Малеина, А.В. Назаренко. Москва: «Памятники исторической мысли». Т. II. С. 7–258.

Шмурло Е.Ф. 1937. Рим и Москва. Начало сношений Московского государства с Папским престолом (1462–1528). *Записки русского исторического общества в Праге*. Прага Чешская; Нарва: Tiskla knižtiskarna Petra Dusca v Rīcanech. Кн. 3. С. 91–136.

Испания в условиях нестабильности

 А.В. Баранов

Кубанский государственный университет

Рецензия на книгу: Хенкин С.М. 2023. *Испания. Современное нестабильное общество: Монография*. Москва. Издательство «Аспект Пресс».

Ключевые слова: Испания, внешняя политика, внутренняя политика, современность, нестабильное общество, социальная и политическая трансформация

В условиях нарастающей турбулентности глобальных экономических и политических процессов всё отчетливее проявляются особенности трансформаций политических систем на уровне международных регионов и различных государств. Мировой экономический кризис, а позже – пандемия коронавируса особенно сильно сказались на общественном развитии стран Южной Европы, сочетающих в своём экономическом и социальном облике черты центра и полупериферии мировой системы. Современная Испания – яркий пример «разделённого общества», долгосрочные социальные размежевания которого весомо влияют на позиционирование страны в международных отношениях, на трансформацию ключевых политических институтов, акторов политики и социокультурных оснований развития. Обострившиеся в 2008–2023 гг. проблемы испанского общества – неустойчивость экономики, высокий уровень безработицы и неравенства, кризис государства автономий и рост центробежных тенденций имеют ярко выраженное международное измерение, поскольку они обусловлены глобальными факторами. Поиски эффективных ответов на данные вызовы представляют интерес не только для Испании, но и для многих стран. Поэтому актуальна тема монографии С.М. Хенкина – ведущего российского испаниста, доктора исторических наук, профессора кафедры сравнительной политологии МГИМО–Университета МИД России.

УДК 323 (049.32) (460)

Поступила в редакцию: 03.02.2024

Принята к публикации: 12.07.2024

Рецензируемая монография обобщает многолетний успешный опыт авторских исследований политических процессов в Испании на протяжении демократического транзита и консолидированной демократии (1976–2022 гг.) (Хенкин 1993; Хенкин, Самсонкина 2011; Хенкин: 2017). В то же время монография обладает бесспорной новизной. Это подтверждается выбором структуры исследования, приоритетных аспектов научной проблемы и аргументации выводов. Например, С.М. Хенкин не придаёт понятию «нестабильное общество» негативного смысла. Такое общество понимается автором как способ существования и исторически обусловленное состояние современного социума в условиях постоянной турбулентности, растущих вызовов и рисков. Нестабильность охватывает все сферы общественной жизни, все её стороны. Нестабильность вызвана уже тем непреложным фактом, что Испания – разделённое общество по многим линиям размежеваний (этнической, религиозной, между центром и перифериями, между левыми и правыми, республиканцами и монархистами, сторонниками глобализации либо самобытного развития) (с. 359). Это долгосрочная историческая характеристика страны. Достаточно вспомнить дискуссию между М. Унамуну и Х. Ортегой-и-Гассетом о сущности испанского общества, о «двух Испаниях» – традиционалистской консервативной или либеральной, ориентированной на самоизоляцию или на интеграцию в Европу. Но нестабильность общества подпитывается и обновляется также вследствие краткосрочных факторов, действующих в глобализируемых обществах.

Отметим, что обобщающие исследования современной внешней и внутренней политики Испании остаются редкими и в зарубежной, и в российской аналитике. За последние 15 лет вышли в свет монография Б.Н. Филда и К. Хаманна об особенностях политических институтов Испании (Field, Hamann 2009), а также работы С.И. Уркизу (Urquizu 2016) и Ж.М. Коломера (Colomer 2017) о кризисе политической системы страны. Отечественные специалисты опубликовали коллективные монографии о новейшей истории Испании (История Испании 2014), современном политическом развитии Испании и Португалии (Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций 2017). Но доминируют узкоспециальные исследования отдельных аспектов темы в жанре статей. Тенденции внешней и внутренней политики Испании изменяются настолько масштабно и быстро, что их новейшие проявления ещё не раскрыты в системных политических исследованиях. Кризис государства автономий и, шире, общественной системы Испании, сложившейся в итоге демократического транзита 1976–1983 гг., вызывает дискуссии современных аналитиков (Mecke, Junkerjürgen, Pöppel, Schmelzer 2020: 11–26; Bartomeus 2016). Системная интерпретация причин и проявлений нестабильности испанского общества с позиций политической науки в российской научной школе предпринята впервые.

Автор монографии стремится раскрыть «совокупность факторов, характеризующих и объясняющих нестабильное состояние современной испанской политики» (с. 8). Научная проблема решается в весьма широких хронологических рамках с 1975 по 2021 гг. – от начала демократического транзита до завершения острой стадии пандемии коронавируса. Такой исследовательский подход позволяет осмыслить современные факты и явления в контексте не только долгосрочных базовых тенденций развития общества, его институтов и традиций культуры, но и последствий участия Испании в Европейском союзе и НАТО.

Монография С.М. Хенкина построена на основе применения исторического неонституционализма, благодаря чему конституционные нормы и органы государственной власти «погружены» в контекст политической конкуренции, воспринимаются обусловленными национальной политической традицией и сложной, изобиловавшей поворотами, траектории развития. В частности, государство автономий и модель испанского демократического транзита рассматриваются как результат перетягивания каната и компромисса между основными политическими силами, а не проявление неких фатальных «закономерностей прогресса». На наш взгляд, такая позиция автора плодотворна именно сейчас, когда модель государства автономий энергично оспаривается многими испанскими политиками. Монография основана и на применении компаративного метода, диахронного и синхронного многомерного сравнения. Выявляются сходства и различия основных этапов консолидации демократии, программ и методов деятельности политических партий, расстановки политических сил в сравнении электоральных циклов, импульсов взаимного влияния политики Европейского союза и Королевства Испания. Сравняется также интенсивность законодательной деятельности Генеральных кортесов, а также германского и итальянского парламентов (с. 205–206). С.М. Хенкин применил теории, релевантные для осмысления кризиса демократии в современной Испании: теорию элит, теорию клиентелизма, теорию многоуровневого управления, теорию социокультурных размежеваний (расколов) применительно к полиэтничному обществу. Анализ регионального сепаратизма проведён в русле парадигмы социального конструктивизма, дающей возможность убедительно объяснить причины и методы роста популярности этнонационализма в Стране Басков и Каталонии.

Рецензируемая монография стала результатом кропотливого сбора, систематизации и осмысления многочисленных источников, характеризующих тенденции развития испанского общества на протяжении 45 лет после диктатуры. Эмпирические данные представлены такими видами документов, как международные и национально-государственные законодательные акты, статистические материалы, тексты выступлений и публикаций политических лидеров, партийные программы и предвыборные заявления, результаты социологических опросов и выборов, публикации периодической печати

и интернет-ресурсов. Доминирующая часть источников – на испанском языке, характеризует процессы и явления новейшего десятилетия, а часть из них впервые введена в научный оборот. Экономическая и социально-демографическая статистика, итоги выборов выражены в форме таблиц, что облегчает восприятие информации. Автор исследования сумел обеспечить репрезентативность эмпирической основы работы, в то же время не перегружая монографию второстепенными и повторяющимися деталями. Поэтому монография обладает признаками прикладного экспертно-аналитического текста. Применяя предложенную автором «матрицу» осмысления общественных изменений, возможно провести лонгитюдное исследование испанского общества и в будущем.

Автор монографии выбрал структуру исследования, сочетающую диахронный и синхронный анализ основных институтов, акторов и процессов развития испанского общества в международном контексте. Строение монографии обеспечивает успешное решение задач исследования. Книга состоит из краткого введения, четырёх разделов, подразделённых на восемь глав и параграфы внутри них, сбалансированных по степени детализации материала и объёму, а также заключения и библиографии. Даны подробные аннотации на испанском и английском языках.

Первый раздел «От франкизма к консолидированной демократии: противоречивые перемены» содержит главы о кризисе авторитарной государственности франкистской Испании и демократическом транзите. По мнению С.М. Хенкина, испанское общество исторически разделяли четыре типа социально-политических конфликтов: между имущими и неимущими, между католиками и людьми секулярной культуры, монархистами и республиканцами, сторонниками унитаризма и децентрализации (с. 23). Все участники конфликтов предпочитали радикальные методы достижения своих целей. В итоге единство страны обеспечивалось вследствие вынужденных компромиссов между либеральными и консервативными элитами, клиентелизма и персонификации власти. После поражения в войне 1898 г. с США Испания стала второстепенной участницей международных отношений и объектом конкуренции между великими державами. Это глубоко травмировало общественное самосознание, породив на правом политическом фланге национал-католицизм, а на левом – атеизм и отречение от национальной самобытности.

Победа франкистского режима в Гражданской войне 1936–1939 гг. привела к внешней политике автаркии – курсу на создание изолированного государства, слабо вовлечённого в международное разделение труда. Официальная пропаганда изображала корпоративное государство альтернативой как социализму, так и либеральной демократии. Вместе с тем в условиях Холодной войны франкистский режим закономерно интегрировался в военно-политические и дипломатические структуры совокупного Запада, предоставив США военные базы на территории страны (1953 г.) и возможности для зарубежных инвестиций в испанскую экономику, международного туризма. Испания была допущена

в ООН (1955 г.). Таким образом, автор монографии обоснованно различает ранний и поздний франкизм, подчёркивает роль международных факторов в эрозии диктатуры (конец 1950-х – 1975 гг.).

Значительное внимание в первом разделе монографии уделено кризису и распаду франкистского «квазиконсенсуса», росту демократических настроений в католической церкви, профсоюзах, офицерском корпусе и даже правившей партии (с. 56–58). Одновременно в первой половине 1970-х гг. сложились широкие коалиции оппозиционных сил, наиболее влиятельными среди которых были Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП) и Коммунистическая партия Испании (КПИ). Всё более популярными становились лозунги национального примирения. Автор резонно отмечает влияние Португальской революции 1974 г. на рост демократических тенденций в Испании.

Важно, что первый раздел монографии имеет не историко-описательный характер, а объясняет технологии формирования демократической политической системы в стране после 1975 г. Прежде всего, внимание автора сосредоточено на легализации оппозиционных партий и образовании Союза демократического центра (СДЦ), подписании пактов Монклоа, подготовке и принятии новой Конституции Испании 1978 г., проведении курса автономизации в унитарном государстве. Отмечается важное значение персонального фактора – роли премьер-министров страны А. Суареса (1976–1981 гг.) и Ф. Гонсалеса (1982–1997 гг.) в демократическом транзите. Автор монографии ставит в центр внимания противоречия современной политической системы и современную борьбу вокруг истолкований демократического транзита, отразившуюся в противоречивой исторической памяти испанцев.

Наряду с положительной оценкой политики компромиссов С.М. Хенкин справедливо отмечает, что демократизация испанского общества вызвала рост экономической и политической нестабильности, безработицы. Значительно возросли масштабы террористической активности группировки ЭТА в Стране Басков, других региональных националистических организаций. Вступление Испании в НАТО было противоречиво воспринято в обществе и поддержано с небольшим перевесом голосов, о чём сейчас не любят вспоминать испанские политологи и публицисты. Но самое актуальное – демократический транзит, в особенности, подготовка текста Конституции и выбор модели государства автономий были совершены в основном посредством внутриэлитных договорённостей. В наши дни именно это даёт аргументы левым партиям, призывающим пересмотреть базовые параметры политической системы посредством федерализации. Напротив, правая партия «Вокс» стремится вернуть Испанию к чисто унитарному устройству и реабилитировать франкизм. Аргументирован вывод автора монографии: нет вечных и идеальных политических систем, и оправданные в условиях 1976–1983 гг. реформы на качественно ином этапе общественного развития стали менее легитимными, менее бесспорными.

Второй раздел «Ракурсы социальной трансформации» оправданно предшествует анализу политических институтов и практик. С.М. Хенкин определяет международные и внутригосударственные факторы поступательного роста испанской экономики в 1986–2007 гг. Вступление Испании в ЕЭС (1986 г.) придало мощный импульс модернизации за счёт реформ законодательства, получения ассигнований из структурных фондов ЕЭС (затем – Евросоюза) и прямых иностранных инвестиций, притока иммигрантов, нового позиционирования страны в системе международных связей (с. 125–127). Вместе с тем полупериферийность испанской экономики, её отставание от ведущих стран ЕС сохраняется до сих пор. Это подтверждается сравнительно низкими темпами роста производительности труда, слабой переквалификацией рабочей силы, низкими затратами на научно-технические и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), сильной зависимостью от международных источников финансирования. Сохраняется преувеличенная роль в испанской экономике низкотехнологичных и трудоёмких отраслей, зависимость от импорта энергоносителей, бюрократизм (с. 127–129). Государство благосостояния, созданное в Испании после 1975 г., пронизано противоречиями. Вступление Испании в ЕС привело к росту социальной защищённости граждан, к принятию европейских стандартов в сферах здравоохранения, образования и пенсионного обеспечения, смягчению социального неравенства регионов страны, мобильности рабочей силы в пределах Шенгенской зоны. Рост заработной платы и социальных услуг повысили среднюю продолжительность жизни испанцев до 82 лет в 2017 г. В то же время сохраняется один из самых высоких среди стран Евросоюза уровень безработицы и неполной занятости. По выводу автора монографии, испанское государство благосостояния – разновидность южноевропейской модели социального государства; основная его черта – «функциональная недоразвитость», проявляющаяся в пониженном уровне социальных расходов, неравномерном распределении социальных выплат, недоразвитости защиты семьи, недостаточном внимании к предоставлению социального жилья (с. 134–135). В условиях мирового экономического кризиса 2008–2013 гг., а затем – пандемии коронавируса эти проблемы сильно обострились. Левоцентристское правительство П. Санчеса подготовило «План восстановления, трансформации и устойчивого развития», направленный Еврокомиссии для получения финансовой помощи. В итоге Испания получает от ЕС помощь в размере 140 млрд евро на протяжении 2021–2026 гг., направляемую в основном на экологическую политику, цифровизацию, образование и научные исследования. Но Испания имеет худший среди стран ЕС уровень использования структурных фондов Евросоюза – 39% за 2014–2020 гг., что объясняется коррупцией и бюрократизмом¹. Таким

¹ Киселёв М. Горе от денег: Испания и Италия могут «подавиться миллиардами». *Деловой Петербург*. URL: https://www.dp.ru/a/2021/02/27/Gore_ot_deneg_Ispanija_i (дата обращения: 30.01.2024).

образом, С.М. Хенкин уделяет должное внимание проблемам несовершенной модернизации и назревших структурных реформ испанской экономики, хронической безработицы и нестабильных форм занятости (прекариата), вызовам и рискам иммиграции.

Освещённые во втором разделе монографии социальные и экономические аспекты развития Испании логично приводят С.М. Хенкина к объяснению причин турбулентности политической системы страны, к осмыслению традиционных и новых форм протестных движений. Автор отмечает, что вступление Испании в ЕС ослабило роль Генеральных кортесов в политической системе страны, поскольку часть полномочий парламента была делегирована институтам Евросоюза. Как и в других европейских странах, снижение политического влияния законодательных органов привело к росту влияния исполнительной власти. Автор монографии указывает также на слабые полномочия сената и снижение популярности парламента в целом, согласно опросам общественного мнения (с. 205–207). Независимость судебной власти нередко оказывается мнимой, что подтверждают коррупционные скандалы и давление правительства на судей при обсуждении амнистии каталонских и баскских сепаратистов. В период экономического кризиса зафиксирован также спад популярности монархии как института власти. Республиканские настроения наиболее влиятельны в Каталонии, Стране Басков, Наварре, Галисии, Валенсианском сообществе, – автономных сообществах, где проявляются риски сепаратизма. Вместе с тем С.М. Хенкин подтверждает высокую приверженность испанцев участию страны в Европейском союзе и НАТО, что основано на ожиданиях экономической помощи ЕС. Вызывает одобрение общества и внешнеполитическая повестка правительств Испании, если только она не вредит непосредственным интересам граждан (как это было во время террористического акта на железнодорожном вокзале Аточа в Мадриде в 2004 г.) (с. 226–227).

Третий раздел монографии «Партийно-политическая система: время испытаний» включает в себя оценки специфики и трансформаций партийной системы и взаимодействий публичной власти с обществом. Автор отмечает, что за 1976–2011 гг. сформировалась система умеренного партийного плюрализма; свыше 80% мест в Генеральных кортесах принадлежало двум основным силам – ИСРП и Народной партии, менявшимся у власти. Зависимость основных партий от младших партнёров по коалициям (региональных националистических партий) была относительно невелика. С.М. Хенкин подчёркивает огромную роль политических партий, контролирующих всё политическое пространство страны. Основные государственные органы и их служащие формируются по принципу лояльности правящим партиям.

Мировой экономической кризис и новые формы политической коммуникации создали растущий запрос общества на новые партии и новую публичную политику, запрос на демократию участия. Такие же тенденции, кстати, отмечаются во многих странах Европы. В итоге за 2011–2018 гг. партийная система Ис-

пани трансформировалась из «двухсполовинной» в четырёхпартийную. На левом фланге проявилось влияние новой партии «Подемос», в центре партийного спектра – партии «Граждане», на правом фланге – национал-консервативной партии «Вокс». Вследствие фрагментации и перестройки партийной системы Испания четыре раза проводила общенациональные парламентские выборы с декабря 2015 по ноябрь 2019 г. Возросла волатильность партийной системы, ослабление идеологий ведёт к росту популизма, избиратели всё чаще соотносят партии с яркими харизматичными лидерами. Падает качество государственного управления. Формирование правительства впервые за весь период демократического развития стало зависеть от прагматических договорённостей партий с контрастными идеологическими ориентациями. С.М. Хенкин отмечает, что лидеры партий по-прежнему предпочитают верхушечные комбинации и закулисные договорённости, а не публичное обсуждение важных проблем общества (с. 209). Хотя в 2019–2023 гг. отмечается частичное восстановление поддержки ведущих партий, но данный процесс идёт на новой основе; деление политиков на левых и правых всё более ситуативно.

В четвёртом разделе монографии «Политико-территориальная модель: старые проблемы и новые вызовы» автор оценивает сущность государства автономий и причины, динамику его кризиса в 2000–2020-х гг. Подчёркивается, что модель государства автономий промежуточна между унитарным и федеративным государством. Она отражает многовековой исторический опыт Испании – асимметричные полномочия различных регионов. Автор монографии детально излагает признаки государства автономий, сближающие его как с унитарным, так и с федеративным устройством. Понятие «национальность» имеет в Испании иной смысл, чем во многих странах Запада: не столько этнический, сколько территориальный. На стадии демократического транзита формирование государства автономий имело позитивные последствия, позволило снизить остроту территориальных конфликтов и отчасти стабилизировать общество. Испанский сценарий регулирования территориальных проблем воспринимался в России как практически идеальный. Напротив, в начале 2000-х гг. стало нарастать движение ряда автономных сообществ Испании за повышение своего статуса. Особый размах движение получило в Стране Басков (план лезндакари – председателя регионального правительства Х.Х. Ибарретче по конфедерализации отношений с Испанией) и Каталонии (принятие нового Статута автономного сообщества, плебисциты в муниципалитетах о суверенитете Каталонии, отказ группы автономных сообществ платить по государственному долгу в 2012 г., незаконный референдум о независимости в 2017 г.).

В монографии С.М. Хенкина детально проанализированы причины регионального сепаратизма в Стране Басков и Каталонии. Среди них – международные: ориентация Евросоюза на трансформацию в федеративную структуру, движение к «Европе регионов» – устройству, при котором внутрисубъектные административные единицы обретут международный статус и ограничат

государственный суверенитет в свою пользу. Повлияли на рост дезинтеграционных процессов и примеры распада полиэтничных государств: СССР, Югославии, Чехословакии, Эфиопии, Судана, а также «эффект заражения» – обмен технологиями борьбы за свои требования между сецессионистами Шотландии, Фландрии, Северной Италии, автономных сообществ Испании и др. (с. 302–303). С.М. Хенкин формулирует возможные альтернативы развития территориальной организации Испании (от сохранения статус-кво до распада государства), пути реформ государства автономий. Рассматриваются негативные последствия возможного выхода Каталонии из состава Испании, в том числе – экономический спад и неясность перспектив вступления в международные организации. Подчёркивается, что Евросоюз ещё не имеет продуманного и эффективного механизма реагирования на распад государств – членов ЕС. Многие страны Европы, имеющие проблемы сецессионизма, не заинтересованы поддерживать самоопределение Каталонии (с. 351–353).

Авторский стиль изложения фактов в монографии С.М. Хенкина сочетает отчётливость суждений, их краткость и логичность. В то же время, работа предназначена для подготовленных читателей – международных политологов, социологов, экономистов, историков, которые найдут в книге богатый материал для дискуссии и развития своих научных знаний.

Тема монографии предполагает, на наш взгляд, более глубокое осмысление процессов в сфере ценностей и идентичностей испанского общества, чем это реализовано в тексте. Надеемся, что данный аспект темы в контексте цивилизационного своеобразия Испании, её статуса как ареала фронтальных взаимодействий Запада и Востока будет освещён в последующих работах автора.

Монография С.М. Хенкина предназначена для целевой аудитории профессиональных международных политологов, социологов, экономистов, прежде всего – для специалистов по сравнительному анализу опыта демократической консолидации в странах полупериферии мировой системы. Полагаем, что рецензируемая книга будет востребована в образовательных учреждениях высшего образования по направлениям подготовки «Международные отношения», «Зарубежное регионоведение» и «Политология».

Монография С.М. Хенкина обладает не только новизной обобщённых эмпирических данных, но и перспективной значимостью сделанных выводов, выходящих за рамки одной страны. Например, противоречивая историческая память испанцев о Гражданской войне и франкизме весьма созвучна оценкам исторической памяти о XX в. в современной России. Продуктивен вывод автора о том, что неумолимая логика общественного развития требует постоянно совершенствовать правовые нормы, политические институты и практики управления. Так, назрела конституционная реформа; необходимы комплексные антикоррупционные меры и рационализация политического управления. Партийная система стала более волатильной и малопредсказуемой, поскольку созрел запрос общества на новые формы представительства интересов, более

эффективные в информационном обществе «партии-движения». Принципиальное значение имеет анализ технологий выхода испанского общества из мирового экономического кризиса и пандемии. Автор монографии убедительно доказывает, что одним из важнейших последствий кризиса стала ускоренная интеграция испанского общества в международные экономические и социокультурные процессы, цифровизация и структурная перестройка хозяйства.

Итак, С.М. Хенкин в рецензируемой монографии не только поставил важную научную проблему современной испанистики, но и разработал перспективную концепцию системного исследования политической системы Испании в международном контексте.

Об авторе:

Андрей Владимирович Баранов – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета.
E-mail: baranovandrew@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 323 (049.32) (460)
Received: February 03, 2024
Accepted: July 12, 2024

Spain in a State of Uncertainty

 A.V. Baranov
[DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-183-193](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-4-97-183-193)

Kuban State University

Book Review: Khenkin S. 2023. *Spain. Modern unstable society*. Moscow. Aspect Press.

Key words: Spain, foreign policy, domestic policy, modernity, unstable society, social and political transformation.

About the author:

Andrey V. Baranov – Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor of Political Science and Political Management Department of the Kuban State University.
E-mail: baranovandrew@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Bartomeus O. 2016. *40 Años de Democracia: un Balance Complejo*. URL: <https://www.fundacionfeligonzalez.org/40-anos-de-democracia-un-balance-complejo/> (accessed 11.01.2024).
- Colomer J.M. 2017. *España: la Historia de una Frustración*. Madrid: Anagrama. 304 p.
- Field B.N., Hamann K. 2009. *Democracy and Institutional Development: Spain in Comparative Theoretical Perspective*. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan. 268 p.
- Mecke J., Junkerjürgen R., Pöppel H., Schmelzer D. 2020. La Crisis en España Diez Años Después: Balance y Perspectivas. *Estudios Culturales Hispánicos*. Regensburg. №1. P. 11–26. DOI: 10.5283/ech.9
- Urquizu S.I. 2016. *La Crisis de Representación en España*. Madrid: Los Libros de la Catarata. 174 p.
- Ispanija i Portugalija v epokhu global'nykh transformatsij* [Spain and Portugal in the Era of Global Transformations]. 2017 Ed. by N.M. Yakovleva. . Moscow: Institute for Latin Amerika RAS. 307 p. (In Russian).
- Istoriia Ispanii. T. 2. Ot voyny za ispanское nasledstvo do nachala XXI veka* [The History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession to the Beginning of the 21 Century]. 2014. Ed. by O.V. Volosiuk, M.A. Anikin, E.E. Yurchik. Moscow: Indrik Publ. 872 p. (In Russian).
- Khenkin S.M. 1993. *Ispanija posle diktatury (sotsial'no-politicheskie problemy perekhoda k demokratii)* [Spain After the Dictatorship (Socio-Political Problems of the Transition to Democracy)]. Moscow: Nauka Publ. 202 p. (In Russian).
- Khenkin S.M. 2017. *Fenomen separatizma: opyt Ispanii* [The Phenomenon of Separatism: the Experience of Spain]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii. 110 p. (In Russian).
- Khenkin S.M., Samsonkina E.S. 2011. *Baskskij konflikt: istoki, kharakter, metamorfozy* [The Basque Conflict: Origins, Character, Metamorphoses]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii. 380 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Испания и Португалия в эпоху глобальных трансформаций*. 2017. Отв. ред. Н.М. Яковлева. Москва: Институт Латинской Америки РАН. 307 с.
- История Испании. Т. 2. От войны за испанское наследство до начала XXI в.* 2014. Отв. ред. тома: О.В. Волосюк, М.А. Аникин, Е.Э. Юрчик. Москва: Индрик. 872 с.
- Хенкин С.М. 1993. *Испания после диктатуры (социально-политические проблемы перехода к демократии)*. Москва: Наука. 202 с.
- Хенкин С.М. 2017. *Феномен сепаратизма: опыт Испании*. Москва: МГИМО (У) МИД России. 110 с.
- Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. 2011. *Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы*. Москва: МГИМО МИД России. 380 с.